

“Мозий – истиқболимизнинг тарозисидир” Маҳмудхўжа Беҳбудий

1/2019 (81)

MOZiYDAN

SADO

ECHO OF HISTORY
ЭХО ИСТОРИИ

**ТАРИХ – ЎЗБЕКИСТОН САНЪАТИДА МИЛЛИЙ
УЙФОНИШНИНГ ОМИЛИ**

**ИСТОРИЯ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОГО
ВОЗРОЖДЕНИЯ В ИСКУССТВЕ УЗБЕКИСТАНА**

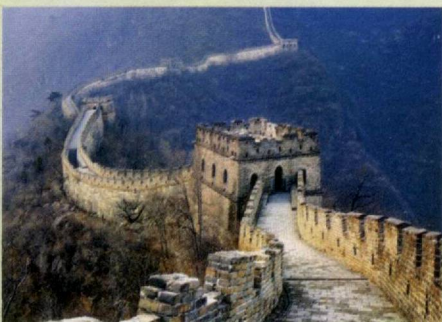
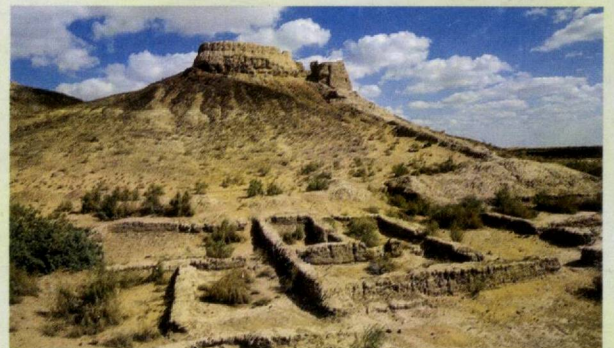
**HISTORY AS A FACTOR OF NATIONAL REVIVAL
IN THE ART OF UZBEKISTAN**

Экз
№ 3

ҚАДИМГИ ТУРКЛАРДА ОТАШПАРАСТАЛИК

КУЛЬТ ОГНЯ У ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

CULT OF FIRE AMONG ANCIENT TURKS

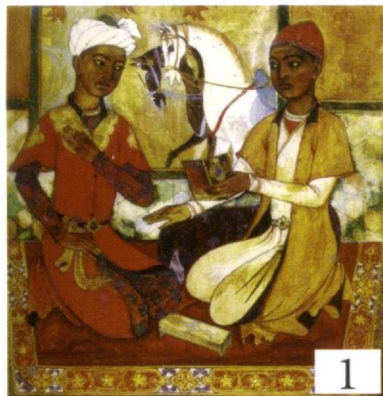
БУЮК ИПАК ЙЎЛИ – ҲАЁТ ВА ТАҚДИРЛАР ДАРЁСИ

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ – РЕКА ЖИЗНЕЙ И СУДЕБ

GREAT SILK ROAD – RIVER OF LIFES AND FATES

МУНДАРИЖА • СОДЕРЖАНИЕ • CONTENTS

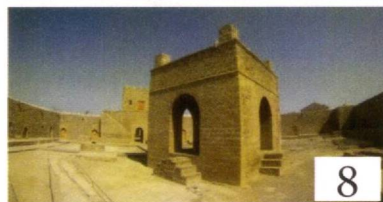
1

A. ҲАКИМОВ
A. ХАКИМОВ
A. KHAKIMOV

ТАРИХ – ЎЗБЕКИСТОН САНЪАТИДА МИЛЛИЙ
УЙФОНИШНИНГ ОМИЛИ

1

ИСТОРИЯ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОГО
ВОЗРОЖДЕНИЯ В ИСКУССТВЕ УЗБЕКИСТАНА
HISTORY AS A FACTOR OF NATIONAL REVIVAL
IN THE ART OF UZBEKISTAN

8

Ш. КАМОЛИДДИН
Ш. КАМОЛИДДИН
Sh. KAMOLIDDIN

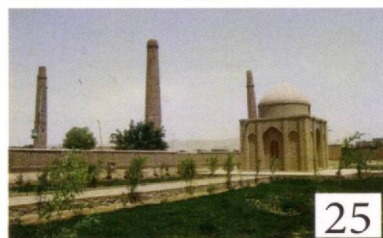
ҚАДИМГИ ТУРКЛАРДА ОТАШПАРАСТЛИК
КУЛЬТ ОГНЯ У ДРЕВНИХ ТЮРКОВ
CULT OF FIRE AMONG ANCIENT TURKS

8

A. ХОДЖАЕВ
A. ХОДЖАЕВ
A. KHODZHAEV

БУЮК ИПАК ЙЎЛИ – ҲАЁТ ВА ТАҚДИРЛАР ДАРЁСИ
ЎРТА АСРЛАРДА МАРКАЗИЙ ОСИЁ ВА ХИТОЙ
ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ – РЕКА ЖИЗНЕЙ И СУДЕБ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КИТАЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА
GREAT SILK ROAD – RIVER OF LIVES AND FATES
CENTRAL ASIA AND CHINA IN THE MIDDLE AGES

14

25

Ш. ҚЎЛДАШЕВ
Ш. ҚЎЛДАШЕВ
Sh. KULDASHEV

ХИТОЙ ЭЛЧИСИ ҚЎҚОНДА
ПОСОЛ КИТАЯ В КОКАНДЕ
CHINESE AMBASSADOR IN KOKAND

19

A. АЗИЗКУЛОВ
A. АЗИЗКУЛОВ
A. AZIZKULOV

МАРКАЗИЙ ОСИЁДА БУДДАВИЙЛИК
БУДДИЗМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
BUDDHISM IN CENTRAL ASIA

22

28

Ш. ЖУЗЖОНИЙ
Ш. ЖУЗЖОНИЙ
Sh. ZHUZZHONIY

ҲИРОТ – ТЕМУРИЙЛАР МАДАНИЯТИ МАРКАЗИ
ГЕРАТ – КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ТЕМУРИДОВ
HERAT – CENTER OF CULTURE OF THE TEMURIDS

25

Ю. САЙДАЛИЕВ
Ю. САЙДАЛИЕВ
Y. SAYDALIEV

МУСИҚАШУНОСЛИК ЎРТА АСРЛАР МУАЛЛИФЛАРИ НАЗДИДА
МУЗЫКОВЕДЕНИЕ В ТРУДАХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АВТОРОВ
MUSICOLOGY IN THE WORKS OF MEDIEVAL AUTHORS

28

30

Н. КАРИМОВА
Н. КАРИМОВА
N. KARIMOVA

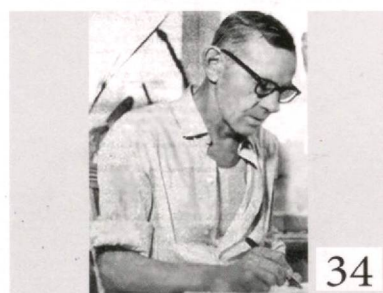
МАРКАЗИЙ ОСИЁ КИНО САНЪАТИНИНГ САРЧАШМАЛАРИДА
У ИСТОКОВ КИНОИСКУССТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
AT THE ORIGINS OF FILM ART OF CENTRAL ASIA

30

T. НУРИТДИНОВА
T. НУРИТДИНОВА
T. NURITDINOVA

МАРКАЗИЙ ОСИЁ АРХЕОЛОГИЯСИ ФИДОЙИСИ
ЭНТУЗИАСТ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
ENTHUSIAST OF CENTRAL ASIAN ARCHEOLOGY

34

34

C. ЭГАМБЕРДИЕВ
C. ЭГАМБЕРДИЕВ
S. EGAMBERDIEV

ТАСВИРИЙ САНЪАТДА АМИР ТЕМУР ОБРАЗИ
ОБРАЗ АМИРА ТЕМУРА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ
AMIR TEMUR'S IMAGE IN FINE ARTS

37

X. ҲАЙИТБОБОЕВА
X. ҲАЙИТБАБАЕВА
KH. KHAITBABAIEVA

ЗАМОНАВИЙ ТОШКЕНТ ЁҒОЧ ЎЙМАКОРЛИГИ
МАКТАБИ АНЪАНАЛАРИ
ТРАДИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ТАШКЕНТСКОЙ
ШКОЛЫ РЕЗЬБЫ ПО ДЕРЕВУ
TRADITIONS OF MODERN TASHKENT SCHOOL
OF WOODCARVING

40

37

H. ТУРСУНОВ
H. ТУРСУНОВ
N. TURSUNOV

СУРХОНДАРЁ ХАЛҚ МЕЪМОРЧИЛИГИ
НАРОДНОЕ ЗОДЧЕСТВО СУРХАНДАРЬИ
FOLK ARCHITECTURE OF SURKHANDARYA

42

O. МУҲАММАДЖОНОВ,
D. ҲОШИМОВА
O. МУҲАММАДЖАНОВ,
D. ХАШИМОВА
O. MUKHAMEDZHANOV,
D. KHASHIMOVA

ТОШКЕНТ – АДАБИЙ-МАДАНИЙ ТУРИЗМ МАРКАЗИ
ТАШКЕНТ – ЦЕНТР ЛИТЕРАТУРНО-КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА
TASHKENT – CENTER OF LITERARY AND CULTURAL TOURISM

45

40

ТАРИХ – ЎЗБЕКИСТОН САНЪАТИДА МИЛЛИЙ УЙҒОНИШНИНГ ОМИЛИ

Акбар ҲАКИМОВ

Миллий санъат ривожланиш йўллари тушунишда уни ижтимоий-сиёсий ўзгаришлар кесимида англаш масаласи ғоят долзарбдир. XX аср Ўзбекистон санъатида сиёсий вазият билан боғлиқ равишда у ёки бу тенденция устулик қилишни кузатамиз. Масалан, XX аср ўрталарида рангасвирда совет ҳокимияти ва соцреализм мафқурасининг муқаррар талаблари доирасида шартлаштирилган анъанавий эстетика ва

воқеликни ижобий баҳолаш афзаллиги яққол кўзга ташланиб туради. 1980 йиллар охирида эса мафқуранинг беқарорлигини ташкил қилган рангасвир ва қайта қурилиш даври ҳодисаларининг салбий баҳолалиши сезилади. Тарихий-ижтимоий воқеийлик талқинида совет тарихи пинҳоний, аммо

қаттиқ танқидга дуч келади (А.Икромжонов, Т.Миржалилов, А.Нур суратлари, бу сирага яна С.Алибеков, Б.Жалолов ва ҳ.к.ларнинг аллегорик асарларини кўрсатиш мумкин).

Шу йўсинда, Ўзбекистон иждоқор зиёлиларининг тарихий онги сўнги бир юз элик йил мобайнида ўзига хос узвий жараёнларни босиб ўтди. Мазкур ҳаракатнинг шартли схемаси қисқача қуйидагича кўриниш олган. Туркистондаги анъанавий ҳаёт тарзини аёвсиз ижтимоий танқид остига олиш (В.Верещагин антиутопияси –

HISTORY AS A FACTOR OF NATIONAL REVIVAL IN THE ART OF UZBEKISTAN

Akbar KHAKIMOV

For understanding of the ways of development of national art, the issues related to its comprehension in the context of socio-political transformations are very relevant. Depending on the political situation in the art of Uzbekistan of the XX century, there is a predominance of a particular trend. So, if in the middle of the XX century we see a clear predominance of traditionalist aesthetics and positive assessments of reality in painting caused by quite stable regime of Soviet power and

Ч. Ахмаров. Искандар девори. 1944-47.
Ч. Ахмаров. Стена Искандера. 1944-47.
Ch. Akhmarov. Wall of Iskandar. 1944-47.

ideology of socialist realism, then in the late 1980-ies its instability generates conditions for emergence and dissemination of non-figurative painting and negative evaluation phenomena of the perestroika period. Interpretation of the historical and social reality acquired the nature of a hidden but harsh criticism of Soviet history (the paintings by A. Ikramdzhanov, T. Mirdzhalilov, A. Nur, this row can be added by allegorical compositions by S. Alibekov, B. Dzhahalov, and others).

Thus, the historical consciousness of the creative intelligentsia of Uzbekistan over the past one

ИСТОРИЯ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В ИСКУССТВЕ УЗБЕКИСТАНА

Акбар ҲАКИМОВ

Для понимания путей развития национального искусства весьма актуальны вопросы, связанные с его осмыслением в контексте социально-политических трансформаций. В зависимости от политической ситуации, в искусстве Узбекистана XX века наблюдалось преимущество той или иной тенденции. Так, если в середине XX века мы видим явное преобладание традиционалистской эстетики и позитивных оценок действительности в живописи, обусловленных

довольно стабильным режимом советской власти и идеологии соцреализма, то в конце 1980-х годов ее неустойчивость обуславливает появление и распространение нефигуративной живописи и негативной оценки периода перестройки. Интерпретация историко-социальных явлений приобретает характер скрытой, но жесткой критики советской истории (картины А. Икрамджанова, Т. Мирджалилова, А. Нура, аллегорические композиции С. Алибекова, Б. Джалалова и др.).

Таким образом, историческое сознание творческой интеллигенции Узбекистана на протяжении последних полутора столетий имело свою динамику. Кратко эта схема выглядит следующим образом – от жесткой социальной критики традиционного уклада жизни в Туркестане (антиутопия В.Верещагина – конец XIX в.) и экзотизации традиционного наследия Востока (гедонистическая утопия – 1910-1920е гг.), до утопии соцреализма

Эта № 3

● XIX аср охири) ва Шарқнинг анъанавий меросини экзотиклаштириш (гедонистик утопия – 1910 – 20-й.й.) дан тортиб, ижтимоий реализм утопияси (1930 – 1980 йиллар боши) ҳамда тарихий-маданий меросдан миллатлараро тенглик тамойилларини излаш (1980 йиллар охири – 2018 й.)

1940–80-йилларда рассомларнинг тарихий онги қуйидагича шаклланди: 1940 йилларга хос етук тарихий арбоблар ва мозийдаги мутафаккирлар сиймоларига мурожаат қилишдан тортиб, то шўро тарихини ижтимоий жиҳатдан танқидга олиш ҳамда 1980 йиллар қайта қуриш давридаги миллий маданий меросни бадиийлаштириш.

1940–60-йиллардаги собиқ совет жамиятининг жипслигини сақлаш йўлидаги сиёсати республикаларда жадаллашиб бораётган миллий ва маданий ўзликни англаш тенденцияларини ҳисобга олган ҳолда олиб борилган. Ушбу мушкул масала турли йўллар билан ҳал қилинган. Бир томондан, ҳар қандай миллий озодликка бўлган интилиш, жумладан, санъатда аёвсиз қатағонга дучор этилди. Бошқа томондан эса марказий ҳокимият мамлакат халқларининг илғор маданий меросини умумжаҳон бойлиги, деб эълон қилиш орқали давлатнинг миллий-маданий сиёсати тамойилларининг байналмилал қадриятларга асосланганлигини кўрсатишга уринди. Олдинга сурган ғоялари расмий миллий сиёсат тамойилларига тўғри келувчи тарихий шахслар маданий мерос бисотидан алоҳида ажратиб кўрсатишга. Ўзбекистонда Навоий, Озарбайжонда Низомий, Грузияда Шота Руставели, Тожикистонда Фирдавсий ва Рудакий каби буюк шоир ва мутафаккирлар умумиттифоқ эътирофига сазовор бўлиб, кенг тарғиб қилинган.

1940 йилларда санъат арбобларининг Навоий ижодий меросига мурожаати рассом-

● and a half centuries had its own dynamics. Briefly, this scheme is as follows. From severe social criticism of traditional way of life in Turkestan (anti-utopia by V. Vereshchagin – end of the XIX century) and exotification of the traditional heritage of the East (hedonistic utopia – 1910–1920) to utopia of socialist realism (1930-early 1980-ies) and search of national identity markers in historical and cultural heritage (end of 1980–2018).

In 1940–1980-ies the historical consciousness of artists had its own dynamics: from the appeal to the images of outstanding historical figures and thinkers of the past, which began in the 1940-ies, up to social criticism of Soviet history and aestheticization of national cultural heritage during the perestroika of the 1980-ies.

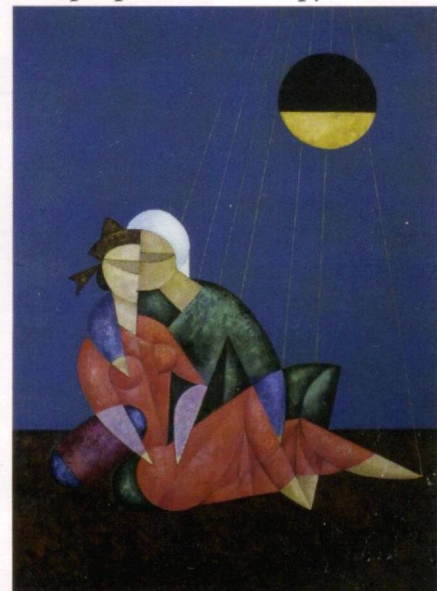
The policy of the Soviet state in 1940-60-ies proceeded from understanding of the growing tendency in the republics for the national and cultural self-consciousness, which needed to be combined with the priority task – preserving of the unity of the Soviet society. This difficult task was solved in various ways: on the one hand, any national freethinking, including in art, were subjected to severe repression, and on the other hand, the central leadership tried to make state national and cultural policy attractive, emphasizing the international character of its principles, proclaimed progressive heritage of the country's peoples as a universal world heritage. Historical figures, whose ideas coincided with the principles of the official national policy, were selected from cultural heritage. In this respect, such great poets and thinkers as Navoi in Uzbekistan, Nizami in Azerbaijan, Shota Rustaveli in Georgia, Firdausi and Rudaki in Tajikistan acquired the right to their recognition and wide propaganda.

In the 1940-ies the appeal of artists to Navoi's creative heritage revealed two opposing trends in the historical consciousness of artists. The first, quantitatively prevailing wing was headed by V. Kaydalov,

● (1930-нач 1980-х гг) и поиска в историко-культурном наследии маркеров национальной идентичности (конец 1980-2018 гг).

В 1940–80-е гг. историческое сознание художников имеет свою динамику: от начавшегося в 1940-е годы обращения к образам выдающихся исторических деятелей и мыслителей прошлого, до социальной критики советской истории и эстетизации национального культурного наследия в период перестройки 1980-х гг.

Политика советского государства в 1940–60-е гг. исходила из понимания нарастающей в республиках тенденции к росту национального и культурного самосознания, которое необходимо было сочетать с приоритетной задачей сохранения единства советского общества. Эта сложная задача решалась различными способами – с одной стороны, любое национальное свободомыслие, в том числе в искусстве, подвергалось жестким репрессиям, а, с другой, цен-

А.Насретдинов. Муҳаббат. 2008.
А.Насретдинов. Любoвь. 2008.
A.Nasretdinov. Love. 2008.

тральное руководство пыталось придать привлекательность государственной национально-культурной политике, подчеркивая интернациональный характер ее принципов и провозглашая прогрессивное наследие народов страны как всеобщее мировое достояние. В культурном наследии выбирались фигуры и исторические личности, идеи которых совпадали с принципами официаль-

● ларнинг тарихий онгида икки қарама-қарши оқимни намоён қилди. Биринчи, сон жиҳатидан устунликни ташкил этган оқимга ижтимоий реализм тарафдори, формализм ва декоративизмга қарши бўлган В.Кайдалов бошчилик қилди. Рассом 1940 йиллар бошида Алишер Навоийнинг хрестоматик портретини яратган ва Ўрта аср шоири образининг “тўғри ва ҳаққоний талқини” учун республика мукофотига сазовор бўлган.

Иккинчи оқим ташаббускор тарих ва миллий-маданий ҳамда маънавий мероснинг аксини ифодаловчи янги бадиий лирик-романтик талқин муаллифи Чингиз Аҳмаров эди.

Ўзбек халқининг бой маданий ва маънавий мероси Ч.Аҳмаров ижодидаги муайян образлар силсиласида кенг намоён бўлган. Ҳукмдорлар ва шоирлар, давлат арконлари ва саркардалар, етук меъморлар ва машҳур олимлар, файласуфлар ва ўтмишнинг афсонавий донишмандлари, Ўрта асрлар Шарқ гўзаллари Ч.Аҳмаров ижодининг асосий мавзуларидан бири бўлиб, уларнинг катта қисми 1961–62-йилларда мусаввир Тошкентга келганидан сўнг яратилган.

Ўша кезларда – 1970 – 80-йиллар бошида жадал тус олган миллий, тарихий ва маданий ўзликни англаш жараёни Ўзбекистонда энди бошланган эди. Ушбу ўзига хос миллий маданиятнинг ренессанси бошида илм ва ижоднинг зиёли вакиллари турар эди. Бу маънавий янгиланиш жараёнига 1959 йилда республика раҳбари бўлган Шароф Рашидов бошчилик қилди.

Айнан шу даврда Ўзбекистонда санъат ва адабиёт арбобларининг янги талқиндаги изланишларига нисбатан бағрикенглик муҳити юзага келиб, зиёлиларга кенг кўламли моддий ва маънавий ёрдам кўрсатилди. Ушбу шароитда А.Навоий номидаги Ўзбекистон Давлат академик катта театридаги Ч. Аҳмаров яратган деворий суратларида илк бор эскертган Ўрта асрлар Шарқ мада-

● an ardent supporter of socialist realism and irreconcilable opponent of formalism and decorativism. He was the author of the classic portrait of Alisher Navoi, created by him in the early 1940-ies and was awarded the Republican Prize for “correct realistic interpretation” of the medieval poet’s image.

The initiator of the second trend was Ch. Akhmarov - the author of a new artistic lyrical and romantic doctrine of artistic reflection of history and national cultural and spiritual heritage.

The rich cultural and spiritual heritage of the Uzbek people appears in Akhmarov’s creativity in a huge pantheon of personified images. Rulers and poets, eminent dignitaries and warriors, outstanding architects and scientists, philosophers and legendary sages of the past and oriental beauties of the medieval East were one of the main themes of his creativity, mostly created in Tashkent after his arrival in 1961–1962. At that time, in Uzbekistan the process of national, historical and cultural self-identification began with timid persistence, which in the 1970-ies and early 1980-ies received more intensive development. Representatives of the scientific and creative intellectuals stood at the origins of this some kind of Renaissance of national culture. This intellectual movement was headed by Sharaf Rashidov, who became the head of the republic in 1959.

Exactly in that period atmosphere of tolerance for innovative searches of workers of art and literature began to be gradually formed in Uzbekistan and full moral and material support was rendered to all creative intelligentsia. In these conditions, the search for a national identity in the cultural traditions of the medieval East, initiated by Akh-

Х.Зияхонов. Машшоқлар. 2001.
Х.Зияхонов. Музыканты. 2001.
KH.Ziyakhanov. Musicians. 2001.

● ной национальной политики. В этом отношении такие великие поэты и мыслители, как например, Навои в Узбекистане, Низами в Азербайджане, Шота Руставели в Грузии, Фирдоуси и Рудаки в Таджикистане приобретали право на всесоюзное признание и широкую пропаганду их творчества.

В 1940-е гг. обращение деятелей искусства к творческому наследию Навои выявило два противоположных направления в историческом сознании художников. Первое, количественно преобладающее крыло, возглавил В.Кайдалов – ярый приверженец соцреализма, непримиримый противник формализма и декоративизма. Как автор хрестоматийного портрета Алишера Навои, созданного еще в начале 1940-х годов, он получил республиканскую премию за “правильную реалистическую трактовку” образа средневекового поэта.

Инициатором второго направления был Ч.Ахмаров – автор новой художественной лирико-романтической доктрины художественного отражения истории и национального культурного и духовного наследия.

Богатое культурное и духовное наследие узбекского народа предстает в творчестве Ч.Ахмарова в огромном пантеоне персонифицированных образов. Правители и поэты, именитые сановники и воины, выдающиеся зодчие и ученые, философы и легендарные мудрецы прошлого, восточные красавицы средневекового Востока были одной из главных тем творчества

● ний анъаналаридан миллий ўзига хосликни излаш моҳияти ўз куртакаларини намоеъ қилди. 1960–1970 йиллар бошларида Ч.Аҳмаровнинг шогирдлари Жавлон Умарбеков ва Баҳодир Жалолов совет санъатининг “жиддий услуби”ни унсиз инкор этувчи туркум асарлар яратишди. Бу борада Ж.Умарбековнинг Ч.Аҳмаров ундовидан чизган “Навоий ва Хусайн Бойқаро” ва “Қўшиқ”, Б.Жалоловнинг қалб торларини чертувчи “Дўстим” асари диққатга сазовор. Миллий ўзига хослик унсурларини излаш, жумладан, Чингиз Аҳмаровнинг концептуал гояларидан илҳомланиш баробарида юзага келган яна бир тенденция Амир Мирзаев, Шухрат Абдурашидов, Раҳмон Шодиев каби қатор истеъодли мусаввирлар номи билан узвий боғлиқ. Улар миллий ўзига хос услубни халқ маданиятининг этник хусусиятидан ва анъанавий санъатнинг ёрқин палитрасидан излайдилар.

Бир эмас балки санъаткорларнинг бутун бир авлоди ёки катта гуруҳларига таъсир этувчи санъатдаги тектоник ўзгаришлар фақатгина муайян тарихий трансформациялар ва инқилобий эврилишдагина юзага келади. 1980 йиллар ўртасидаги қайта қуриш, 1991 йилда эса мустақилликка эришиш Ўзбекистон рангтасвирида янги тенденциялар пайдо бўлиши учун муҳим ундовчи сабаб бўлди. 1980 йиллар охирида социалистик санъат утопиясига қарши ижтимоий танқид йўналиши вужудга келди.

Биринчи ижодий 23 лар бирлашмаси ташкил этган Ўзбекистондаги қайта қуриш санъати тарафдорлари ўша даврда миллий рангтасвир авангардининг намояндalари бўлган бир гуруҳ рассомлар (ёшлари 30 дан 50 гача) бўлдилар. 23 лар бирлашмаси негизида соцреализм услубига муқобил услуб яратишга ҳаракат қилган рассомлар гуруҳи юзага келган эди. Рассомлар ижодида Ўзбекистонда ўрнатилган собиқ совет ҳукмронлиги дав-

● marov in the wall paintings of the Grand theatre named after A.Navoi, sprouted. In the late 1960-ies and early 1970-ies his students Javlon Umarbekov and Bakhodir Jalalov created a series of works in which “severe style” of Soviet art was tacitly ignored. In this regard the paintings by J. Umarbekov “Navoi and Husayn

● Ч.Аҳмарова, большей частью созданных после его приезда в Ташкент в 1961-62гг. Тогда в Узбекистане с робкой настойчивостью начался процесс национальной, исторической и культурной самоидентификации, который в 1970-начале 80-х годов получил более интенсивное развитие. У истоков этого своего рода ренессанса на-

Ж.Умарбеков. Навоий ва Хусайн Байқаро. 1968.
Д.Умарбеков. Навои и Хусейн Байқара. 1968.
J.Umarbekov. Navoi and Husayn Baiqara. 1968.

Bayqara” painted at the insistence of Chingiz Akhmarov and “Song”, as well as chambered painting “My Friend” by B. Dzhalalov and others are remarkable. Intensive search for national identity, inspired by conceptual ideas of Ch. Amkharov, was manifested in one more tendency related to the names of Alisher Mirzaev, Shukhrat Abudrashitov and Rahmon Shadyev. They looked for national identity of style in a bright and rich palette of traditional folk art and ethnic character of folk culture.

Tectonic changes in art that affect not only one artist, but a whole generation or a significant group of masters, are possible only

циональной культуры стояли представители научной и творческой интеллигенции. Возглавил это интеллектуальное движение Шараф Рашидов - ставший руководителем республики 1959 году.

Именно в этот период в Узбекистане постепенно формируется атмосфера толерантности к новаторским поискам деятелей искусства и литературы, оказывается всемерная моральная и материальная поддержка всей творческой интеллигенции. В этих условиях поиск национальной идентичности в культурных традициях средневекового Востока, начатый Ахмаровым в росписях Государственного академического большого театра Узбекистана

● рини танқидга олувчи, ноодатий оғир колорит ва драматик оҳангдаги асарлар пайдо бўлди.

1990 йиллар бошида Ўзбекистон мустақилликка эришгач ушбу рангасвирчилар гуруҳининг фалсафий ва бадиий концепциясида янги бурилиш юзага келди – ижтимоий-баҳолаш тенденцияси ўз моҳиятини йўқотди. Рангасвирдаги ўзгаришларга миллий ўзликни излаш асосий ундовчи сабаб бўлди.

Янги ўзбек рангасвирида ўтмишда катта аҳамият касб этмаган тарихий хотира, анъанавий эстетиканинг фабуллари ва услуби санъатдаги миллий ўзликнинг шаклланишида муҳим вазифани бажара бошлайди. Рассомлар асарларида турли талқинда тасвирланган ошиқлар, машшоқлар, хиромон товуслар, туя ва отлар, эртақларда учрайдиган образлар – парилар, фариштаалар, одам-қушлар, декоратив талқиндаги эски шаҳар ҳаёти персонажлари – мешкобчилар, ҳунармандлар пайдо бўлади. Бешик, арава, сандиқ, дўппи сингари анъанавий маиший буюмлар ва кийим анжомлари ғоят оммалашди. Фантасмагория, афсонавий ва эпик, халқ оғзаки ижоди ва эртақлар уйғунлигидан ҳосил бўлган образлар, сюжетлар, маросимий-диний рамз ва белгилар 1990 йиллардаги миллий рангасвир ривожининг хусусиятини белгилаб берувчи унсур бўлиб қолади. Янги гедонистик эстетика даври бошланди. Эндиликда соцреализм эстетикаси инкор

● with certain historical transformations and revolutionary shocks. Perestroika in the mid-1980-ies, and then gaining independence in 1991, were important motivations for emergence of new trends in Uzbek painting. In the late 1980-ies, the tendency of social criticism appeared, which opposed to utopias of socialist art.

A group of artists who created the first creative association – The Association of the 23, (age from 30 to 50 years) and representing some kind of vanguard of national painting for that period became adherents of trends of Perestroika art in Uzbekistan. Thanks to the Association of the 23, a group of artists who tried to create an alternative to the socialist realism style was formed. In their work there were paintings with unusually gloomy color and dramatic intonations, criticizing the events of the establishment of Soviet power in Uzbekistan.

At the very beginning of the 1990-ies, in connection with the independence of Uzbekistan, this group of painters experienced a new turn in philosophy and art concept - socially-valued tendencies lost their. A new turn in philosophy and concept in Uzbek painting occurred in connection with the independence of Uzbekistan. The search for national identity became a new motivating motive for metamorphosis in painting.

In a new Uzbek painting, historical memory, plot lines and stylistics of traditional aesthetics begin to perform such important functions in formation of national identity of art, which in the previous period could not have such significance.

Images of beloved people, musicians, graceful peacocks, camels and horses, fairy creatures - peries, angels, man-birds, characters of old urban culture - water-carriers and artisans transferred in a decorative interpretation became to appear in the paintings of artists in different

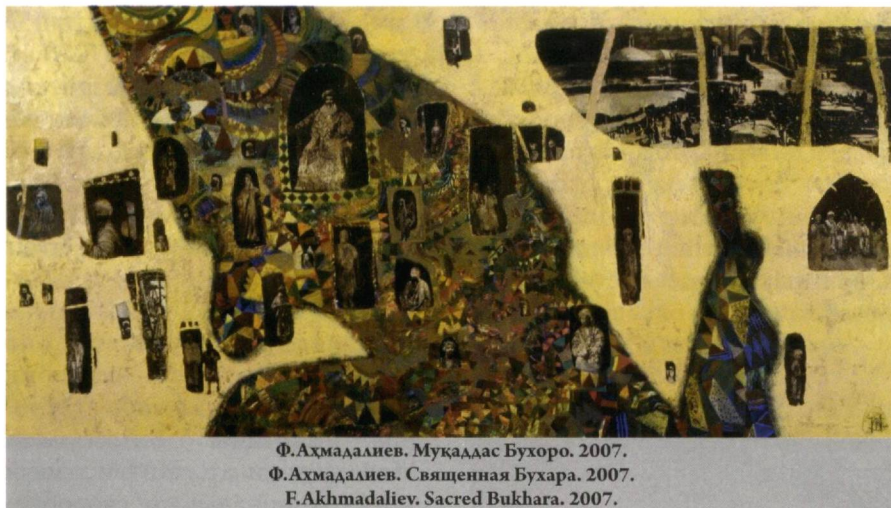
● им. Навои, уже дал ростки. В конце 1960-х начале 1970-х гг. его ученики Джавлон Умарбеков и Баходир Джалалов создают серию работ, в которых “суровый стиль” советского искусства подвергается молчаливому игнорированию. Примечательны в этом отношении картины Дж.Умарбекова “Навои и Хусейн Байкара”, написанные художником по настоянию Чингиза Ахмарова, “Песня”, камерные по настроению картины Б.Джалалова “Мой друг” и др. Интенсивный поиск национального своеобразия, вдохновленный в том числе концептуальными идеями Ч.Ахмарова, проявился в еще одной тенденции, связанной с именами Алишера Мирзаева, Шухрата Абдурашитова, Рахмона Шадыева. Их поиск национальной самобытности стиля заключался в яркой и сочной по колориту палитре народного традиционного искусства и этнической характерности народной культуры

Тектонические изменения в искусстве не только в творчестве одного художника, а в целом поколении или значительной группе мастеров, возможны лишь при определенных исторических трансформациях и революционных потрясениях. Перестройка в середине 1980-х годов, а потом обретение независимости республики в 1991 году стали важными побудительными причинами появления новых тенденций в живописи Узбекистана. В конце 1980-х годов появилась противостоящая утопиям социалистического искусства тенденция социальной критики.

Приверженцами веяний перестроечного искусства в Узбекистане стала группа художников, создавших первое творческое объединение – “Объединение 23-х” (возраст от 30 до 50 лет) и представлявших на тот период своего рода авангард национальной живописи. Благодаря Объединению 23-х сформировалась группа художников, пытавшихся создать альтернативу стилю соцреализма. В их творчестве появились картины с непривычно мрачным колоритом и драматическими интона-

А.Турдиев. Адашган булутлар. 1987.
А.Турдиев. Булжадоюшие облака. 1987.
A.Turdiev. Wandering clouds. 1987.

Ф.Ахмадалиев. Муқаддас Бухоро. 2007.

Ф.Ахмадалиев. Священная Бухара. 2007.

F.Akhmadaliev. Sacred Bukhara. 2007.

● этган муҳаббат ва ишқий лаззатлар мавзуси долзарб тус олади. Ўзбекистон рангасвиридаги лирик-тарихий онгнинг буйи А.Нур, М.Исанов, Ғ.Қодиров, Р.Акрамов, Б.Жалолов, Ж.Умарбеков, Д.Раҳмонбердиев ва бошқа кўпгина рассомлар ижодида тўлақонли акс этган.

2000 йилдан бошлаб қатор ўзбек рангасвиричлари ижодида навбатдаги ноанъанавий гоаялар ва ижтимоий-психологик талқин – Ўзбекистон санъатидаги тарихий онгнинг янги йўналишини ифодаловчи гоаявий ва пластик талқин кўзга ташланади. Мазкур рассомлар қаторига Мурод Қорабоев, Бобур Исмоилов, Темур Аҳмедов, Зебо Шарипова, Фаррух Ахмадалиев ва рангасвир асарлари билан бир қаторда видео-арт ва инсталляция соҳасида лойиҳалар ишлаб чиққан нисбатан ёш рассомлар Диёр Розиков ва Санжар Жабборовни ҳам кiritиш мумкин. Юқорида тилга олинган рассомлар ижодида гедонистик мавзулар сезилмайди. Улар томонидан яратилган пластик ва гоаявий ечимдаги конструктив асарлар яхлит ва маҳуд қадриятлар тизимидан иборат Шарқ экзотизацияси ва миллий ўзликни ўзида намоён этмайди. Рассомлар яратган асарларнинг бадиий тили вазмин, экзотикадан холи бўлиб, уларда Шарқ архетипларини қайта англаш асосида санъат фалсафасидаги илоҳийлаштиришга қарши бўлган жараён намоён бўлади.

● versions. Such attributes of traditional life and clothes as cradle, bullock cart, kist and skullcaps are very popular. Phantasmagoria, a mixture of myth-epic and folklore-fairy-tale images and plots, sacral-cult symbols and signs included in a new plastic outline, characterize the development of national painting in the 1990-ies. The time of hedonistic aesthetics come into force. The theme of love and sensual pleasures ignored by the aesthetics of socialist realism now becomes relevant. This line of lyrical and historical consciousness in Uzbekistan's painting is most adequately represented in the works of A. Nur, M. Isanov, G. Kadyrov., R. Akramov, B.Dzhalalov, D. Umarbekov, D.Rahmanbekov and many others.

Since the 2000-s, semantic and plastic intonation appeared in the creativity of a number of Uzbek artists that demonstrated the next tide of unconventional ideas and socio-psychological contexts, different vector of historical consciousness in the art of Uzbekistan. Paintings of these artists determined. They are Murad Karabaev, Babur Ismailov, Timur Akhmedov, Zebo Sharipova and Farrukh Ahmadaliev. This group can also include such relatively young artists as Diyor Razikov and Sanjar Jabbarov, who create along with picturesque canvases some projects in the field of video art and installations. In the works of the mentioned artists, there are practically no hedonistic motives. The plastic and semantic constructs created by them do not include eastern existence and national identity as a kind of self-sufficient and closed system of values. Their paint-

● циями, подвергающие критике эпоху становления советской власти в Узбекистане.

В самом начале 1990-х годов в связи с обретением Узбекистаном независимости в этой группе живописцев происходит новый поворот в философии и концепции искусства – социально-оценочные тенденции теряют свою значимость. Поиск национальной идентичности стал главным побудительным мотивом метаморфоз в живописи.

В современной узбекской живописи историческая память, фабулы и стилистика традиционной эстетики начинают выполнять такие важные функции в формировании национальной идентичности искусства, которые в предшествующий период не могли иметь такого значения. В картинах художников в различных интерпретациях появляются возлюбленные, музыканты, грациозные павианы, верблюды и кони, сказочные существа – пери, ангелы, человеко-птицы, персонажи старой городской жизни – водоносы, ремесленники, переданные в декоративной трактовке. Очень популярны такие атрибуты традиционного быта и одежды, как колыбель – бешик, арба, сундук, тубетейки. Фантазмагория, смешение мифо-эпических и фольклорно-сказочных образов, сюжетов, сакрально-культовых символов и знаков, включенных в новую пластическую канву, характеризуют развитие национальной живописи 1990-х годов. Наступает время гедонистической эстетики. Тема любви и чувственных наслаждений, которую игнорировала эстетика соцреализма, теперь становится актуальной. Эта линия лирико-исторического сознания в живописи Узбекистана наиболее адекватно представлена в творчестве А.Нура, М.Исанова, Г.Кадырова, Р.Акрамова, Б.Джалалова, Д.Умарбекова, Д.Раҳманбековой и мн. др.

С 2000-х годов в творчестве ряда узбекских живописцев появилась смысловая и пластическая интонация, которая демонстрировала очередной прилив нетрадиционных идей и соци-

● Бу йўналишдаги расомлар Б.Исмоилов (Қуроқи кўрпа остидаги уйқу), Т.Аҳмедов (Грантни хавотир билан кутиш), Д.Розиқов (Асрга татигулик кун. Арт-объект), С.Жаббаров (Тушкунлик) ва М.Варданян (Шиша идишлар билан натюрморт) 2011 йилдаги “Гедонизм эстетикаси: озуқа, жисм, рух” номли соф гедонистик талқиндаги лойиҳада иштирок этган бўлсалар-да, анъанавий Шарқ эстетикасининг ғайригедоник, маънавий талқинини намойиш этдилар. Постмодерннинг ўзига хос киновий оҳангидаги талқин сифатида М.Қорабоевнинг Шарқ гедонизми мавзусидаги қатор либосиз аёллар қиёфаларини кўриш мумкин (Қора сочлар шалоласи. 2000 й., Адашган қалдирғоч парвози. 2000 й., Уйқудаги капалак. 2000 й.).

Мазкур барча мавзулар ва сюжетлар ўзига хос миллий ўзликни англашга йўналтирилган маънавий мерос категорияси ва расомлар тарихий онгининг ажралмас қисми сифатида намойён бўлади.

● ings are more reserved and less exotic; they show an obvious process of desacralization of the philosophy of art, based on the cultivation of Oriental archetypes.

Thus, such artists of this direction as B. Ismailov (“Dream in a quilt”), T. Akhmedov (In anxious expectation of a grant), D. Razikov (And more than a century lasts a day, art object), S. Dzhabbarov (Melancholia) and M. Vardanyan (Still life with bottles), even being participants of the project “Aesthetics of hedonism: food, body, spirit” in 2011 with an obvious hedonistic context, presented some kind of anti-hedonistic, intellectual interpretation of traditional eastern aesthetics. Nude female images in a number of works by M. Karabaev (“Black Hair Stream”, 2000, “Circles of a Lost Swallow”, 2000, “Sleeping Butterfly”, 2000) with peculiar to him ironical implication can also be considered as a kind of postmodern response to the topic of eastern hedonism.

All these themes and plots are presented as a category of spiritual heritage and one of their important components of the historical memory of artists, aimed at understanding their own national identity.

● ально-психологических контекстов – иной вектор исторического сознания в искусстве Узбекистана. В их числе Мурад Карабаев, Бабур Исмаилов, Тимур Ахмедов, Зебо Шарипова, Фаррух Ахмадалиев. В эту группу можно включить и относительно молодых художников Диера Разикова и Санджара Джаббарова, создающих наряду с живописными полотнами проекты в области видео-арта и инсталляций. В творчестве упомянутых художников практически не ощущаются гедонистические мотивы. Созданные ими пластические и смысловые конструкции не включают в себя восточную экзистенцию и национальную идентичность как некую самодавлеющую и замкнутую систему ценностей. Их картины по интонации более сдержанны, менее экзотичны, в них намечился очевидный процесс десакрализации философии искусства, основанной на культивации восточных архетипов.

Так, художники этого направления Б.Исмаилов (“Сон в лоскутном одеяле”), Т.Ахмедов (“В тревожном ожидании гранта”), Д. Разиков (“И дольше века длится день”. Арт-объект), С.Джаббаров (“Меланхолия”) и М.Варданян (“Натюрморт с бутылками”), даже участвуя в проекте 2011 года “Эстетика гедонизма: еда, тело, дух” с очевидным гедонистическим контекстом, представили некую антигедонистическую, интеллектуальную интерпретацию традиционной восточной эстетики. В качестве своеобразного постмодернистского, со свойственным ему ироническим подтекстом, отклика на тему восточного гедонизма можно рассматривать и обнаженные женские образы в ряде работ М. Карабаева (“Поток черных волос”. 2000г., “Круги заблудшей ласточки”. 2000г., “Уснувшая бабочка”. 2000г.).

Все эти темы и сюжеты представляются как категория духовного наследия и один их важных компонентов исторической памяти художников, нацеленной на осознание собственной национальной идентичности.

Б.Исмаилов. Дуальность. 2009.
B. Ismailov. Duality. 2009.

ҚАДИМГИ ТУРКЛАРДА ОТАШПАРАСТАЛИК

Шамсиддин КАМОЛИДДИН

КУЛЬТ ОГНЯ У ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

Шамсиддин КАМОЛИДДИН

CULT OF FIRE AMONG ANCIENT TURKS

Shamsiddin KAMOLIDDIN

Франция Марказий Осиёни тадқиқ қилиш институти (IFEAC) Афғонистондаги Француз археологик ҳайъати (DAFA) билан биргаликда "Империяларнинг излари. Марказий Осиёнинг македониялик Александрдан темурийларгача даврдаги маданияти" (Кобул-Бишкек, 2018) номи мақолалар тўпламини нашр этдилар. Бу тўплам юнонлашган Шарқнинг антик даврдаги, шунингдек, Хуросон ва Мовароуннахрнинг Ўрта асрлардаги ислом санъати ва мейморчилигининг машҳур тадқиқотчиси Г.А.Пугаченкованинг хотирасига бағишланган. Тўпламни мейморчилик тарихи соҳасидаги туркман олими Р.Г.Мурадов тузган ва масъул муҳаррирлик қилган. Қуйида шу тўпладан ўрин олган Ш.Камолиддиннинг мақоласи ҳавола этилади.

Французский институт исследований Центральной Азии (IFEAC) совместно с Французской археологической миссией в Афганистане (DAFA) опубликовали сборник статей "Следы империй. Культура Центральной Азии от Александра Македонского до Тимуридов" (Кабул-Бишкек, 2018), посвященный памяти Г.А.Пугаченковой – выдающегося исследователя античного и средневекового искусства и архитектуры эллинизованного Востока, а также исламского Хорасана и Мавераннахра. Составителем и ответственным редактором сборника является туркменский ученый в области истории архитектуры Р.Г.Мурадов. Ниже приводится статья Ш.Камолиддина включенная в этот сборник.

The French Institute for Central Asian Studies (IFEAC), together with the French Archaeological Mission in Afghanistan (DAFA), published a collection of articles "Traces of Empires. Culture of Central Asia from Alexander the Great to the Timurids" (Kabul-Bishkek, 2018), dedicated to the memory of G.A.Pugachenkova - an outstanding researcher of ancient and medieval art and architecture of the Hellenized East, as well as Islamic Khorasan and Maverrannakhr. The compiler and editor-in-chief of the collection is the Turkmen scientist in the field of the history of architecture R.G. Muradov. Below is the article of Sh.Kamoliddin included in this collection.

Г.А.Пугаченкова ўзининг илк мақолаларидан бирида таъкидлашича, Фарғонадаги илк Ўрта асрларга мансуб "муғхона" ёки "курум" деб аталган мақбаралар Ўрта Осиёнинг шимолий қисмида тарқалган қирсимон дафн иншоотлари – қозоқ ва қирғизларнинг хом ва пишиқ гиштдан қурилган мақбаралари билан жуда ўхшашдир. Бу мақбаралар маздакийликка эътиқод қилган қадимги туркларнинг дафн иншоотлари бўлиб, уларнинг уйларини акс эттирган. Фарғона водийсида Мугпошо, Мугқалъа, Мугқўрғон ва шу каби жой номлари кўп учрайди, уларнинг келиб чиқиши эса, ривоятларга кўра, "муғлар", яъни оташпарастлар билан боғлиқ бўлган. Г.А.Пугаченкова келтириб ўтган, маҳаллий аҳоли орасида "курум"

В одной из своих ранних работ Г.А.Пугаченкова отмечала, что раннесредневековые погребальные сооружения Ферганы, известные как мугхона или курумы, имеют большое сходство с холмообразными надмогильными сооружениями северных районов Средней Азии – киргизскими и казахскими мавзолеями из сырца или жженого кирпича. Они олицетворяли жилища и представляли погребальные постройки древних тюрков Средней Азии, исповедовавших маздеизм. В Ферганской долине зафиксировано множество таких топонимов, как Муг-пошо, Муг-кала, Муг-курган и т.п., происхождение которых ассоциируется с "мугами", т.е. огнепоклонниками. Древние погребальные сооружения, известные

In one of the early works, G. Pugachenkova noted that the early medieval funerary structures of Fergana, known as moughkhona or kurums, are very similar to the hill-like gravestones of the northern regions of Central Asia - Kyrgyz and Kazakh mausoleums made of raw or burnt brick. They personified the dwellings, and represented the burial constructions of the ancient Turks of Central Asia, who professed Mazdeism. In the Fergana Valley, many toponyms, such as Moug-poshho, Moug-Kala, Moug-Kurgan, etc., the origin of which is associated with "mougs", i.e. fire worshipers are noticed. Ancient funerary structures, known among the local population under the name "kurum" or "moughkhona", which were written by G.A. Pugachenkova, are widely

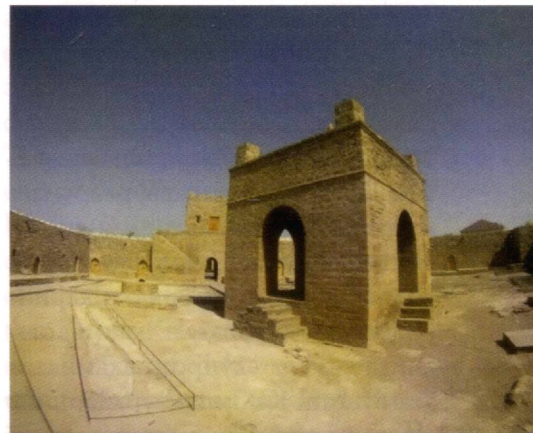

Галина Анатольевна
Пугаченкова
(7.02.1915 – 18.02.2007)

● ёки “муғхона” деб аталган бу қадимги дафн иншоотлари Фарғона водийсининг шимоли-ғарбий қисмида кенг тарқалган. Ичига дафн қутилари жойлаштирилган бу тош қўрғонлар Чотқол тоғларининг жанубий ёнбағирларида, Қорамозор ва Мўғултоғ тоғларида, шунингдек, Тошкент вилоятининг шарқий қисмида кўп. Маҳаллий аҳоли орасида улар “муғтош” ва “муғхона” деб ҳам аталади. Ривоятга кўра, бу қадимги иншоотларни муғлар, яъни оташпарастлар қурганлар. Муғхоналарнинг қурувчилари чорвачилик билан шуғулланган ярим кўчманчи тоғли қабила вакиллари бўлиб, уларнинг ўтроқ ҳаётга мўлжалланган қишлоқлари бўлмаган ва улар фақат ўтовларда яшаганлар. Бу ўтовларнинг шакли мазкур муғхоналарнинг шаклига жуда ўхшаш бўлган. Бу дафн иншоотлари йирик харсанг тошлардан қурилган бўлиб, уларнинг кўндаланг кесим ўлчами 12 – 15 метрни ташкил этган. Улар атрофдаги тоғли манзарага табиий равишда мослаштирилган бўлиб, атроф муҳит билан бир бутун яхлитликни ташкил этган. Уларнинг баъзилари айлана шаклида, баъзилари эса конус шаклидаги ўтовсимон қуриламалар эди. Улар мил. ав. III–II асрлардан милодий V–VI асрларга қадар вақт оралиғида қурилган. Бундай дафн иншоотларини қуриш ушбу кенг ҳудудларда кўп асрлар давомида яшаб келган ва бир-бирига яқин қариндош бўлган қабилаларнинг анъанаси эди. Фарғона водийсининг жанубида Қорамозор тоғларидаги Ашт мақбарасида олиб борилган қазилар ишлари давомида VI–VII асрларга мансуб қурумлардан бирида руник ёзув (упасисми ёки унвони) туширилган мис узук топилган бўлиб, бу Фарғона водийсида топилган барча руник ёзувларнинг энг қадимгиси ҳисобланади. Ибн Фадлон IX асрдаги ўғуз туркларининг мақбараларини тавсиф этиб, уларни лойдан ясалган ўтовларга ўхшатган эди. Ўрта аср манбаларида қадимги ва Ўрта

● среди местного населения под названием “курум” или “муғхона”, о которых писала Г.А.Пугаченкова, широко распространены в северо-западной части Ферганской долины. Эти каменные курганы с погребальными ящиками рассеяны на южных склонах Чаткальского хребта и в горах Карамазар и Моголтау, а также на востоке Ташкентской области. Среди местного населения они известны также как “муғхона” и “муғташ”. Народное предание приписывает эти древние сооружения мугам, т.е. огнепоклонникам. Строители муғхона принадлежали к полукочевому горно-пастушескому племени, которое не имело оседлых поселений, но пользовалось юртами, по форме сходными с муғхона. Усыпальницы представляли собой постройки, выложенные “циклопической кладкой из крупных необработанных камней диаметром 12–15 м. Они органически вписываются в окружающий горный пейзаж, составляя с ним единое целое. Некоторые из этих сооружений имели форму цилиндра, а другие представляли собой конические юртообразные постройки. Время сооружения этих построек определяется в пределах III–II вв. до н.э. до V–VI вв. н.э. Сооружение таких усыпальниц было традицией племен одной этнической принадлежности, которые в течение многих веков населяли эту обширную территорию. При раскопках Аштского могильника в горах Карамазара на юге Ферганской долины в одном из “курумов”, датированном VI–VII вв., был найден бронзовый перстень с рунической надписью (имя или титул упас), которая является наиболее ранней из всех рун, найденных ранее в Фергане. Ибн Фадлан, описывая погребения тюрков-угузов IX в., сравнивает их надмогильники со сбитой из глины юртой. В средневековых источниках имеются многочисленные указания на распространение зороастризма и других форм огнепоклонничества среди древних и средневековых тюрков.

● distributed in the northwestern part of the Fergana Valley. These stone mounds with burial boxes are scattered on the southern slopes of the Chatkal range and in the Karamazar and Mogoltau mountains, as well as in the east of the Tashkent region. Among the local population, they are also known as “moughkhona” and “mougtash”. Folk tradition ascribes these ancient structures to the mugs, i.e. fire worshipers. Builders of the “moughkhona” belonged to the semi-nomadic mountain-shepherd tribe, who had no settled settlements, but used yurts that had much in common with moughkhona. Tombs were buildings, which were laid by “cyclopean masonry from large untreated stones with a diameter of 12–15 m. They organically fit into the surrounding mountain landscape, making up a single whole with it. Some of these structures had the shape of a cylinder, while others were yurt-shaped

conical constructions. The time of construction of these buildings is defined in the limits from the III–II centuries BC to the V–VI centuries AD. The construction of such tombs was a tradition of tribes of one ethnic origin, who for many centuries inhabited this vast territory. During the excavation of the Asht burial in the Karamazar Mountain in the south of the Fergana Valley, in one of “kurums” dating back to the VI–VII centuries, a bronze ring with a runic inscription (name or title upas) was found, which is the earliest of all the runes found earlier in Fergana. Ibn Fadlan, describing the burials of Türks-Uguzes of the IX

● асрлардаги туркларда зардуштийлик ва оташпарастиликнинг бошқа кўринишлари тарқалганлиги ҳақида кўплаб маълумотлар учрайди. Масалан, Сюан Цзан (VII аср) нинг маълумотига кўра, турклар оловга сизинганлар, шунинг учун улар ёғочдан ясалган ўриндиқлар ишлатмаганлар, чунки ёғочда олов унсури мавжуд деб ҳисоблаганлар. Муғ тоғидан топилган суғд тилидаги хужжатлар (VIII аср боши)дан бирида Кўрчи Турк исми зардуштий роҳиб (вагнпат) зикр этилган бўлиб, у Панжикент шаҳрининг исломдан олдинги ҳукмдори Деваштичининг яқин одамларидан бири бўлган. Шу хужжатлардан яна бирида Нидан лақабли турк йигити Ўттегин ва Чата-Вийус қизи Дугдунча исми суғд қизи ўртасида тузилган никоҳ шартномаси баён этилган. Ўттегин исми туркча ўт – “олов” сўзидан ясалган бўлиб, унинг суғд қизи сингари оташпарастилик бўлганлигига ишора қилади.

Бу маълумотларни археология соҳасида олиб борилган тадқиқотлар тасдиқлайди. Қадимги туркларда суяк билан боғлиқ ҳаётий куч ҳақида тасаввурлар мавжуд бўлиб, бу куч авлоддан-авлодга ўтиб борган. Шунинг учун турк маданиятида суяк орқали қариндошлик қон орқали қариндошликдан кўра кўпроқ аҳамиятга эга бўлган. Қадимги туркларнинг фикрига кўра, бир уруғ аъзоларининг суяклари бир хил бўлиб, у орқали ижтимоий онг авлодлар ва аждодлар ўртасида алоқа ўрнатган. Ўрта Осиёда оташпарастилик орасида ўликларнинг суякларини “остодон” деб аталмиш сопол қутилларда дафн қилиш одати мавжуд эди. Тахмин қилинишича, бу дафн қутилари, авваломбор, бош суякларини сақлаш учун мўлжалланган. Қадимги исседон қабилаларида аждодларнинг бош суякларига сизиниш одати бўлиб, унинг заминида бош суяги ўзида одамнинг ўлимидан кейин ҳам унга хос бўлган маънавий фазилатларни сақлашда давом этган. Дафн қутилари шакллари

● Так, по данным Сюань Цзана (VII в.), тюрки поклонялись огню, и поэтому у них не было принято деревянное ложе, так как дерево содержит элемент огня. В одном из согдийских документов с горы Муғ (нач. VIII в.) упоминается зороастрийский священник (вагнпат) по имени Курчи Турк, который был одним из приближенных доисламского правителя Панжикента Деваштича. Другой согдийский документ из того же собрания представляет собой брачный контракт, заключенный между тюрком по имени Уттегин по прозвищу Нидан и согдийской девушкой по имени Дугдунча, дочь Чата-Вийуса. Имя Уттегин, образованное от тюркского слова *ut* – “огонь”, указывает на то, что жених, так же, как и невеста, был огнепоклонником.

Эти сведения подтверждаются данными археологических исследований. Среди древних тюрков были распространены представления о жизненной силе, передаваемой из поколения в поколение, которая связывалась с костью. Поэтому в тюркской культуре родство по кости имело большее значение, чем кровное. Древние тюрки полагали, что у членов одного рода одинаковые кости и через эту субстанцию общественное сознание устанавливало связь между предками и потомками. В Средней Азии среди огнепоклонников был распространен обряд захоронения костей покойников в так называемых астоданах – оссуариях. Предполагается, что оссуарии были, прежде всего, черепохранилищами. У древних исседонов существовал культ черепов предков, в основе которого лежало представление, что череп и после смерти человека продолжает хранить свойственные последнему духовные качества. Формы оссуариев в различных среднеазиатских областях были разными. Для Согды характерны глиняные оссуарии в форме ящика с отдельной крышкой; для Хорезма – алебастровые оссуарии

● century, compares their graves with a yurt built of clay. In medieval sources there are numerous indications about distribution of Zoroastrianism and other forms of fire-worship among the ancient and medieval Turks. Thus, according to the data by Xuan Zang (VII century), the Turks worshiped fire, and therefore they did not use wooden boxes, because the tree contains an element of fire. One of the Sogdian documents from Mouğ Mountain (early VIII century) mentions a Zoroastrian priest (*vagnpat*) named

Kurchi Turk, who was one of the confidants of the pre-Islamic ruler of Panjikent - Devashtich. Another Sogdian document from the same collection is a marriage contract concluded between a Turk named Uttegin nicknamed Nidan and a Sogdian girl named Dugduncha, a daughter of Chat-Viyus. The name Uttegin, derived from the Turkic word *ut* - “fire”, indicates that the groom, like the bride, was a fire worshiper.

This information is confirmed by archaeological research. Among the ancient Türks, the ideas about the life force transmitted from generation to generation, which was associated with bone, were widespread. Therefore, in Turkic culture, kinship by bone was more important than blood kinship. The ancient Turks believed that members of one genus had the same bones and through this substance the public consciousness established the connection between ancestors and descendants. In Cen-

● турли вилоятларда ҳар хил бўлган. Суғдада лойдан ясалган тўртбурчак шаклидаги қопқоқли дафн қутилари тарқалган; Хоразмда ганчдан ясалган тўртбурчак шаклидаги оёқли дафн қутилари, Етти-сув ва Чирчиқ-Оҳангарон водийсида эса чўзиқ айлана шаклидаги ва кесилган қопқоқли дафн қутилари ишлатилган.

Қорақалпоғистондаги Чимбой туманида Амударёнинг қадимги ўзани яқинида Орол денгизидан 30 км масофада жойлашган Қуйиқ-қалъа шаҳар харобаларининг қабристонидан ганчдан ясалган тўғри тўртбурчак шаклидаги 4 оёқли ва 4 томонга қия бўлиб тушган қопқоқли дафн қутилари топилган. Қабристон ҳам, шаҳар харобалари ҳам VII–VIII асрларга мансуб. Бу шаҳарга VI аср охирида Орол бўйида яшаган турк қабилалари асос солган бўлиб, уларнинг келиб чиқиши Кардар шаҳрининг аҳолиси билан бир хил бўлган. Қуйиқ-қалъа аҳолисининг маданияти маҳаллий турклар ва хоразмийлар маданиятларининг қоришувидан ҳосил бўлиб, уларнинг қутиларида дафн қилиш усулида намоён бўлган. Уларнинг дафн қутилари Бургутқалъа харобаларидаги дафн қутилари билан жуда ўхшашдир. Қизилсув (Қадимги Сариг шаҳри) шаҳар харобасининг қабристони маҳаллий суғда деҳқони ва унинг оиласи дафн этилган оилавий хилхона бўлган. Бу ерда 40 га яқин дафн қутилари топилган бўлиб, улар икки хил шаклга: тўғри тўртбурчак ва чўзиқ айлана шаклига эга бўлган. Бу эса икки хил маданият, ўтроқ ва кўчманчи, суғда ва турк маданиятларининг қоришувини ифода этади. Дафн қутилари-нинг шакллари бундан далолат беради. Дафн қутилари-нинг ташқи кўринишида уй-жойларнинг меъморчилиги акс этган. Тўғри тўртбурчак шаклидаги дафн қутилари ўтроқ аҳолининг уйлари-ни, чўзиқ айлана шаклидагилари эса кўчманчиларнинг ўтовларини ифодалайди. Чўзиқ айлана шаклидаги дафн қутилари, асосан, Ўрта

● в форме ящика на ножках; для Семиречья и Чирчик-Ангренской долины глиняные оссуарии в форме овальной юрты со срезаемой крышкой.

В некрополе городища Куюк-кала, расположенного в Чимбайском районе Каракалпакстана недалеко от древнего русла Амударьи в 30 км от Аральского моря найдены прямоугольные оссуарии из алебаstra на 4-х ножках с крышкой 4-х скатной формы. Могильник, так же как и городище, датируется VII–VIII вв. Городище было основано в конце VI в. местными приаральскими хунно-тюркскими племенами, которые имели общее происхождение с населением города Кердер. Культура населения Куюк-калы имела смешанный тюркско-хорезмийский характер, что сказалось и в обряде захоронений в оссуариях, имеющем много общего с подобными оссуариями из Беркут-калы. В некрополе городища Красная речка (древний Сарыг), являвшемся фамильным кладбищем владельца согдийского замка и его семьи, было вскрыто всего около 40 оссуариев двух типов: прямоугольные и овальные, которые отражают скрещение культур оседлой и кочевой, согдийской и тюркской. Этим объясняется форма оссуариев. Внешне оссуарии воспроизводят архитектуру жилья, причем прямоугольные соответствуют дому оседлого жителя, а овальные – юрте кочевника. Овальные оссуарии, которые встречаются по преимуществу в северных районах Средней Азии, отдаленно напоминают юрту. Но еще большее сходство овальные оссуарии обнаруживают с киргизскими и казахскими мавзолеями, разбросанными в огромном количестве в северных районах Средней Азии, силуэт которых напоминает юрту. Форма оссуариев определяет не просто наличие в стране двух слоев населения – оседлого и кочевого, а определенный процесс конгломерации тюркско-согдийских этнических групп.

● tral Asia, among fire worshipers, the rite of burial of bones of the dead in the so-called astodans - ossuaries was also widespread. It is assumed that the ossuaries were, above all, skull storage facilities. The ancient Issedons had a cult of ancestral skulls, which was based on the idea that the skull continues to preserve spiritual qualities of the person even after his death. The forms of ossuaries in different Central Asian regions were different. Clay ossuaries in the form of a box with a separate lid are typical for Sogd; for Khorezm - alabaster ossuaries in the form of a box with legs; for the Seven Rivers area and the Chirchik-Angren valley - clay ossuaries in the form of an oval yurt with a cut off top.

In the necropolis of the Kuyuk-Kala settlement, located in the Chimbay district of Karakalpakstan, not far from the ancient bed of the Amu Darya River, 30 km from the Aral Sea, rectangular ossuaries of alabaster on 4 legs with a 4-pitched cover were found. The burial ground, as well as the ancient settlement, dates back to the VII–VIII centuries. The settlement was founded at the end of the VI century by local Aral Hunnic-Turkic tribes, who had a common origin with the population of the city of Kerder. The culture of the Kuyuk-Kala population had a mixed Turkic-Khorezm character, which also affected the burial rites in the ossuaries, which have much in common with similar ossuaries in Berkut-Kala. In the necropolis of the settlement of Krasnaya Rechka (ancient Saryg), which was a family cemetery of the owner of the Sogdian castle and his family, only about 40 ossuaries of two types were opened: oval and rectangular, which reflect the intersection of sedentary and nomadic, Sogdian and Turkic cultures. This explains the shape of the ossuaries. Externally, the ossuaries reproduce the architecture of a dwelling, where the rectangular ones correspond to the house of a sedentary resident, and the oval ones - to the nomad's yurt. Oval ossuaries, which are found mainly in the

● Осиёнинг шимолий ҳудудларида учрайди ва ўтовларга ўхшайди. Лекин ундан ҳам кўпроқ улар Ўрта Осиёнинг шимолий ҳудудларида кенг тарқалган қозоқ ва қирғизларнинг мақбараларига ўхшаш бўлиб, уларнинг шакли ҳам ўтовни эслатади. Бу дафн қутиларининг шакллари нафақат аҳолининг икки тоифаси, яъни ўтроқ ва кўчманчилар ҳақида, балки турк ва суғд халқларининг қоришув жараёни ҳақида ҳам далолат беради.

Г.А. Пугаченкованинг фикрича, чўзиқ айлана шаклидаги дафн қутиларида кўчманчиларнинг ўтовларига эмас, қадимги туркларнинг ер устидаги кўрғонсимон дафн иншоотларига тақлид қилинган, чунки уларнинг шакли батафсил ва аниқ қайтарилган. Бу дафн иншоотлари эса, ўз навбатида, оддий уй-жой мавзуси билан боғлиқ бўлган. Бизнингча, дафн қутиларининг шакли уларда дафн этилган одамларнинг этник мансублигини билдирувчи кўрсаткич бўлмай, балки уларнинг ўтмишдаги турмуш тарзини англатади. Ўрта Осиёдаги оташпараст турклар тўғри тўртбурчак шаклидаги дафн қутиларини ҳам, чўзиқ айлана шаклидаги дафн қутиларини ҳам ишлатган бўлиши мумкин. Уларнинг бир қисми ўтроқ турклар (Хоразм, Суғд, Хуросон), бошқа қисми эса кўчманчи турклар (Еттисув, Чирчик-Оҳангарон водийси, Сирдарё ҳавзаси) орасида тарқалган.

Ўрта Осиёда суякларни дафн этиш учун ишлатилган қутиларнинг кенг тарқалган яна бир шакли, катта сопол идишлар – хумлардир. Алоҳида дафн хумларидан иборат катта қабристонлар Жанубий Қозоғистонда, Тошкент вилоятида, Самарқанд ва Бухорода, Хўжандда, Хоразмда, шунингдек, Туркменистон, Еттисув ва Фарғона водийсида топилган. Бу қабристонлар милодий I–II асрлардан XIII асрга қадар ишлатилган. Фарғона шаҳридан 10 км масофада жойлашган қадимги Янгиобод қабристонига топилган хумнинг оғиз тарафи сатҳида VIII асрга мансуб қадимги турк руник ёзу-

● По мнению Г.А.Пугаченковой, овальные оссуарии являются подражанием не юрте, а наземным курганообразным надмогильным сооружениям древних среднеазиатских тюрков, так как они в деталях воспроизводили их форму. Последние, в свою очередь, генетически были связаны с темой примитивного жилья. На наш взгляд, форма оссуариев не является непременным показателем этнической принадлежности захороненных в них людей, а скорее показателем их бывшего образа жизни. Среди тюрков Средней Азии, поклонявшихся огню, могли быть распространены оссуарии как прямоугольной, так и овальной формы. Причем, первые были распространены среди оседлых тюрков (Хорезм, Согд, Хорасан), а последние – среди кочевых (Семиречье, Чирчик-Ангренская долина, бассейны Сырдарьи).

Другим видом оссуарных захоронений, широко распространенных в Средней Азии, были захоронения костей в так называемые хумы, т.е. большие глиняные сосуды. Отдельные хумные захоронения и целые кладбища были найдены на территории Южного Казахстана, в области Ташкента, Самарканда, Бухары, Ходжента, Хорезма, в Туркменистане, Семиречье и в Ферганской долине. Все эти захоронения датируются в пределах начала н.э. до начала XIII в. На внешней стороне венчика хума из могильника Янгиобод в 10 км от г. Ферганы имеется надпись древнетюркским руническим письмом, датирующаяся VIII в. Череп похороненного был определен как относящийся к монголоидному южносибирскому расовому типу с небольшой примесью урало-алтайского типа, и вполне мог принадлежать раннему тюрку или кипчаку. Антропологические данные хумного погребения и руническая надпись на венчике убедительно подтверждают сведения китай-

● northern regions of Central Asia, vaguely resemble a yurt. But the oval ossuaries have even greater similarity with the Kyrgyz and Kazakh mausoleums scattered in large numbers in the northern regions of Central Asia, which silhouette resembles a yurt. The form of ossuaries determines not only the presence of two strata of the population in the country - sedentary and nomadic, but a certain process of conglomeration of the Turk-Sogdian ethnic groups.

According to G. Pugachenkova, oval ossuaries are not an imitation of a yurt, but land-based kurgan-like tomb structures of the ancient Central Asian Turks, since they reproduced their form in detail. The latter, in turn, were genetically related to the topic of primitive housing. In our opinion, the form of ossuaries is not an indispensable indicator of the ethnicity of the people buried in them, but rather an indicator of their former way of life. Among the Turks of Central Asia, who worshiped fire, both rectangular and oval shaped ossuaries could be widespread. Moreover, the first ones were common among the sedentary Turks (Khorezm, Sogd, Khorasan), and the latter among the nomadic (Seven rivers area, Chirchik-Angren valley and Syr Darya basin).

Another type of ossuary graves that were widespread in Central Asia were bone graves in the so-called houns, i.e. large clay vessels. Some hounic burials and whole cemeteries with hounic burials were discovered in the territory of Southern Kazakhstan, in the regions of Tashkent, Samarkand, Bukhara, Khorezm, in Turkmenistan, Seven rivers area and in the Fergana Valley. All of these burials are dated in the limits from the beginning of AD up to the beginning of the XIII century. On the outer side of the rim of the houn from the Yangiabad burial site in 10 km from the city of Fergana there is an inscription in ancient Turkic runic writing dating back to the VIII century. The skull of the buried was defined as belonging to the Mongoloid South Siberian racial type with a small admixture

● ви мавжуд. Ушбу хумда дафн этилган одамнинг бош суяги Жанубий Сибирнинг мўғулий ирқий аломатларига мансуб, лекин унга бир оз миқдорда Урал-Олтой ирқий аломатлари қўшилган деб топилди. Бу бош суяги қадимги турк ёки кипчоққа тегишли бўлиши мумкин. Хумда дафн этилган бош суяги ва унинг сатҳидаги руник ёзув хитой ва араб тилидаги манбаларнинг VI–VIII асрларда туркларда оташпарастилик тарқалганлиги ҳақидаги маълумотларини тасдиқлайди. Ўрта Осиёнинг 15 та жойида – қадимги Марғиёна, Суғд, Шош, Усрушона, Фарғона ва Еттисувда ҳаммаси бўлиб мингдан ортиқ хумлар топилган. Дафн хумлари кўпинча қадимги қўрғонларнинг ичига, шаҳарларнинг харобаларига, шунингдек, шаҳардан ташқаридаги ерларга қўмилган. Дафн хумлари дафн қутиларининг бошқа турларига нисбатан анча узоқ муддат давомида ишлатилган. Агар чўзиқ айлана ва тўғри тўртбурчак шаклларидаги дафн қутилари VIII–IX асрларга қадар ишлатилган бўлса, дафн хумлари XIII асрда ҳам учрайди. Шундай қилиб, дафн қутиларидаги бош суякларининг антропологик хусусиятлари, дафн қутиларидан бир қисмининг шакли, шунингдек, айрим дафн қутиларининг сатҳидаги руник ёзувлар шундан далолат берадики, бундай дафн маросими оташпарастилик турклар орасида кенг тарқалган ва узоқ вақт давомида, кушонлар давридан бошлаб мўғуллар даврига қадар ишлатилган.

Ўрта Осиё ҳудудида топилган археологик материаллар суғд, хитой ва араб тилидаги манбаларнинг исломдан олдин ва илк ислом даврида турклар орасида оташпарастилик тарқалганлиги ҳақидаги маълумотларини тасдиқлайди. Оташпарастилик турклар қолдирган моддий ёдгорликлар сифатида чўзиқ айлана шаклидаги дафн қутилари ва “муғхона” ёки “курум” деб аталган дафн иншоотлари хизмат қилиши мумкин.

● ских и арабских источников о распространении культа огня у тюрков VI–VIII вв. Всего раскопано более тысячи хумов в 15 различных местах Средней Азии, в районах древней Маргианы, Согда, Шаша, Усрушаны, Ферганы и Семиречья. Погребения в хумах совершались в насыпях более ранних курганов, на территории городищ и в сельской местности. Хумные захоронения просуществовали гораздо дольше, чем другие виды оссуариев. Если, например, овальные и прямоугольные оссуарии доживают до VIII–IX вв., то хумы как вид погребальной урны бытуют еще в XIII в. Таким образом, антропологические данные оссуарных захоронений в совокупности с

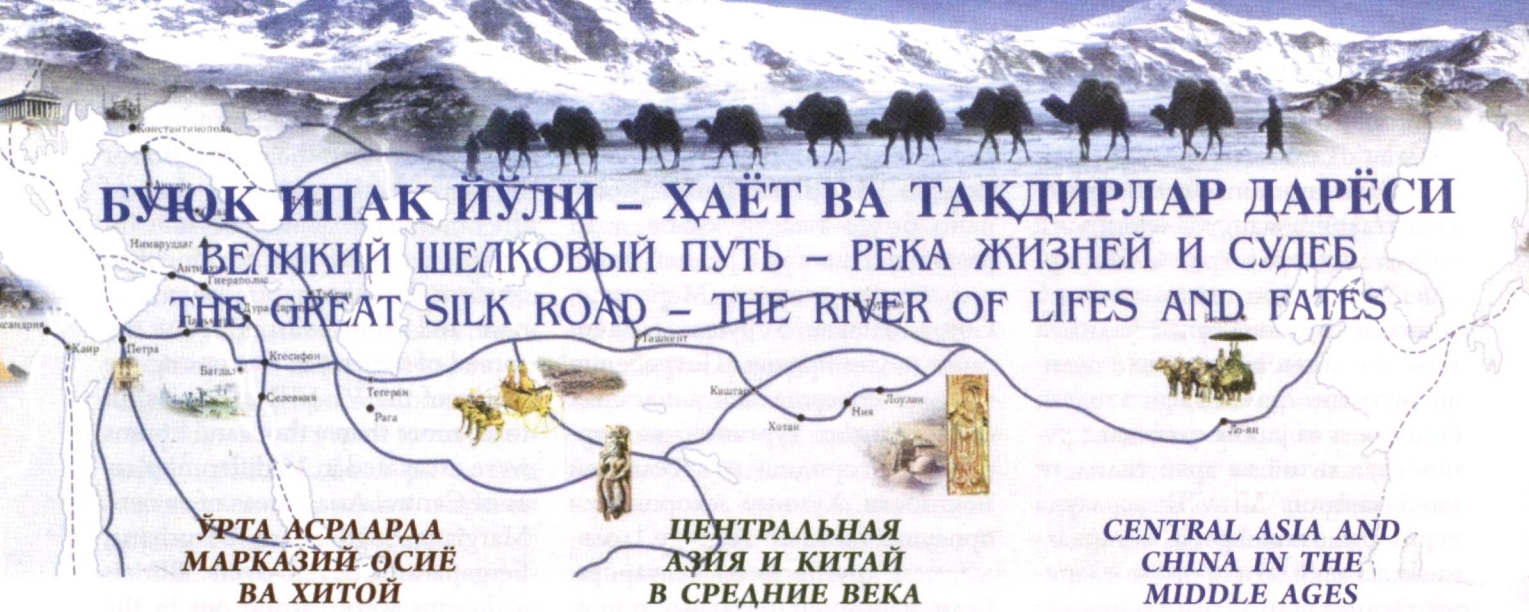
формой части оссуариев и руническими надписями, нанесенными на отдельных экземплярах, свидетельствуют о том, что такой обряд захоронений был широко распространен среди тюрков-огнепоклонников, и был в употреблении весьма долго, начиная с эпохи кушан вплоть до монгольского завоевания.

Археологические материалы, вскрытые на территории Средней Азии, подтверждают данные согдийских, китайских и арабских источников о распространении огнепоклонничества среди тюрков в доисламские времена и в эпоху раннего ислама. Памятниками материальной культуры тюрков огнепоклонников могут служить оссуарии овальной формы и погребальные сооружения, известные как “муғхона” или “курум”.

● of the Ural-Altai type, and could well belong to the early Turk or Kipchak. Anthropological data of the humic burial and the runic inscription on the rim convincingly confirm the information from Chinese and Arab sources about the spread of the cult of fire among the Turks of the VI–VIII centuries. In total, more than a thousand hums were excavated in 15 different places of Central Asia - areas of ancient Margiana, Sogd, Shash, Usrushana, Fergana and Seven rivers. Burials in hums were carried out in the embankments of the earlier burial mounds, in the territory of the ancient settlements and in the countryside. Hum burials existed for a much longer period of time than other types of ossuaries. If, for ex-

ample, oval and rectangular ossuaries existed till the VIII–IX centuries, then the hums, as a kind of funeral urn, existed even in the XIII century. Thus, the anthropological data of ossuary graves, combined with the shape of a part of ossuaries and runic inscriptions on individual specimens, indicate that such ritual of burials was widespread among fire-worshipping Turks for a very long time, starting the Kushan era until the Mongol conquest.

Archaeological materials discovered in Central Asia confirm data of Sogdian, Chinese and Arab sources on distribution of fire worship among the Turks in pre-Islamic times and in the era of early Islam. Oval ossuaries and burial structures known as “moughkhona” or “kurum” can serve as monuments of material culture of the Turkic fire-worshippers.

БҮҮК ИПАК ЙҮЛИ - ҲАЁТ ВА ТАҚДИРЛАР ДАРЁСИ
ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ - РЕКА ЖИЗНЕЙ И СУДЕБ
THE GREAT SILK ROAD - THE RIVER OF LIVES AND FATES

**ЎРТА АСРЛАРДА
 МАРКАЗИЙ ОСИЁ
 ВА ХИТОЙ**

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ
 АЗИЯ И КИТАЙ
 В СРЕДНИЕ ВЕКА**

**CENTRAL ASIA AND
 CHINA IN THE
 MIDDLE AGES**

Абдулахад ХОДЖАЕВ

Абдулахад ХОДЖАЕВ

Abdulaxad KHODZHAEV

Қадимий хитой манбаларига кўра, Хитой билан Марказий Осиё мамлакатлари ўртасидаги дипломатик алоқалар илк бор Ғарбий Хань империяси (мил. ав. 206-й. – мил. 25й.) элчиси Чжанг Чянинг қадимий Фарғона (Дайюань, Давань) давлатига (мил. ав. II асрнинг иккинчи ярмида) келиши билан бошланган. Аммо мамлакатлараро савдо алоқалари бу ташрифдан анча олдин мавжуд бўлган.

“Му-Тянзи чжуан” (穆天子传 – Тангри ўғли Му ҳақида қисса) асарида ҳукмдор Му (穆 – мил.ав. 1001–945-йилда ҳукмронлик қилган.) мил. ав. 989–988-йилларда Помир, Зарафшон дарёси водийси орқали Каспий денгизи қирғоқларигача борганлиги қайд этилган. Ушбу асар мил. 281-йилда Жицюн (Цзийюнь) вилояти ҳудудида жойлашган ва мил. ав. 318–296-йилларга оид бир қабрдан топилган. Аксарият олимларнинг фикрига кўра, “Му-Тянзи чжуан” асари кечи билан мил. ав. IV асрнинг биринчи чораги охирларида ёзилган. Бу вақтда ушбу асарнинг бизгача етиб келган нусхаси кўчирилган бўлиши мумкин. Лекин унинг илк бор битилган петроглиф шакли анча қадимий даврга бориб тақалади.

Марказий Осиё билан Хитой ўртасидаги савдо ва дипломатик алоқаларнинг ривожланиши, аҳолининг кўчиши (миграцияси) билан кечган. Хусусан, сугдий аҳоли Хитой ўлкаларига бориб ўтrockлашган. Қадимий Хитой манбаларининг гувоҳлигига кўра, Хитойда марказий осиелик кўплаб савдогарлар ўтrockлашиб, уларни маҳаллий анъанага кўра “сутэ жэнь” (粟特人 –

Согласно древнекитайских источников, дату установления прямых дипломатических отношений между Китаем и центральноазиатскими странами принято считать прибытие в Фергану (Дайюань, Давань) посла Западно-Ханьской империи (206 г. до н.э. – 25 г. н.э.) Чжан Чяня во второй половине II в. до н.э. Однако торговые связи между странами существовали задолго до этого события.

В сочинении “Му-Тяньцзы чжуань” (穆天子传 – Повествование о сыне Неба Му) говорится о поездке правителя Му (穆 – время правления 1001–945 гг. до н.э.) в 989–988 годах до н.э. к берегам Каспийского моря через Памир и долину реки Зарафшан. “Му-Тяньцзы чжуань” найдено в 281 году в одной из древних могил, относящихся к 318–296 годам до н.э. на территории провинции Цзицюнь. Большинство ученых считает, “Му-Тяньцзы чжуань” создана не позднее конца первой четверти IV в.в до н.э. Скорее всего, в это время был переписан дошедший до наших дней экземпляр сочинения. Первоначальный его вариант был выполнен петроглифами гораздо раньше.

Развитие торгово-дипломатических связей между странами Центральной Азии и Китаем сопровождалось миграцией, в частности, населения Согда в китайские провинции. Как свидетельствуют древние китайские источники, в Китае осели многие центральноазиатские торговцы, которых по местной традиции называли “сутэ жэнь” (粟特人 согдийцами). Большинство из них осталось в Хэсиском коридоре

According to ancient Chinese sources, the beginning point of direct diplomatic relations between China and Central Asian countries is the arrival of Zhang Qian the ambassador of the Western Han Empire (206 BC – 25 AD) to Fergana (Daiwan, Davan) in the second half of the II century BC. However, trade links between the countries had existed long before this event.

The composition “Mu-TianziZhuan” (穆天子传 – Narration about the Son of Heaven Mu) is devoted to the trip of the governor Mu (穆 – time of reign 1001–945 BC) in 989–988 AD to the shores of the Caspian Sea through the Pamir and the region of Zarafshan River. “Mu-TianziZhuan” was found in 281 in one of the ancient graves, dating back to 318–296 BC in the territory of Zizung. Majority of scientists believe that “Mu-TianziZhuan” was written no later than the end of the first quarter of the IV century BC. Probably at that time the copy of the work, which has survived to this day, was rewritten. Its initial variant by petroglyphs was carried out much earlier.

The development of trade and diplomatic relations between the countries of Central Asia and China was also accompanied by migration, in particular the population of Sogd, to Chinese provinces. According to ancient Chinese sources, many Central Asian merchants settled in China, and by the local traditions were called “soutejen” (粟特人 sogdians). Most of them

● сўғдийлар) деб аташган. Уларнинг аксарият қисми “Хэши зоуланг” (河西走廊 – ҳозирги Гансу ўлкасида), яъни “Хуангхэ дарёсининг ғарбий томонидаги йўлак” деб номланиб, Бууюк ипак йўлининг муҳим бир қисми ҳисобланадиган жойда ўтроқлашиб, халқаро савдода воситачилик қилишган.

Сўғдиқлар савдогарлик билан бир қаторда ҳарбий ва маъмурий ишларга жалб этилганлар. Масалан, қадимий Хитой пойтахтларидан бири бўлган Лоянг шаҳрида, келиб чиқиши самарқандлик Канг Муоэя (康磨伽) исми ҳарбий жасоратлари боис олий мукофотлар эгаси бўлган йирик давлат арбобининг қабри топишган. Ёнида, унинг укаси Канг Люмай (康留买)нинг қабри ҳам аниқланган. Мазкур шаҳарда Канг Данут (康大农) исми яна бир самарқандликнинг 647-йилга оид қабри топишган. Уни очиб кўрилганда ичида унинг исми, шахсияти ва келиб чиққан шахри ёзилган битик борлиги аниқланган. Увэй шаҳрида Канг Ада (康阿达) исми бир ҳарбий кўмондоннинг қабри топишган.

Буларнинг барчасида шахснинг туғилган жойи фамилия сифатида ишлатилган. Маҳаллий урф-одатларга кўра, Хитойда яшаган хорижликларнинг исми олдига уларнинг туғилган жойини акс эттирувчи иероглиф қўйилган. Масалан, самарқандликлар исми олдига “Канг” (康 – Самарқанднинг қадимги хитойча номланиши), бухороликларга – Ань (安), тошкентликларга – Ши (石),

● (河西走廊 – современная провинция Ганьсу) – т.е. коридор на западной стороне реки (Хуанхе), который был важным участком Великого шелкового пути, оказывая посредническую услугу в международной торговле.

Наряду с торговлей, согдийцы привлекались к административной и военной службе. Например, в одной из древних китайских столиц – городе Лоян найдено захоронение крупного государственного деятеля – выходца из Самарканда Кан Моэя (康磨伽), удостоенного высоких наград за ратные подвиги. Рядом обнаружено погребение его младшего брата – Кан Люмай (康留买). В этом же городе была вскрыта могила другого самаркандца – Кан Данут (康大农), относящаяся к 647 году, на ней сохранилась эпитафия с биографическими данными. В городе Увэй обнаружена могила военачальника Канг Ада (康阿达).

Во всех этих случаях место рождения использовано как фамилия. А именно, согласно местным традициям, к имени умершего иностранца прибавлялся китайский иероглиф, обозначающий местность, откуда он родом. Так, к самаркандцам добавляли “Кан” (康 – древнекитайское название Самарканда), к бухарцам – Ань (安), к ташкентцам – Ши (石), к ферганцам – Цао (曹).

Во времена правления династии Тан (618-907) в столице Чанъань

● decided to stay in the Hasi corridor (河西走廊 – modern province of Gansu) on the western side of (Khuanye) river – an important part of the Great Silk Road, where they played an intermediary role in international trade.

Along with trade matters, the Sogdians were involved also in administrative and military service. For example, in one of the ancient Chinese capitals – the city of Luoyang a burial place of a prominent statesman – a native of Samarkand, Kan Mozjia (康磨伽), who had high awards for military feats was found. Nearby a burial place of his younger brother Kan Lumiya (康留买) was also found. The grave of another native of Samarkand Kan Danug (康大农), discovered in the same city and dating back to 647 has an epitaph with his biographical data. In the city of Uweia grave of military commander Kang Ada (康阿达) was also discovered.

In all these cases, the place of birth is used as a surname. Namely, according to local traditions, the name of died foreigner was added by a hieroglyph, indicating the area of his origin. So, names of the natives of Samarkand was added by the hieroglyph “Kan” (康 the ancient Chinese name of Samarkand), Bukhara – “An” (安), Tashkent – “Shi” (石) and Fergana – “Qao” (曹).

During the reign of the Tang Dynasty (618-907) about 50000 migrants lived in its capital Changan (modern – Xi’an), most of whom were from Uzbekistan.

The greatest activation of diplomatic and trade-economic ties with China was observed during the Mongol Yuan dynasty (1271-1368) and the state of Amir Temur and the Temurids.

The most distinguished among them was the native of Bukhara Umar Kamaliddin Sayyid Shamsiddin (a.k.a. Sayyid Azhzhah Shamsiddin (for details, see “Moziydan sado”. 1/13, 2002)), who is called in Chinese sources as Saydanchi Shansidin (賽典赤瞻思丁) or in abbreviated form Saydanchi (賽典赤) (see “Moziydan sado”. 1/13, 2002).

Many of his descendants also

● фаргоналикларга – Цао (曹) ие-роғлифлари ёзилган.

Танг сулоласи ҳукмронлиги даврида (618 – 907), пойтахт шаҳри бўлмиш Чангъан (ҳозирги Сиан) да 50 минг хорижликлар яшаган. Буларнинг катта қисмини ҳозирги Ўзбекистон заминидан борганлар ташкил этган.

Марказий Осиё ва Хитой ўртасидаги дипломатик ва савдо-иқтисодий алоқаларнинг энг фаол ривожланган вақти Хитойда ҳукмронлик қилган Юань мўғуллар сулоласи (1271–1368), Амир Темур давлати ва темурийлар салтанати даврига тўғри келади.

Уларнинг орасида, биринчи навбатда, бухоролик Умар Камалиддин Сайид Шамсиддин (Сайид Ажжал Шамсиддин деб ҳам номланади), Хитой манбаларида Сайдянчи Шансидинг (賽典赤 瞻思丁) ёки қисқача Сайдянчи (賽典赤) ни тилга олиш мумкин (қаранг. Moziydan sado 1/13/2002).

Умар Камалиддиннинг талайгина авлодлари Юань империясида олий даражали лавозимларда хизмат қилганлар. Шулардан бири Чжэн Хэ (郑和 – Бизнинг осойишталигимиз) исми билан танилган Махмуд (Махэ – 1371–1434) Минг сулоласи даврида буюк денгизчи сифатида хизмат кўрсатган. Махмуд Юньнан ўлкасида дунёга келган. У 1405 – 1433 йиллар давомида 7 марта океан кезиб, Хитойнинг шарқий портларидан Африка қирғоқларигача борган ва бир вақтнинг ўзида Хитой элчиси ва савдогари сифатида фаолият юритган. Махмуд биринчи марта 63 та, иккинчи марта эса – 249 кема билан денгиз йўли орқали сафарга отланган (қаранг. Moziydan sado 1/13/2002).

1985 йил Пекинда нашр этилган “Чжэнг Хэ оиласи шажараси тарихига оид маълумотлар” (“Чжэнг Хэ жяши зияло”) номи асарда кўрсатилишича, Умар Камалиддиннинг Хитойга илк бор келган аждади Нажмиддин Суфи (997–1093) ҳисобланади. Ляо ва Ся хонлиқларининг бирлашган қўшини Хитойга қарши кураш бошлаб турган вазиятда, Сунг сулоласи (960–1279) Бухоро амирига ёрдам сўраб мурожаат қилган. Бунга жавобан Бухоро давлатидан Хитойга Нажмиддин Суфи ва унинг

● (современный Сиань) прожигали 50 тысяч мигрантов, значительная часть которых была выходцами из областей современного Узбекистана.

Наибольшая активизация дипломатических и торгово-экономических связей с Китаем наблюдалась в период монгольской династии Юань (1271–1368) и правления Амира Темура и темуридов.

Среди них выделялся бухарец по происхождению, экономист и политик Умар Камалиддин Сайид Шамсиддин (также Сайид Ажжал Шамсиддин (подробно см. Moziydan sado. 1/13, 2002)), который в китайских источниках именуется Сайдянчи Шаньсидин (賽典赤 瞻思丁) или сокращенно Сайдянчи (賽典赤).

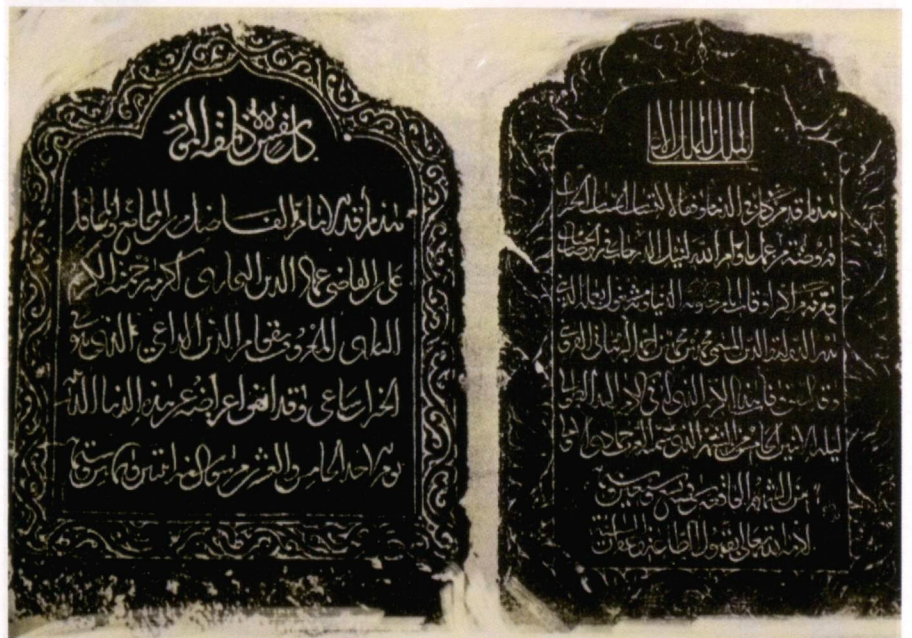
Многие его потомки занимали высокие должности при Юньской империи. Один из них Махмуд (Махэ – 1371–1434) – великий китайский мореплаватель времен правления Мин, известный под именем Чжэн Хэ (郑和 – Наше Спокойствие). Он родился в Юньнани. В 1405–1433 гг. он 7 раз выходил в океан из восточных портов Китая и доходил до берегов Африки в качестве посла и торгового представителя Китая. Первый раз Махмуд вышел в море с 63, а второй – с 249 кораблями (подробно см. Moziydan sado. 1/13, 2002).

По “Материалам истории родословной семьи Чжэн Хэ” (“Чжэнг Хэ цзяши зияло”), изданной в 1985 году

● worked in high positions under the Yung Empire. One of them Mahmud (Mahe – 1371–1434) a famous Chinese navigator of the Ming dynasty, was known as Zheng He (郑和 – our tranquility). He was born in Yunnan. In the period from 1405 to 1433 he put to sea from the eastern ports of Chinese-ven times and reached the coast of Africa as an ambassador and trade representative of China. The first time Mahmud went to sea with 63, and the second time with 249 ships.

According to the “Materials of history of Zheng He’s genealogy” (“Chzheng He xyashizilyao”), published in 1985 in Beijing, Najmiddin Sufi (997–1093) was the first representative of the Umar Kamaliddin’s family came to China. When the neighboring principalities of Liao and Xia opposed the Sung dynasty (960–1279), the ruler of this Dynasty asked for help from the Emir of Bukhara, and in response to the request the Bukhara ruler sent to China 200 people under the leadership of Najmiddin-Sufi, his brother Ays and three sons, as well as more than seven thousand horses and camels. After defeating the enemies and establishing peace, Najmiddin-Sufi stayed in China at the request of the Sung ruler, and the army led by Ays returned back to Bukhara.

Another great personality, a famous merchant and Ambassador from Sogd – Mahmud Yalavach in 1241–1254, before the reign of the

● укаси Айс ҳамада уч ўғли етакчилигида 200 дан зиёд ҳарбий кўшин ва етти мингдан зиёд от ва туялар олиб борилган. Душманлар мағлуб қилиниб, тинчлик ўрнатилганидан сўнг Нажмиддин Суфи Сунг ҳукмдори илтимосига кўра унинг хизматида қолган, Айс бошчилигидаги кўшин эса Бухорога қайтган.

Сўғдалик йирик шахслардан яна бири машҳур савдогар ва элчи Маҳмуд Ялавоч ҳисобланади. У 1241–1254 йилларда, Юан сулоласи (1271–1368) ташкил топишидан олдин, Пекин ҳокими бўлган (қаранг. Moziydan sado 4/16/2002).

Пекинда Юань (1206–1368) сулоласи даврида сақланган 200 дан зиёд араб ёзувида битилган асарлар мавжудлиги аниқланган. Турли даврларда Хитойда фаолият юритган математик ва астрономлардан мусулмон тақвимини ишлаб чиқиш ва уларни Хитойда тарқатишда пешқадамлик қилган, Марказий ва Шарқий Осиё географиясига доир асар ёзган Жамалиддин Бухорий (Чжамалудин), Хитой маъмурияти ва расадхона ходимлари учун махсус тақвим қўлланмасини тузган Камалиддин (Кэмалудин), ҳарбий санъат билимдони Муҳаммад Бухорий (Махама Бухаларен) ва бошқаларни алоҳида тилга олиш мумкин.

1368 йилда 13 нафар мусулмон астрономлардан иборат бўлган бир гуруҳ олимлар Пекингга таклиф этилган. Булар орасида Хайдар, Абдулло, Али кабиларнинг исми тилга олинади.

ХIII асрнинг бошларида Марказий Осиёдан Хитойнинг Хэбей ўлкасига Бай Цзинюй (мусулмонча исми номаълум) исми табиб келган. У кўз касалликларини даволовчи, дори тайёрловчи шифокор сифатида машҳур бўлган. Унинг авлодлари томонидан кашф этилган “Байжинюй яньяо” (“Байжинюй кўз дориси”) дориси ҳозирги замон Хитой табобатида ҳам қўлланиб келинмоқда.

Марказий Осиёдан Хитойга олиб келинган табобатга оид айрим асарлар хитой тилига таржима қилинган ва Хитой миллий табобатининг дурдонаси ҳисобланган “Хуэйхуэй яофанг” (回回药房 – “Мусулмон дориворлари”) ва “Бэнцао гангму” (本草纲目 – “Ўсимликлар ҳақида рисола”) каби асарларни битиш учун асос бўлган.

Хитой тилига таржима қилинган асарлар орасида “Йидян” (Yidian 醫

● в Пекине, первым прибывшим в Китай представителем рода Умара Камалиддина был Нажмиддин Суфи (997–1093). Когда против династии Сун (960-1279) ополчились соседние княжества Ляо и Ся, правитель династии Сун попросил помощи у Бухарского эмира, который в ответ направил в Китай военный отряд из 200 человек под предводительством Нажмиддин-суфи, его брата Айса и трех сыновей, а также более семи тысяч лошадей и верблюдов. После разгрома врагов и установления мира Нажмиддин-суфи остался на службе у сунского правителя, а войско во главе с Айса вернулось в Бухару.

Ещё одна крупная личность, знаменитый купец и посол из Согда – Махмуд Ялавач в 1241-1254 годах, до правления Юаньской династии был правителем Пекина (подробно см. Moziydan sado. 4/16, 2002).

В архивных материалах династии Юань (1206-1368) в Пекине зафиксировано более 200 трудов, написанных арабской графикой.

Среди прибывших в Китай математиков и астрономов наиболее известными были: Джамалиддин Бухорий (Чжамалудин), автор мусульманского календаря для Китая и географического труда по Центральной и Восточной Азии, Камалиддин (Кэмалудин), составитель служебного календаря для высших чиновников, возглавлявший обсерваторию, знаток военного искусства, Мухаммад Бухорий (Махама Бухаларен) и др.

В 1368 г. 13 мусульманских астрономов были приглашены в Пекин. Среди них упоминаются Хайдар, Абдулло, Али и др.

В начале XIII в. в провинцию Хэбей из Центральной Азии приехал Бай Цзинюй (мусульманское имя неизвестно), который прославился как врач-окулист и фармацевт. Лекарство от глазных болезней, изобретенное его потомками, “Байцзинюй яньяо” (“Лекарство от глазной болезни” “Бай Цзинюй”), до сих пор применяется в китайской медицине.

Некоторые медицинские сочинения из стран Центральной Азии были переведены на китайский язык и использовались при создании трудов “Хуэйхуэй яофан”

● Yuan dynasty was the ruler of Beijing (for details, see Moziydan sado. 1/13, 2002).

In archival materials of the Yuan dynasty (1206-1368) in Beijing more than 200 works in the Arabic were found.

Among the mathematicians and astronomers who arrived in China, the most famous were: Jamaliddin Bukhoriy (Zhamaludin) – the author of the Muslim calendar for China and geographical work about Central and East Asia, Kamoliddin (Kamaludin) – the compiler of the official calendar for senior officials, who headed the observatory, Muhammad Bukhari (MahamaBuhalaren) – a military art expert, and others.

In 1368, a group of Muslim scholars consisting of 13 astronomers were invited to Beijing. Among them such names as Haydar, Abdullo, Ali, etc. were mentioned.

In early XIII century, Bai Xinyuy (Muslim name is unknown) came to Hebei Province from one of the Central Asian countries, who became famous as an oculist and pharmacist. The medicine for eye diseases “Baixinui Yuan-Yao” (“BaiXinyi”), which was invented by his dynasty, is still used in Chinese medicine practice.

Some medical works from Central Asia were translated into Chinese and used to create the works “HueihueiYaofan” (回回药房 –

● 典 – “Табобат қонунари” номи билан машхур бўлган Абу Али ибн Сино (870–950)нинг “Тиб қонунари” (“Qanun fi al-Tibbi”) асари катта аҳамиятга эга бўлиб, у мўғулларнинг Юань сулоласи (1271–1368) даврида Хитойга олиб келинган.

Пекин шаҳридаги қадимий “Нюцзе” масжиди ҳовлисида икки нафар сўғдиқ Шайх Али Имомиддин Бухорий ва Шайх Аҳмад Буртаний қабрлари мавжуд. Улар XIII асрда ушбу масжид қошидаги мадрасада дарс бериш учун Пекинга таклиф этилганлар (қаранг. Moziydan sado, 3(15), 2002).

Хитой олимлари маълумотида кўра, Амир Темур Хитой билан дипломатик-савдо алоқаларини ривожлантиришга катта эътибор берган ва Мин империяси пойтахти Пекинга 8 марта элчилар гуруҳини юборган.

1387 йилнинг кузи ва 1389 йилларда юборилган элчиларга Мавлоно Ҳофизий, 1388 йилда юборилганларга – Тоғ ад-Дин (Тамудинг) етакчилиқ қилган. 1391 йилда Шохалил (Шахали), 1392 йилда Негмат ад-Дин (Нимаопудинг), 1394 ва 1395 йиллар Дарвиш (Диелибэйши), 1396 йилда Аломат ад-Дин (Аламадан) бошчилигида элчилар юборилган. Шундан кейинги 100 йил ичида Туркистондан Хитойга жами 107 марта элчилар гуруҳи келган. Шулардан 22 таси Мирзо Улуғбек номидан 1415–1440 йилларда борган.

Дипломатик ва савдо-иқтисодий алоқаларнинг ривожланиши билан бирга маданиятлараро ўзаро таъсир жараёни ҳам давом этган. Ўзбекистон ҳудуди буддизм ва исломни Хитойга кириб боришида алоқа воситасини бажарган. Хитойда Ислом динининг тарқалиши туфайли янги этнос – дунгон (дунгон, хитойча хуэйзу) вужудга келган. Унинг асосини Марказий Осиё, жумладан, ўзбекистонлик мусулмонлар, ташкил этган.

● (回回药房 – Мусулманские лекарства) и “Бэньцао ганму” (本草纲目 – Трактат о лекарственных травах), которые считаются жемчужиной китайской национальной медицины. Большое значение имел переведенный на китайский язык труд Абу Али ибн Сины (870–950) “Канон врачебной науки” (“Qanun fi al-Tibbi”), который получил название “Идянь” (Yidian 醫典) – “Медицинский трактат” или “Трактат врачевания”, доставленный в Китай в период монгольской династии Юань.

В Пекине в старейшей мечети “Нюцзе” покоятся два выходца из Согда – Шейх Али Имаматдин Бухарий и Шейх Ахмед Буртаний (подробно см. Moziydan sado, 3(15), 2002), которые в середине XIII в. были приглашены для преподавания в медресе при этой мечети.

По сведениям китайских ученых, Амир Темур активно развивал торгово-дипломатические отношения с Китаем – он 8 раз отправлял послов в Пекин – столицу империи Мин.

Осенью 1387 и 1389 годов делегацию возглавлял Мавлоно Хофизий, в 1388 году – Тағ ад-Дин (Тамудинг), в 1391 – Шохалил (Шахали), в 1392 – Негмат ад-Дин (Нимаопудинг), в 1394 и 1395 годах – Дарвиш (Диелибэйши), в 1396 – Аломат ад-Дин (Аламадан). В течение последующих почти 100 лет из Туркестана в Китай прибыло 107 делегаций, из них в 1415–1440 годах 22 группы послов – от имени Мирзо Улуғбека.

Одновременно с дипломатическими и торгово-экономическими отношениями развивались и культурные связи, шёл процесс взаимовлияния культур. Территория Узбекистана была как бы ретранслятором буддизма и ислама в Китае. В результате распространения ислама в Китае появился новый этнос – дунганы (хуэйзу), основу которого составили выходцы из Средней Азии, в частности Узбекистана.

● Muslim medicines) and “Benxaogangmu” (本草纲目 – Treatise on medicinal herbs), which are considered the pearl of Chinese national medicine. The work by Abu Ali IbnSina (870–950) “Canon of Medical Science” (“Qanun fi al-Tibbi”), translated into Chinese was of great importance. This work in China was called “Yidian” (Yidian 醫典) – “Medical Treatise” or “Treatise on Medical Treatment”, which was brought to China during the period of the Mongol Yung dynasty.

In Beijing, the oldest mosque “Nyutsxi” is the burial place of two natives of Uzbekistan – Sheikh Ali Imamaddin Bukhariy and Sheikh Ahmed Burtany (for details, see Moziydan sado, 3(15), 2002), who in the middle of the XIII century were invited to teach in madrasahs at this mosque (for details, see Moziydan sado, 3(15), 2002).

According to Chinese scholars, Amir Temur actively developed trade and diplomatic relations with China. He sent ambassadors to the capital of the Ming Empire – Beijing eight times.

In the autumn of 1387 and 1389, his delegation was headed by Mavlonofoziy, in 1388 – by Taj-ad-Din (Tamuding), in 1391 – Shohalil (Shahali), in 1392 – Negmat al-Din (Nimaopuding), in 1394 and 1395 – Darvish (Diolibeyshi), in 1396 – Alomat ad-Din (Alamadan). For almost 100 years, totally 107 delegations arrived in China from Turkestan, from them, 22 groups of ambassadors during 1415–1440 were on behalf of Mirzo Ulugbek.

Cultural ties also developed along with diplomatic, trade and economic relations, which resulted in interference of the cultures. The territory of Uzbekistan became as a retransmitter of Buddhism and Islam to China. As a result of the spread of Islam, a new ethnos the Dungans (hueizu) appeared in china, the basis of which consists of descendants of Central Asian, in particular Uzbekistan natives.

Литература:

1. Ли Минвэй. Суй Тан сычоу чжилу (Шелковый путь периода династий Суй и Тан). Ланьчжоу, 1994. с. 215-219; А.Ходжаев Некоторые сведения китайских источников о согдийцах // История Узбекистана. № 1. 2004. с. 52-61.
2. А.Ходжаев Великий шелковый путь: связи и судьбы. Ташкент, 2007. с. 235-242.
3. Ян Хуэйчжун (Мухаммад Юсуф). Хуэйцзун ши луньгао (Исследование по истории дунган). Йиньчуань (Нинся), 1992. с. 177. Чжунго хуэйцзун ши миньцзу ши (История мусульманских народов в Китае). Под редакцией Бай Шоуйи. В 2 томах. Пекин 2003. Т.2. с. 77-772.
4. Чжунго хуэйцзун дацзыдянь (Большой словарь дунганского народа КНР), Йиньчуань (Цзянсу), 1992. с. 669.
5. Сун Сянь. Гудай Посы исюэ юй Чжунго (Медицина древней Персии и Китая). Пекин, 2001. с. 123.
6. Каримова Н. Темурийлар билан Хитой алоқалари (Связи темуридов и Китая) // Востоковедения. Ташкент, 1996. с. 50.
7. Ходжаева А. Этнические связи дунган и узбеков в средних веках. Конституция Узбекистана – гарантия нашего великого будущего. Ташкент., 2009. декабрь. с. 302-308.

ХИТОЙ ЭЛЧИСИ ҚЎҚОНДА

Шерали Қўлдашев

Қўқон хонлиги (1709–1876) ва Хитойнинг манжурлар ҳукмати (1644–1911) ўртасидаги дипломатик муносабатлар манжур зобити Дакэтанининг 1759 йилда Қўқонга элчи сифатида ташрифидан бошланган. Дакэтанининг Қўқон хонлигида элчилик фаолияти ўша даврда Шарқий Туркистон (ҳозирги Шинжонг–Уйғур мухтор тумани) да юзага келган сиёсий вазият билан боғлиқ эди.

Яъни, Санг Бадахшонийнинг “Тарихи Бадахшоний” асарида таъкидланганидек, манжурлар империяси қўшинлари томонидан Шарқий Туркистон босиб олингач (1759), Ёркенд хони Бурхониддинхўжа (1755–1759)нинг ўғли Саримсоқхўжа бошчилигида 9 минг оила Қўқон хонлиги ҳудудига қочиб ўтган. Хитой императори Цяньлун (1736–1796) манжур генерали Чжао Хуяйга Шарқий Туркистоннинг қўшни давлатлари билан унинг номидан сиёсий-дипломатик алоқалар олиб бориш ҳуқуқини берган эди. Бу имтиёздан фойдаланиб, генерал чегара яқинидаги кўчманчи қирғиз ва қозоқ бийларига: “Агар сизларнинг (бизга) бўйсуниб ниятингиз йўқ бўлса, бу (ҳуқуқ) ҳозирча ўзингизда. Ўз ерингизни ушлаб туринг, аммо сизлар у ерда бизга қарши ишларни амалга оширсангиз, бизнинг қўшин сизларни жазолайди”, – деб мактуб йўллаган. Айнан шу мазмундаги мактуб билан Чжао Хуяй 1759 йилнинг сентябрида Қўқон ҳукмдори Эрдона ва Фарғона маҳаллий ҳокимлари ҳузурига “шивея” (элчи) Дакэтани юборди.

Ўш қалъаси ҳокими, қирғизлар сардори Ҳожибий уни Навкет истеҳкомида кутиб олган. Дакэтана Марғилонга келгач, Қўқон давлати ҳукмдори Эрдона билан учрашиш нияти борлигини айтади. Хитой генерали нима учун ўз мактубини Қўқон давлатининг ягона ҳукмдори Эрдонанинг ўзига эмас, балки Фарғона маҳаллий ҳокимларига ҳам жўнатган? Бу саволга жавоб излаган япон олимаси Яёи Кавахара, Муҳаммад Ҳаким-

ПОСОЛ КИТАЯ В КОКАНДЕ

Шерали Қўлдашев

Дипломатические отношения между Кокандским ханством (1709–1876 гг.) и китайским правительством маньчжуров (1644–1911 гг.) начались с визита маньчжурского офицера в качестве посла в Коканд в 1759 году. Посольство Дакетаны в Кокандском ханстве было связано с политической обстановкой в Восточном Туркестане (современный Синьцзян-Уйгурский автономный район) того периода.

То есть, как отметил Санг Бадахшани в своей книге “История Бадахшана”, после оккупации Восточного Туркестана войсками маньчжурской империи (1759), сын Яркендского хана Бурхониддина Ходжи (1755–1759) Сарымсак Ходжа, возглавив 9 тысяч семей, бежал на территорию Кокандского ханства. Китайский император Цяньлун (1736–1796) ранее предоставил право маньчжурскому генералу Чжао Хуяю на проведение от его имени политических и дипломатических отношений с соседними с Туркестаном государствами. Используя эту привилегию, он направил послание кочевым приграничным киргизским и казахским биям: “Если вы не намерены повиноваться нам сейчас, то это пока ваше право. Удерживайте свои земли, но если вы предпримите что-либо против нас, наши войска накажут вас”. С письмом такого же содержания Чжао Хуяй в сентябре 1759 года отправляет “шивею” (посла) Дакэтану ко двору правителя Коканда Ирдане и удельным провинциям (хакимам) Ферганы.

CHINESE AMBASSADOR IN KOKAND

Sherali KULDASHEV

Diplomatic relations between the Kokand Khanate (1709–1876) and the Chinese Manchu government (1644–1911) began with the visit of a Manchu officer as ambassador to Kokand in 1759. Daketana embassy in the Kokand Khanate was associated with the political situation in Eastern Turkestan of that period (modern Xinjiang Uygur Autonomous Region).

That is, as Sang Badakhshani noted

in his book “History of Badakhshan” after occupation of East Turkestan by the troops of the Manchu empire (1759), Sarymsak Khoja the son of Burkhoniddin Khoja (1755–1759) the khan Yarkend “fled to the territory of the Kokand khanate together with 9 thousand families”. The Chinese emperor Qianlong (1736–1796) granted the Manchu general Zhao Huyaya the right to conduct political and diplomatic relations with the states neighboring Turkestan. Using this privilege, he sent the following message to nomadic frontier Kyrgyz and Kazakh biys: “If you do not intend to obey us now, then this is your right. These are your lands, but if you do something against us, our troops will punish you”. In September 1759 Zhao Huyaya sent a “shivey” (ambassador) Daketana with a letter of the same content to the court of the ruler of Kokand Irdana and apange provinces (hakims) of Fergana.

The ruler of the Osh fortress and the leader of the Kyrgyz, Khodzhibiy, met him in Navket fortification. When he arrived in Margilan, Daketana notified of his desire to meet with the ruler of Kokand, Irdana. Why did the Chinese general send his letter to

● хонтўранинг “Мунтахаб ут-таворих” асаридан фойдаланиб, шундай ёзади: “...у вақтларда Қўқон хонларининг сиёсий куч ва қудратлари у қадар катта эмас эди. Амирлар ўз хоҳишлари билан бирор хонни тахтга ўтиргизар ёки тахтдан тушира олар эдилар”.

Дакэтанининг Марғилонга келганлигини мулозимлар Эрдонага маълум қилишади ва элчи ўзини қабул қилишини сўраётганини етказишади. Аммо, Эрдонадан жавоб бўлмайди. Шубоис, Дакэтана Марғилонда ўн икки кун қолиб кетади. Манжурлар элчиси Дакэтанининг асосий вазифаси Қўқондаги сиёсий вазиятни билиш баробарида, Шарқий Туркистоннинг собиқ хони Бурхониддинхўжа ва унинг укаси Хўжа Жаҳон тақдири масаласи ҳал этилишини кутиши зарур бўлган. Аммо улар 1759 йилнинг 16 октябрида манжурлар элчиси Фу-Дэ талаби билан қўлга олиш вақтида Бадахшон ҳукмдори Султоншоҳ аскарлари томонидан ўлдирилган эди. Шундан сўнг девонбеги лавозимидаги шахс Марғилонга келиб Дакэтанини Қўқонга бошлаб боради. Дакэтана Эрдонанинг хузурида Наманган, Марғилон, Андижон ва бошқа маҳаллий ҳокимлари, давлатнинг турли даражадаги мансабдорлари, беклар, муллалар, қабила оқсоқоллари, қирғиз ва қозоқ бийлари ҳам тўпланганлигининг гувоҳи бўлади. Эрдона элчининг саломига алик олиб, нима мақсадда Қўқонга келганлигини сўраганда, Дакэтана Шарқий Туркистондаги Ёркенд хонлигининг охириги ҳукмдорлари Бурхониддинхўжа ва Хожа Жаҳон хўжаларни қидириб келганлигини ва улар Қўқон давлати томон кетган бўлиши мумкинлигини айтади. Аммо, Эрдона хўжаларни бу худудга ўтганлиги тўғрисидаги маълумотлардан беҳабарлигини ва хўжалар тақдири ҳақида ҳеч нима билмаслигини айтади. Дакэтана хўжалар масаласида ҳамкорлик қилиш ва манжурлар империяси билан Қўқон давлати ўртасида ўзаро муносабатларни ўрнатишни таклиф қилган. Эрдона эса бу таклифни қабул қилиб, ўз навбатида, учта шартларини билдирган. Улардан биринчиси – Қўқон хонлигининг қўшнилари

● Правитель Ошской крепости и предводитель кыргызов Ходжибий встретил его в укреплении Навкет. Когда Дакэтана прибыл в Маргилан, он уведомил о своем желании встретиться с правителем Коканда Ирданой. Почему китайский генерал отправил письмо правителям вилайетов Ферганы, а не одному Ирдане, как единственному правителю Кокандского государства? Яёи Кавахара, японский историк, которая искала ответы на этот вопрос, ссылаясь на работу “Мунтахаб ат-таварих” Мухаммада Хакимхонтуре, пишет: “В то время политическая власть Кокандских ханов была не так уж сильной. Эмиры могли посадить на трон по своему усмотрению того или иного хана либо сместить с трона негодного им хана”.

Чиновники доложили Ирдане о прибытии Дакэтаны в Маргилан и о просьбе аудиенции принять его. Однако со стороны Ирданы не последовало ответа. Поэтому Дакэтане пришлось остаться в Маргилане в течение двенадцати дней. Главной задачей маньчжурского посла Дакэтаны было знакомство с политической ситуацией в Коканде, а также окончательное решение вопроса о судьбе бывшего правителя Восточного Туркестана Бурханиддин-ходжи и его брата Ходжа Джахона. Однако 16 октября 1759 года по требованию маньчжурского посла Фу-Де они были убиты во время задержания воинами правителя Бадахшана Султан-шаха. После этого должностное лицо – диван беги (лицо, ответственное за канцелярию) прибыл в Маргилан и сопроводил Дакэтанау в Коканд. На приеме у Ирданэ он становится свидетелем присутствия правителей Намангана, Маргилана, Андижана и других владений, различных государственных чиновников, беков, мулл, старейшин племен, биев кыргызов и казахов. В ответ на его приветствие Ирдана интересуется с какой целью тот прибыл в Коканд, на что Дакэтана заявил, что ищет Бурханиддин-ходжу и Ходжу Джахана – последних правителей Яркенда в Восточном Туркестане, которые могли сбежать в Кокандское ханство. Однако Ирдана сообщает, что проникновение ходжей на его территорию и их судьба ему неизвестны.

● the rulers of vilayets (provinces) of Fergana, and not to Irdana alone, as the sole ruler of the Kokand state? Yayoi Kawahara, the Japanese scholar who searched for answers to this question, referring to the work of “Muntahabat-Tavariih” by Mohammed Hakimhontura, writes: “At that time, the political power of the Kokand khans was not so strong. Emirs could put on the throne at their discretion one or another khan or remove a disagreeable khan from the throne.”

Officials reported to Irdana on the arrival of Daketana in Margilan and his request to receive him. However, there was no answer from Irdana side. Therefore, Daketana stayed in

Margilan for twelve days. The main task of the Manchu Ambassador Daketana was to get acquainted with the political situation in Kokand, as well as expect the final decision on the fate of the former ruler of East Turkestan, Burkhaniddin-Khoja, and his brother Khoja-Jahon. However, on October 16, 1759, at the request of the Manchu ambassador, Fu-Deoni they were killed during the detention by soldiers of the ruler Badakhshan Sultan Shah. After that, an official of divan begi (the person responsible for the office) arrived in Margilan and accompanied Daketana to Kokand. At the reception at Irdana, he witnessed the presence of the rulers of Namangan, Margilan, Andijan and other possessions, various government officials, beks, mullahs, tribal elders, Kyrgyz and Kazakh biys. After answering his greeting, Irdana asked about the purpose of his arrival in Kokand. Daketana stated that he was looking for Burkhanidin Khoja and Khoja Jahon - the last rulers of Yarkend in East Turkestan, who could have escaped

● бўлган қирғиз қабилаларини бирлаштириб, уларни бошқариш ҳуқуқини қўлга киритишда Хитой томонининг розилигини сўради. Иккинчиси – қўшни Бухоро хонлиги билан Хитой ўртасидаги савдо ва сиёсий муносабатларда Қўқон давлати воситачи бўлиши лозимлигини айтиб ўтади. Учинчиси – эса, албатта, Қўқон давлати ҳукмдори номидан элчиларни бевосита манжурлар императорлари ҳузурига жўнатишда муаммолар бўлмаслигини шарт қилиб қўйган.

Дакэтана Қўқон давлати саройида кутиб олинганлиги тўғрисида, “Эрдона сахий бўлиб, жуда ҳашаматли яшайди. Унинг сўзлари аниқ, соф ва тўғридир. Уз давлатидаги ҳар бир бек, оқсоқол, ҳатто қирғизлар ҳам уни жуда ҳурмат қилади. У Маргилон, Қўқон ва хонликдаги бошқа шаҳарлар аҳолисининг кундалик турмушини, от-уловини яхши билади” – деб ўз ҳисоботида ёзган. Дакэтана Қўқон хонлигининг иқтисодиёти барқарор бўлишида Эрдона бош бўлганлигини таъкидлайди. Учинчи шарт бўйича Эрдона Андижон ҳокими бўлган Мулла Тўхтамуҳаммадни Пекинга элчи сифатида тайинлайди.

Улар Ёркендга келгач, генерал Чжао Хуяйга Эрдонанинг мактубини топширганлар.

Сўнгра 1760 йилнинг 26 февралда элчилар генерал Чжао Хуяй рўхсати билан Цяньлун ҳузурига – Пекинга юборилган. 1759–1769 йиллар оралигида Қўқон хонлигидан жами 10 дан ортиқ элчи Шарқий Туркистонга ва Пекинга 4 та элчилик гуруҳи юборилган.

Қўқон хонлиги ҳукмдори Эрдонанинг сиёсий-дипломатик фаолияти туфайли Хитойнинг манжурлар империясининг – Ғарбга, яъни Ўрта Осиёга бостириб келиши тўхтатилган. Дакэтанининг кейинги ҳаёти хусусида маълумотлар кам сақланган бўлиб, фақатгина унинг 1763 йилда вафот этганлиги маълум.

● Дакэтана предложил сотрудничество по вопросу о ходжах и установление взаимоотношений между Маньчжурской империей и Кокандским ханством. Ирдана принял это предложение и выдвинул три условия. Во-первых, он попросил согласия китайской стороны на право объединить и контролировать кыргызские племена – соседей Кокандского ханства. Во-вторых, Кокандское государство (ханство) должно быть посредником в торговых и политических отношениях между соседним Бухарским ханством и Китаем. В-третьих, он выдвинул требование, обеспечения послам, отправляемым от имени правителя Кокандского государства непосредственно ко двору маньчжурских императоров, неприкосновенности.

В своем отчете о приеме во дворце Кокандского ханства Дакэтана приводит следующие сведения: “Ирдана очень щедрый и живет роскошно. Он правдив и чистосердечен. Его уважают все беки, аксакалы, и даже кыргызы. Он очень хорошо осведомлен о быте и хозяйстве жителей Маргилана, Коканда и других городов ханства”. В стабильности кокандской экономики Дакэтана видит заслуги Ирданы. Согласно третьему условию Ирдана назначает правителя Андижана Тохтамухаммада послом в Пекин.

По прибытии в Яркенд они вручили генералу Чжао Хуяю письмо Ирданы.

26 февраля 1760 года с разрешения генерала Чжао Хуяя послы были отправлены в Пекин к ставке Цяньлуна. В период 1759–1769 гг. в Восточный Туркестан было отправлено более 10 послов, а в Пекин – 4 посольские делегации.

В результате политико-дипломатической деятельности Ирданы расширение маньчжурской империи Китая на Запад, т.е. проникновение в Среднюю Азию было приостановлено. Сведений о дальнейшей судьбе Дакэтаны очень мало, известно лишь о дате его кончины в 1763 году.

● to the Kokand khanate. However, Irdana informed that he had no information about either their passage or their fate. Daketana offered to cooperate on the issue of the Khojas and establish relations between the Manchu Empire and the Kokand Khanate. Irdana accepted this offer and put forward his three conditions. First, he asked the consent of the Chinese side for the right to unite and control the Kyrgyz tribes - neighbors of the Kokand Khanate. Secondly, he proposed that the Kokand state (khanate) should be an intermediary in trade and political relations between the neighboring Bukhara khanate and China. Thirdly, he demanded that ambassadors sent on behalf of the ruler of the Kokand state directly to the court of the Manchu emperors would not have any obstacles for officials of East Turkestan and there would be no problem.

In his report on the reception in the palace of the Kokand Khanate, Daketana provided the following information: “Irdana is very generous and lives luxuriously. He is respected by all Beks, Aksakals, and even the Kyrgyz. He is very knowledgeable about the life and household of the inhabitants of Margilan, Kokand and other cities of the Khanate”. Daketana saw the merits of Irdana in the stability of the Kokand economy. According to the third condition, Irdana appointed Tokhtamuhammad the ruler of Andijan the Ambassador to Beijing.

Upon arrival in Yarkend, they handed to the General Zhao Huyaya a letter from Irdana.

On February 26, 1760, with the permission of General Zhao Huyaya, the ambassadors were sent to Beijing at the Qianlong headquarters. In the period of 1759–1769 more than 10 ambassadors were sent to East Turkestan, and 4 ambassadorial delegations were sent to Beijing.

As a result of Irdana's political and diplomatic activities, the expansion of Chinese Manchu Empire to the West, i.e. penetration into Central Asia was stopped. There is very little information about the future of Daketana, only the date of his death in 1763 is known.

Адабиётлар:

1. Манжур ноиб Чжао Хуяйнинг ҳисоботлари (Буюк кенгаида сақланидиган манжур тилидаги ёзма ҳужжатлар нусхалари). Хитойнинг Биринчи архивдаги ҳужжатлар (микрофильмлар). Пекин, 1803. Б. 23, 55: 2149–50.
2. Санг Мухаммад Бадахши. Тарих-и Бадахшан // Материалы по истории Средней и Центральной Азии. X–XIX вв, Т., Наука. 1988.
3. Ходжаев А. Захват цинским Китаем Джунгарии и Восточного Туркестана. Борьба против завоевателей // Китай и соседи в новое и новейшее время. – М., 1982.
4. Яёи Кавараха. Мухаммад Ҳакимхонтуранинг “Мунтахаб ут-таворих” асари тарихий манба сифатида // Тарихий манбаиуносликнинг долзарб муаммолари. Республика илмий-амалий анжумани материаллари. Т., 2001. Т., 2001.
5. Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв). Новосибирск: Сибирское отделение, 1893.

МАРКАЗИЙ ОСИЁДА БУДАВИЙЛИК

Акром АЗИЗКУЛОВ

Марказий Осиёнинг, хусусан, Ўзбекистоннинг қулай геосиёсий жойлашуви нафақат кенг қамровли савдо алоқалари ривожига, балки энг муҳим этник жараёнлар ва маданиятларнинг ўзаро таъсирига имкон яратди. Илмий тадқиқотлар буддавийлик динининг жаҳон динига айланишида Марказий Осиё халқларининг ўрни муҳим бўлганлигини кўрсатмоқда.

Ҳиндистонда ҳиндуизм динига муҳолифат сифатида юзга келган буддавийлик аста-секин турли ўлкаларга тарқалиб, кўплаб халқлар томонидан расмий дин сифатида қабул қилинган. Ҳозирда буддавийлик жаҳон динларидан бири сифатида эътироф этилмоқда. Буддавийлик дини Кушон империяси даври (мил. I–IV асрлар)да Марказий Осиёга кириб келган. Хусусан, Канишка ҳукмронлиги даври (78–123) да буддавийликнинг махаяна йўналиши расмийлаштирилган ва салтанатда кенг тарқалган. Бу даврда буддавийлик, айниқса, жанубий вилоятларда (ҳозирги Сурхондарё, Тожикистон) кенг тарқалган.

Маълумки, буддавийлик Хитойга икки йўналиш бўйлаб: Ҳиндистон орқали Жануби-шарқий вилоятларга ва Марказий Осиё орқали Шимоли-ғарбий вилоятларга тарқалган. Марказий Осиё халқлари Хитойда буддавийлик динининг тарқалишида муҳим роль ўйнаганлар.

Хитой ёзма манбаларига кўра, хитойликларнинг будда таълимоти билан танишуви мил. ав. II асрда, Шимолий Бақтрияда яшовчи юечжи қабилалари орқали содир бўлган. Хусусан, Хань императори Мин ди будда матнлари ҳақида маълумот тўплаш учун ўз элчиларини юечжилар ўлкасига юборади. Бир неча йиллар-

БУДДИЗМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Акром АЗИЗКУЛОВ

Выгодные геополитические позиции Центральной Азии, в частности Узбекистана, способствовали не только масштабным торговым операциям, но и важнейшим этническим процессам, активному взаимодействию культур. Научные исследования показали, что народы Центральной Азии сыграли значительную роль в формировании буддизма в качестве мировой религии.

Буддизм, возникший в Индии в VI–V вв. до н.э. в противовес религии индуизма, постепенно проникая на другие территории, у многих народов принимал форму официальной религии, в конечном счёте получил признание, как одна из мировых религий. В эпоху Кушанской империи (I–IV века н.э.) буддизм проник на территорию Центральной Азии, в частности в период правления Канишки (78–123), буддийское течение махаяна было признано официальным и широко распространено в государстве, особенно в южных областях (нынешняя Сурхандарья и Таджикистан).

Общеизвестно, что буддизм в Китай проник по двум направлениям: из Индии в Юго-Восточные области, из Центральной Азии в северо-западные. Народы Центральной Азии сыграли значительную роль в распространении буддизма на территории Китая.

Согласно китайским письменным источникам, начало распространения буддийского учения в Китае относится ко II в. до н.э. благодаря проживавшим в Северной Бактрии племенам юечжи. В частности, император династии Хань- Мин ди направил послов на земли племен юечжи для сбора сведений о буддийских текстах. Спустя годы послы вернулись на родину с текстами и переводами некоторых священных буддийских писаний. Вместе с ними в Китай прибыли первые иностранные миссионеры – буддийские монахи

BUDDHISM IN CENTRAL ASIA

Akrom AZIZKULOV

Favorable geopolitical positions of Central Asia, in particular Uzbekistan, contributed not only to large-scale trade operations, but also to the most important ethnic processes and active interaction of cultures. Scientific studies have shown that the peoples of Central Asia played a significant role in shaping Buddhism as a world religion.

Buddhism originated in India in the VI–V centuries. BC. in contrast to the religion of Hinduism, gradually penetrating into other territories, in many nations took the form of the official religion, ultimately received recognition as one of the world religions. In the Kushan era (I–IV century AD) Buddhism penetrated into the territory of Central Asia. In particular, during the reign of Kanishka (78–123), the Mahayana Buddhist movement was recognized as official and widespread in the state. It was especially widespread in the southern regions (now Surkhandarya and Tajikistan).

It is well known that Buddhism penetrated into China in two directions: from India to the Southeastern regions and from Central Asia to the Northwest regions. In the turn peoples of Central Asia played a significant role in the spread of Buddhism in China.

According to Chinese written sources, the spread of Buddhist doctrine in China began in the II century BC due to Yuezhi tribes living in Northern Bactria. In particular, the emperor of Han province Ming Di sent his ambassadors to the lands of the Yuezhi tribes to collect written information about Buddhism. A few years later, the ambassadors returned to their homeland with some texts and translations of the sacred Buddhist writings. Along with them the first foreign missionaries - Buddhist monks from Bactria-Taharistan Kasiana Matanga and Dharmaratna arrived in China. With their assistance a Buddhist chapel was built at the initiative of the Emperor in the city of Luoyang. Accordind

● дан кейин элчилар ўз ватанларига буддавийлик динининг муқаддас манбаларининг айрим матнлари ва таржималари билан қайтадилар. Улар билан бирга Хитойга Бақтрия-Тоҳаристондан биринчи чет эллик миссионер будда роҳиблари Касьяна Матанга ва Дхармаратналар келдилар. Бу роҳиблар иштирокида императорнинг ташаббуси билан Лоян шаҳрида будда ибодатхонаси бунёд этилади. Хитой ёзма манбаларида таъкидланишича, буддавийликнинг бу мамлакатда тарқалишида Парфия, Бақтрия ва сўғдлик савдогар ва роҳибларнинг роли катта. Жумладан, А.Пельо, Э.Шаванн, Г.Масперо, О.Франк, Е.Цюрхер каби Ғарб олимлари, шунингдек, хитой ва япон олимлари тадқиқотларида баъзи бирларининг аниқ исмлари келтирилган.

Булар беш нафар парфияликлар: Ан-Шигао, Ан-Шаня, Тан-У-Ди, Ан-Фагжен, Ан-Ху Изелардир. Улардан Ан-Шигао будда сутраларини хитой тилига илк бора таржима қилган шахс сифатида эътироф этилади. Айнан унинг ташаббуси билан Хитойда будда матнларини таржима қиладиган мактаб ташкил этилади. Ан-Фагжен ҳам бешта будда матнларини хитой тилига таржима қилади. Ан-Ху Изе эса будда дини тарғиботчиси, диний матнлар таржимони ҳамда моҳир хаттот сифатида қайд этилган.

Тўртта сўғдлик роҳиб: К'анг-чу, К'анг-Менг-һсианг, К'анг-Сенг-һуи ва Бао-И (Ратнами) номлари келтирилади. Будда матнларини таржима қилиш билан сўғдлик Кан-Менсян шуғулланган. Кан-Сэн-уэй мил. ав. 247-йилда Нанкин шаҳрига келиб, ибодатхона бунёд этган ва будда мактабига асос солган. Шунингдек, унинг ташаббуси билан император Сунь-Хао будда динини қабул қилганлиги ҳамда кўплаб ибодатхоналар бунёд этишда, будда матнларини хитой тилига таржима қилишда,

● из Бақтрии-Тоҳаристана, Касьяна Матанга и Дхармаратна. При их участии по инициативе императора в городе Лоян была построена буддийская молельня. Согласно письменным источникам, распространению буддизма в этой стране способствовали торговцы и монахи из Парфии, Бақтрии и Согда. В частности, в исследованиях западных ученых А.Пельо, Э.Шаванна, Г.Масперо, О.Франка, Е.Цюрхера, а также китайских и японских историков указаны имена некоторых из них.

Пять выходцев из Парфии, Ан-Шигао, Ан-Шаня, Тан-У-Ди, Ан-Фагжен, Ан Ху Изе. Ан-Шигао впервые перевел на китайский язык буддийские сутры. По его инициативе была образована школа, в которой занимались переводом буддийских текстов. Ан-Фагжен перевел на китайский язык пять буддийских текстов. Ан-Ху Изе известен, как активный пропагандист буддийской религии, переводчик религиозных текстов и талантливый каллиграф.

Приводятся имена четырех согдийских монахов: К'анг-чу, К'анг-Менг-һсианг, К'анг-Сенг-һуи и Бао-и (Ратнами). Переводом буддийских текстов занимался и Кан-Менсян из Согда. Кан-Сэн-уэй в 247 году до н.э. прибыл в Нанкин, построил в этом городе молельню и заложил основу буддийской школы. По его инициативе император Сунь-Хао принял буддизм, было построено множество святилищ, буддийские тексты переводились на китайский язык с комментариями. В распространении буддизма в Китае активное участие принимал и буддийский монах из Согда Бао-И. Он в совершенстве знал священные источники буддийской религии, поэтому соотечественники называли его "Наставник Трипитака". Также в источниках приводятся имена еще двух буддийских монахов из

● to the written sources, merchants and monks from Parthia, Bactria and Sogd played an important role in spreading Buddhism in this country. In particular studies of such western scientists as A. Peleho, E. Shavanna, G. Maspero, O. Franc, E. Zürcher, as well as scientists from China and Japan name some of them.

They are five Parthians - An-Shigao, An-Shan, Tan-U-Di, An-Fagzhen, and An-Hu Ize. An-Shigao translated for the first time Buddhist sutras into Chinese. On his initiative, a school was established in China in which they were engaged in translating Buddhist texts. An-Faggen translated five Buddhist texts into Chinese. An-Hu Ize became known as an active propagandist of the Buddhist religion, a translator of religious texts and a talented calligrapher.

The Chinese written sources also give the names of four Sogdian monks: К'анг-чу, К'анг-Менг-һсианг, К'анг-Сенг-һуи, and Бао-и (Ratnami). Kahg-Meng-hsiang from Sogd was engaged in translation of Buddhist texts. К'анг-Сенг-һуи arrived in Nanjing in 247 BC, built a chapel in this city and laid the foundation of a Buddhist school. On his initiative the emperor Sun-Hao accepted Buddhism, many chapels were built, Buddhist texts were translated into Chinese and comments to them were written. A Buddhist monk from Sogd Bao-i took an active part in spreading Buddhism in China. He perfectly knew the sacred sources of the Buddhist religion and therefore compatriots called him the "Tripitak Mentor". Names of two more Buddhist monks from Sogd - Kan-Fa and Kan-Ching are also given in the sources. They are characterized not only as Buddhist monks,

● уларга шарҳлар ёзишда бош бўлганлиги таъкидланади. Сўғдлик будда роҳиб Бао-И ҳам Хитойда буддавийликнинг тарқалишида фаол иштирок этган. Будда динининг муқаддас манбаларини мукаммал даражада билганлиги учун замондошлари уни “Трипитака мураббийси” деб аташган. Шунингдек, манбаларда яна иккита сўғдлик будда роҳиблари Кан-Фа ва Кан-Чин номлари келтирилади. Улар нафақат будда роҳиблари, балки Хитой тарихида дастлабки будда матнларининг моҳир хаттотлари сифатида ҳам эътироф этилган.

Тоҳаристонлик миссионер будда роҳибларидан бири Чжи Лоуцзян-чан ёки Чжи-Чжан (ҳиндча лақаби Локакшем) буддавийликнинг махаяна оқимида оид матнларни хитой тилига таржима қилган. Унинг шогирди юечжилик роҳиб Чжи Цзянь (тахаллуси Гун-Мун) будда матнларини хитой тилига таржима қилиш билан шуғулланган. Шунингдек, Тоҳаристонлик будда роҳиб Чжу Таньмалоча (тахаллуси Дхармаракша) III аср ўрталарида Дуньхуанда будда динининг ёйилишида жонбозлик кўрсатган. Манбаларда уни 36 та тилни билганлиги ва 100 та будда матнини таржима қилганлиги айтилган.

Демак, аждодларимиз нафақат будда динини Хитой ҳудудида тарқатиш ва тарғиб этишда, балки будда матнларини хитой тилига таржима қилиш, уларга шарҳлар ёзиш баробарида Хитой санъатида сўғд каллиграфия санъатини тарғиб қилишга имкон яратганлар.

Аждодларимизнинг миссионерлик фаолияти орқали буддавийликнинг махаяна оқими Хитойга тарқалади ва такомиллашади. IV асрда Хитой орқали Корея, VI асрда Япония, VII асрда Тибет, XIII–XIV асрларда Монголия, XVII–XVIII асрларда Бурятия ва Тувага кенг тарқалади ва жаҳон дини мақомига эга бўлади.

● Соғда – Кан-Фа и Кан-Чин, талантиливлар каллиграфовларнинг буддийских текстов в истории Китая.

Одним из первых миссионеров из Тохаристана был монах Чжи Лоуцзян-чан или Чжи-Чжан (псевдоним Локакшем), который перевёл на китайский язык тексты буддийского течения махаяна. Переводом буддийских текстов на китайский язык активно занимался и его ученик, монах из рода юечжи Чжи Цзянь (псевдоним Гун-Мун). В середине III века буддийский монах из Тохаристана Чжу Таньмалоча (псевдоним Дхармаракша) занимался пропагандой буддийской религии в Дуньхуане. В источни-

● but also talented calligraphers of the first Buddhist texts in Chinese history.

One of the first Buddhist monks from Tokharistan was a monk, Zhi Louziang-chan, or Zhi-Ziang, who had an Indian pseudonym Lokakshem. He translated the texts of the Mahayana Buddhist current into Chinese. His disciple, a monk from the Yuezhi clan Zhi Ziang (pseudonym Gounmoun), was also actively involved in translating Buddhist texts into Chinese. In the middle of the III century, a Buddhist monk from Tokharistan, Zhu Tanmalocha (pseudonym Dharmaraksha) was engaged in the propaganda of the Buddhist religion in Dunhuang.

ках указано, что он знал 36 языков и перевел 100 буддийских текстов.

Следовательно, наши предки наряду с распространением и пропагандой буддизма на территории Китая, осуществляя переводы буддийских текстов и сопровождая их комментариями, тем самым способствовали пропаганде согдийского искусства каллиграфии.

Благодаря миссионерской деятельности наших предков в Китае распространялось и совершенствовалось буддийское течение махаяна. Через Китай буддизм в IV в. проник в Корею, в VI в. – в Японию, в VII в. – в Тибет, в XIII–XIV в.в. – в Монголию, в XVII–XVIII в.в. – в Бурятию и Туву и приобрел статус мировой религии.

The sources indicate that he knew 36 languages and translated 100 Buddhist texts.

Consequently, our ancestors, along with the dissemination and propaganda of Buddhism in China, carrying out translations of Buddhist texts, and accompanying them with commentaries, thereby contributed to the promotion of Sogdian calligraphy.

Thanks to the missionary activities of our ancestors, the Buddhist mahayana movement was spread and perfected in China. Through China, Buddhism in the IV century penetrated into Korea, in the VI century – to Japan, in the VII century – to Tibet, in the XIII–XIV centuries – to Mongolia, in the XVII–XVIII centuries – in Buryatia and Tuva and acquired the status of world religion.

ХИРОТ – ТЕМУРИЙЛАР МАДАНИЯТИ МАРКАЗИ

Шаръий ЖУЗЖОНИЙ

Хуросон пойтахти Хирот шаҳри, темурийлар давлатининг асосий маркази бўлган. Амир Темур асос солган илмий муҳит темурий ҳукмдорлар раҳнамолигида ривожланиб, мислсиз тараққиёт босқичига кўтарилди.

“Эрон адабиёти тарихи” номли китоб муаллифи доктор Забиҳулло Сафонинг ёзишича “Темур каби иқтидорли саркарда кучли бир давлатга асос солганидек, ўз сулоласининг диққатини санъат ва адабиёт томонига ҳам йўналтирди. У салтанатда бу каби буюк ишнинг бошловчиси эди”.

Бу тенгсиз маданият ёғдулари асрлар оша кўп мамлакатлар бўйлаб кенг ёйилди. XV аср давомида Хирот шаҳрига даврининг илғор ижодкорлари жалб қилинган, истеъдод эгалари учун муносиб шароитлар яратилган. Шаҳарнинг “Осиё Флоранси” деб аталгани бежизга эмас. Меъморчилик соҳаси ҳам юқори поғонага кўтарилди.

Амир Темурнинг ўғли Шохрух Мирзо тарихий Ихтиёриддин қалъасини пишиқ гишт ва тош билан қайта қуриб, мустақкам мудофаа қўрғонига айлантирди. Унинг кенг саҳнида безаклари билан ажралиб турувчи темурийлар санъати услубига хос ҳарамсаро, маъмурий бинолар қурдирди.

Шохрух даври ёдгорликларидан яна бири шуқуҳли қурилиши, нафис хат ва безаклари билан киши диққатини ўзига жалб этувчи Хожа Абдулло Ансорий мақбараси жойлашган “Гузаргоҳ” мажмуасидир. Ўз даврининг моҳир сангтароши томонидан чиройли нақшлар билан йўнилган “Хафт қалам” қора рухом тоши шаҳзода Ғариб Мирзо қабри устига қўйилган. Ушбу ёдгорлик бадий талқини жиҳатидан шу қадар мукамалки, уни буюк Шарқ усталарининг санъат намуналари қаторига қўшиш мумкин.

Шохрухнинг серфазилат завжаси Гавҳаршодбегим Шарқ

ГЕРАТ – КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ТЕМУРИДОВ

Шаръий ЖУЗЖОНИЙ

Столица Хорасана город Герат был основным центром государства темуридов, интеллектуальную атмосферу в котором заложил Амир Темур, и при последующих темуридах он достиг небывалого расцвета.

Автор книги “История литературы Ирана” доктор Забиҳулло Сафо писал: “Талантливый полководец заложил основу сильного государства и привлек внимание своей династии к развитию искусства и литературы. В своей империи он стоял у истоков этого дела”.

Отблеск этой уникальной культуры распространился на многие страны и на долгие времена. В течение XV века Герат был олицетворением культуры темуридов, в нём были сконцентрированы культурно-созидательные силы эпохи, созданы благоприятные условия для жизни и деятельности множества талантов, город не случайно называли “Осиё Флоранси” (“Флоренция Азии”). Широкий подъём отмечался в архитектурной деятельности.

Сын Амира Темура Шохрух Мирзо возрождает историческую крепость Ихтиёриддин из жженого кирпича и камня, преобразовав ее в оборонительное сооружение, на территории которой были возведены гарем и административные здания, отличавшиеся богатством декора, характерного искусству эпохи темуридов.

Еще один памятник эпохи Шохруха – это величественный мавзолей поэта-суфия XII века Хожа Абдулло Ансори в комплексе “Гузаргоҳ”, привлекающий внимание изяществом эпиграфики. Надгробие принца Ғариба Мирзо из чёрного камня “Хафт қалам” украшено изящным орнаментом искусным резчиком по камню. Данный памятник настолько совершенен в художественном исполнении, что его по праву можно причислить к шедеврам искусства великих мастеров Востока.

Супруга Шохруха Гавҳаршодбегим, известная принцесса Востока, одновременно занималась строительством величественных архитектурных ансамблей, в т.ч.

HERAT – CENTER OF CULTURE OF TEMURIDS

Shar'iy ZHUZZHONIY

The capital of Khorasan, the city of Herat, was the main center of the Temurids' state, the intellectual atmosphere, which was established by Amir Temur, helped to reach unprecedented flourishing also during the reign of the subsequent Temurids.

Dr. Zabihullo Safo, the author of the book “History of Literature of Iran”, wrote: “The talented commander laid the foundation of a strong state and drew the attention of his dynasty to the development of art and literature. In his empire, he stood at the origins of this business”.

The reflection of this unique culture spread in many countries and for long times.

During the XV century, Herat was the personification of the Temurids' culture, it concentrated cultural and creative forces of the era, where favorable conditions were created for life and activities of many talents; the city was not accidentally called “Osiyo Floransi” (“Florence of Asia”). A wide rise was noted also in architectural activity.

The son of Amir Temur Shokhrukh Mirzo revived the historical fortress Ikhtiyoriddi, built of burnt brick and stone, which was in ruins from continuous wars. He transformed it into an impregnable defensive structure, on the territory of which there were a harem and administrative buildings, distinguished by the richness of the decor characteristic of the art of the Temurids.

Another monument of the Shokhrukh's epoch is the majestic mausoleum of a Sufi poet of the XII century Khoja Abdullo Ansori in the Guzargoh complex, which attracts attention with the elegance of writing. Over the grave of Prince Garib Mirzo, a tomb made of black stone “Haft Qalam” decorated with an elegant ornament was laid. This monument is so perfect in its artistic execution that it can rightly be counted among the masterpieces of art of the great masters of the East.

The wife of Shokhrukh – Gavharshod begim, went down in history as an outstanding among the famous princesses of the East and was engaged in the construction of

● маликалари орасида етакчи мавкени эгаллаб, меъморчилик санъатини намоён этувчи бинолар қурилиши бошида ҳам турган. Хирот Мусаллосидаги меъморий мажмуа масжид, мадраса ва темурийлар авлоди мақбарасидан иборат бўлиб, Гавҳаршод бегим саъй-ҳаракати билан 20 йил мобайнида (1418–38) қурилган. Кейинчалик мақбарага Гавҳаршодбегимнинг ўзи, бадий санъатни ривожлантириш соҳасида бу сулоланинг порлоқ сиймоси бўлган ўғли Бойсунгур Мирзо дафн этилган. Алишер Навоий таъкидлаганидек “Бойсунгур Мирзо хуштабъ, сахий ва хунарпарвар подшоҳ эрди, хаттот ва наққош, созанда ва гўяндадин мунча беназир кишиким анинг тарбиятидин ароға кирди, маълум эмаским ҳеч подшоҳ замонида пайдо бўлмиш бўлғай”.

Бойсунгур Мирзо маданий марказ ташкил этиб, кейинчалик афғонистонлик тарихчи Абдулхай Ҳабибий уни “Хирот санъат академияси” деб атайдди.

Шунингдек, Эроннинг Машҳад шаҳрида Имом Ризо қабри ёнида Гавҳаршодбегим амри билан баланд гумбазли “Гавҳаршодбегим масжиди” қурилган.

Ҳусайн Бойқаро ва Алишер Навоий даврида санъат ва ижтимоий фанлар юксак поғонага кўтарилиб, Хирот, Шарқ ренессанси марказига айланди. Хирот миниатюра мактаби асосчиларидан бўлган Камолиддин Бехзоднинг санъат, хусусан, миниатюра санъати ривожига тутган ўрни беқиёсдир. Наққошлик ва хаттотлик билан бирга меъморлик, кошинкорлик, сангтарошлик ва мусиқа санъати гуркираб ривожланди. Ҳусайн Бойқаро амри билан, “Мусалло” мажмуасида мадраса ва хонақоҳ қурилди.

Алишер Навоий нафақат адабий мерос хазинасига салмоқли ҳисса қўшди, балки Афғонистон ва Эронда мадраса, шифохона, хонақоҳ, дорулҳифоз, етимхона ва шу каби 170 га яқин хайрли ишларни ўз даромадидан қуриб битказди. Қадимий Жузжон маркази Сарипулдаги дарё устига қурилган икки қаватли катта кўприк 500 йилдан буён жўшқин сел-

● по её инициативе и постоянном патронаже в Герате возводился комплекс Мусалла, включающий в себя мечеть, медресе и усыпальницу темуридов на протяжении 20 лет (1418–38). В последующем в мавзолее погребены Гавхаршод Бегим и ее сын Бойсунгур Мирзо, один из ярких представителей этой династии, занимавшийся развитием искусства. По словам Алишера Навои, “Бойсунгур Мирзо был жизнерадостным, щедрым правителем, приветствовал ремесла, подготавливал каллиграфов, резчиков, музыкантов, ни в какие времена не было такого правителя”.

Он создал культурный центр, который афганский историк Абдулхай Ҳабиби называл “Академией искусства Герата”.

По велению Гавхаршод бегим в иранском городе Мешхед рядом с могилой Имама Ризо была построена мечеть, названная её именем, увенчанная огромным куполом.

В эпоху Хусайна Байқара и Алишера Навои Герат стал своеобразным центром Восточного ренессанса, где высочайшего расцвета достигли искусство и наука. Выдающаяся роль в развитии искусства, особенно восточной миниатюры, отводится Камолиддину Бехзоду, заложившему основу Гератской школы миниатюры. Наряду с живописью, каллиграфией процветали зодчество, искусство мозаики, резьба по камню, музыка. По велению Хусайна Байқара в комплексе “Мусалло” были возведены здания ханака и медресе.

Алишер Навои внёс не только бесценный вклад в литературное наследие, но и способствовал возве-

● many beautiful works of architecture. On her initiative and constant patronage a magnificent architectural complex Musalla was erected in Herat for 20 years (1418–38), including a mosque, a madrasah and a tomb of the Temurids. Subsequently, Gavkharshod begim and her son Boysungur Mirzo were buried in the mausoleum. Boysungur Mirzo was one of the brightest representatives of this dynasty, engaged in the development of art. As Alisher Navoi noted, “Boysungur Mirzo was a cheerful, generous ruler, who welcomed crafts, trained calligraphers, carvers, musicians, there was no such ruler at any time”.

Boysungur Mirzo created a cultural center, which the Afghan historian Abdullhay Habibi called the “Academy of Art of Herat”.

At the behest of Gavkharshod-begim in the Iranian city of Mashhad, near the tomb of Imam Rizo, a mosque topped with a huge dome was erected and “named after her”.

In the epoch of Husayn Bayqara and Alisher Navoi, Herat became a peculiar center of the Eastern Renaissance, where art and social sciences reached the highest peak. A prominent role in the development of art, especially of eastern miniatures, is assigned to Kamoliddin Behzod, who laid the foundation of the Herat miniature school. Along with painting and calligraphy the architecture, mosaic art, stone carving and music flourished. At the behest of Husayn Bayqara, buildings of a khanaka and a madrasah were erected in the Musallo complex. Unfortunately, by order of Amir Abdurakhmon, the British General

● лар ва ер тебранишларига бардош бериб келмоқда.

Мозори Шарифдаги “Хазрат Али қабри” устида қурилган ҳашаматли обида (Равзай Шариф) ўз нафис кошнлари, нақшлари ва ислимий хатлари билан Ҳусайн Бойқаро ва Алишер Навоий порлоқ даврининг шоҳиди ҳисобланади. Ушбу обида қурилиши билан Мозори Шариф шаҳрига асос солинди.

Темурийлар даврида Хиротда машҳур санъаткорлар томонидан яратилган беҳисоб бадий асарлар, миниатюралар билан безатилган қўлёзма асарлар, нафис хатлар билан ёзилган адабий ва илмий асарлар карвонлар ва сайёҳлар орқали дунёнинг турли минтақаларига олиб борилган. Бугун Ўзбекистон, Эрон, Туркия, Миср ва бошқа ислом мамлакатларида, шунингдек, Буюк Британия, Европа ва Американинг йирик кутубхоналари ва музейларида ушбу нафис асарлардан юзлаб нодир намуналар сақланмоқда.

Абдулхай Ҳабибий ўзининг “Темурийлар даври санъати” номли катта ҳажмли китобида темурийлар даврида яратилган ва турли музей ва кутубхоналарда сақланаётган бадий асарлар альбомлари ҳақида қизиқарли маълумотлар беради. Жумладан, мазкур рисолада Бойсунғур ва унинг оғаси Иброҳим Мирзонинг имзолари билан бирга турли 650 тасвирларни ўз ичига олган, Хиротда Бойсунғур Мирзо учун тайёрланган “Рикаоти Бойсунқурий” номли альбом ҳақида нодир маълумот келтирилган.

Ундаги лавҳаларда Меърож манзаралари, уруш саҳналари, зироат экиш, ов қилиш, балиқ овлash кўринишлари ва Билқис афсонаси акс этган. Тасвирлар Хирот санъат академияси аъзолари томонидан чизилган.

Абдулхай Ҳабибий ушбу альбомдан қуйидаги суратларни қайд этади:

- Темур саройи наққоши сурати;
- Отлиқ шаҳзода ва Темур Хуросон фатҳида;
- Мирзо Улугбекка мансуб бир наққошлик лавҳаси;
- Темур даврининг безатилган хаймаси (чодир).

● дению уникальных сооружений, в т.ч в Афганистане и Иране медресе, лечебницы, хонако, дорулхифоз, приютов, в целом реализовал около 170 благотворительных работ. Возведенный над рекой в Сарипуле – центре древнего Жужжона, огромный двухъярусный мост уже более 500 лет выдерживает натиски селей и землетрясений.

В Мазари Шарифе величественный памятник (равзай шариф) над могилой Хазрата Али своими удивительными изразцами и надписями “ислими” является свидетелем яркой эпохи Хусайна Байкара и Алишера Навои, строительством которого была заложена основа города Мазари Шариф.

Созданные в Герате в эпоху тимуридов выдающимися мастерами многочисленные художественные произведения, оформленные миниатюрами рукописи, исполненные каллиграфическим почерком литературные и научные труды распространялись караванами и путешественниками по многим странам мира. В настоящее время сотни редких образцов этих произведений хранятся в Узбекистане, Иране, Турции, Египте, многих странах исламского мира, а также в крупных библиотеках и музеях Великобритании, Европы и Америки.

В своем объемном труде “Искусство эпохи тимуридов” Абдулхай Ҳабиби приводит интересные сведения об альбомах художественных произведений, созданных в эпоху тимуридов и хранящихся в различных музеях и библиотеках. В частности, там приводятся уникальные сведения об альбоме “Рикаоти Бойсунқурий”, специально исполненном в Герате для Бойсунғур Мирзо, включающий автографы Бойсунғура и его брата Иброҳима Мирзо, 650 различных рисунков.

В числе последних красочные этюды Меърожа (вознесение пророка), батальные сюжеты, сцены охоты, рыболовства, посева зерна и легенда о Билқис. Рисунки выполнены художниками Гератской академии искусств.

Абдулхай Ҳабиби выделяет некоторые из них:

- Портрет дворцового живописца Темура;
- Царевич и Темур верхом на коне при осаде Хорасана;
- Рисунок, приписываемый Мирзо Улугбеку;
- Украшенный шатер эпохи Темура.

● Limis exploded this structure with the help of dynamite, together with it the Gavharshod madrasah and many minarets were also destroyed.

Alisher Navoi made not only an invaluable contribution to the literary heritage, but also contributed to construction of unique structures in Afghanistan and Iran, including madrasahs, hospitals, khonako, dorchifoz and shelters; in general, he implemented about 170 charitable works. A huge two-tier bridge erected by him over the river in Saripul - the center of ancient Zhuzhon, has withstood the pressure of mudflows and earthquakes for more than 500 years.

In Mazar-i-Sharif, a majestic monument (Ravzai Sharif) erected over the grave of Hazrat Ali, with its amazing tiles and “islami” inscriptions is considered to be a witness of the bright era of Husain Baykara and Alisher Navoi. The construction of this facility laid the foundation for the city of Mazar-i-Sharif.

Numerous works of art, miniatures of the manuscript, literary and scientific works executed in calligraphic style created in Herat of the epoch of the Temurids by outstanding masters were distributed by caravans and travelers to many countries of the world. Currently, hundreds of rare samples of these works are stored in Uzbekistan, Iran, Turkey, Egypt, and many countries of the Islamic world, as well as in major libraries and museums of the UK, Europe and America.

In his volume work “Art of the Temurids’ Epoch” Abdulhai Habibi provides interesting information about the albums of works of art created in the Temurids’ epoch and stored in various museums and libraries. In particular, this treatise contains unique information about Boysungur Mirzo in the album “Rikayoti Boysunkuriy” including autographs of Boysungur and his brother Ibrohim Mirzo, 650 various drawings made in Herat.

Among the latter there are colorful etudes of Merozh, the ascension of the prophet, scenes of battle, hunting, fishing and sowing, as well as topics from Bilqis legend. The drawings were made by artists of the Herat Academy of Arts.

Abdulhai Habibi highlights some of them:

- Portrait of Temur’s palace painter;
- Prince and Temur on horseback during the siege of Herat;
- Drawing attributed to Mirzo Ulugbek;
- Decorated tent of the Temur’s era.

МУЗЫКОВЕДЕНИЕ В ТРУДАХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АВТОРОВ

Юсуф САЙДАЛИЕВ

В формировании восточного музыкознания особое место занимают труды великого мыслителя Абдурахмана Джами (1414–1492). В частности, его сочинение “Трактат о музыке”, написанное по совету Алишера Навои, в котором в простой и доступной форме разъясняется связь музыки с духовностью, математикой, психологией и поэтической формой – аруз.

Большую часть труда составляет описание правил музыковедения. Например, во вступлении дается трактовка понятия “музыка”:

*Дар бога в нас – душа и дух и тело:
Душе быть в теле в мире сем велел он.
И ты, певец, беспечно песнь слагая,
Бездушно лишь тело услаждаешь.
В могиле ж тлеть телам бездушным надо,
Не отравляя мир живущих смрадом...
(Под редакцией В. М. Беляева)*

Наджмиддин Кавкаби (1473–1532) в первой главе своего трактата о музыке “Дар шарафи илми мусикий” (О восхвалении музыкального искусства) так трактует науку о музыке:

*Когда телу человека придавался дух,
Она (музыка) сопутствовала ему,
Говорят, душа и мелодия спутники.
Но не говори, что она – спутница души,
Возможна она – сама душа.
(Перевод Б. Ашурова)*

Дарвиш Али Чанги в труде “Рисолаи мусикий”, подробно сформулировал теоретические и практические аспекты науки о музыке.

Продолжая традиции Абдурахмана Джами, заложенные в его сочинении “Трактат об музыке”, Дарвиш Али Чанги в новой трактовке посвящает музыке следующее четверостишие;

*Заслышав мелодии чанга-уда,
Всё существо приходит в восторг,
Ничего нет сладостнее в мире,
Мелодий этих чарующих слух.
(Перевод Б. Ашурова)*

Этим четверостишием предваряется основной текст “Трактата о музыке”:

“Хвала Всевышнему, его стараниями появилась музыка, и черный космос стал прекрасной вселенной. Он воистину созидатель. Мелодисты, потомки его, с изяществом воспевают благословенные (хвалебные) слова”.

У Дарвиша Али научно-теоретическое мышление уступает место религиозной, мифологической идеологии. Рассматривая какой-либо вопрос, он вкратце разъясняет методологию, но отдает предпочтение мифической событийности, однако, несмотря на это, Дарвиш Али все же сохраняет научно-теоретическую основу в своих трудах.

Музыкальное наследие Абдурахмана Джами, в частности “Рисолаи мусики”, наполнено новыми идеями последователями Наджмиддином Кавкаби и Дарвишем Али Чанги. Впоследствии сочетание этих идей с практикой привели к появлению крупного собрания циклов “Шашмакам”. Музыкальные произведения, созданные после Дарвиша Али, характеризуются как более сосредоточенные на практике, чем на теории.

МУСИҚАШУНОСЛИК ЎРТА АСРЛАР МУАЛЛИФЛАРИ НАЗДИДА

Юсуф САЙДАЛИЕВ

Буюк мутафаккир Абдурахмон Жомий (1414–1492) ва унинг издошларининг асарлари Ислом Шарқи мусиқашунослигида ўзига хос фахрли ўрин тутди. Масалан, унинг мусиқий меъроси Алишер Навоий маслаҳати билан ёзган “Рисолаи мусиқий” (“Мусиқа рисолаи”) асарида мусиқанинг илоҳиёт, риёзиёт, руҳиёт ва аруз билан боғлиқ чигал масалалари содда равишда тушунтирилади.

Рисоланинг аксарият қисми мусиқашуносликка оид қонун-қоидалар таърифидан иборат. Масалан, “мусиқа” тушунчаси “Рисолаи мусиқий” муқаддимасида қуйидагича таърифланади:

*Нафас тан дону жон доди худованд,
Ки жонҳоро ба танҳо дода пайванд,
Ба гафлат гуфтани тан-тан дар алҳон
Зи қавволон бувад танҳои бежон.
Тани бежон ниҳон дар хок беҳтар,
Бисоти зиндағони з-он пок беҳтар.*

Таржимаси:

*Нафас, тан, илму жон бердинг, худованд,
Қилиб жонларни танлар бирла пайванд.
Агар қаввол деса бепарво: “тан”, “тан”,
Дар алҳон ушбу танлар айри жондан.
Тани бежонга жой хок бўлса яхши,
Тириклар улардан пок бўлса яхши.*

Нажмиддин Кавкабий (1473–1532) “Рисолаи мусиқий” сининг биринчи “Дар шарафи илми мусиқий” бобида эса мусиқа илмининг шарафли эканлигини қуйидаги таъриф билан бошлайди:

*Он нагмаки руҳи қолиби инсон бувад,
Ҳамроҳ ба ў савти хуши пинҳон бувад.
Гўяндки савт бувад ба жон ҳамроҳ,
Ҳамроҳ ба жон нағу ки у худ жон бувад.*

Таржимаси:

Инсон танасига руҳ пуфлаганда у билан бирга ҳамроҳ бўлиб, яхши сас пинҳон бўлган эди. Сас жон билан ҳамроҳ эди, дейдилар. Жон билан ҳамроҳ эди, деб айтма, балки унинг ўзи жон бўлган эди.

Дарвиш Али Чангий ҳам “Рисолаи мусиқий” битади ва унда мусиқа илмининг назарий ва кўпроқ амалий томонларини ёритиб беради.

Юқорида қайд этилганидек, Абдурахмон Жомийнинг “Рисолаи мусиқий”сида кел-

● тирилган анъанани давом эттирган ҳолда Дарвиш Али Чангий ҳам ўз “Рисолаи мусиқий” сида мусиқани янгича талқинда қуйидаги тўртликда ифода этади:

“Чист медони садои чанг-у уд,
Анта ҳасбий, анта Кофий, ё Вадуд!
Нест дар афсурдагон завқ-и самоъ,
Вар на оламро гирифтаст ин суруд.

Таржимаси:

Агар билсанг чангу уд садосин,
Анта хасби, анта Кофи, ё Вадуд,
Само завқидан афсунгарроқ нарса йўқдур,
Лек оламни маҳв этган ушбу куй.

Ушбу тўртликдан сўнг “Беқиёс мақтов ва ҳамдлар Парвардигоргаки, Унинг ҳамду санои вужуд доирасида нағмалар тараннуми, қоп-қоронғу коинот эса фазовий кошона бўлди. Шўъбадонлар тилида эса Унинг яратувчанлик мақомоти мавжуд. Унинг асл зотининг нағмасаролари латофатли пешравлари ила саодатманд (муборак) қавлларни айтди” деб “Рисолаи мусиқий” бошланади. Замон зайли билан Дарвиш Алида илмий-назарий тафаккур иккинчи ўринга тушиб, биринчи ўринга диний ва афсонавий мафкура чиқади. У маълум бир масалага ёндашаркан, озгина назариясини тушунтириб, кейин кўпроқ афсонавий воқеликка тўхталиб ўтади. Шундай бўлишига қарамай Дарвиш Али асарларида илмий-назарий мафкурани сақлаб қолади.

Абдурахмон Жомийнинг мусиқий мероси, жумладан, “Рисолаи мусиқий” си унинг издошларидан саналмиш Нажмиддин Кавкабий ва Дарвиш Али Чангийларнинг янгича назарий голялари билан тўлдирилган. Кейинчалик уларнинг амалиётда қўлланиб кетиши натижасида Шашмақомдек йирик туркумий куллиёт нави пайдо бўлди. Дарвиш Алидан сўнг яратилган мусиқий баёзларда назариядан кўра амалиётга кўпроқ эътибор қаратилганлиги таъриф этилади.

MUSICOLOGY IN THE WORKS OF MEDIEVAL AUTHORS

Yusuf SAYDALIEV

In the formation of Eastern musicology, a special place is occupied by the works by the great thinker Abdurahman Jami (1414-1492) and his famous followers. In particular, his essay “Treatise on Music”, written on the advice of Alisher Navoi, stands out, in which the connection between music and divinity, mathematics, psychology and poetic form – aruz is explained in a simple and accessible way.

The main part of the work is a description of the rules of musicology. For example, in the introduction, the following interpretation of the concept “music” is given:

*The gift of God in us – soul and spirit and body:
He commanded the soul to be in a body in this world.
And you, the singer, blithely making a song,
Heartlessly delight only the body.
The soulless bodies should molder in the grave,
Without poisoning the world of the living with their stench ...*

Najmiddin Kavkabi (1473-1532) in the first chapter of his “Treatise on Music” entitled “Dar Sharafi Ilmi Musikiy” (About praising the art of music) glorifies the science of music:

*When a spirit was given to the body,
It (music) accompanied them
One says, soul and melody are companions.
But do not say that it is a mate of the soul
Perhaps it is the soul itself.*

Dervish Ali Changi (XVI – 20ies of the XVII centuries) in the work “Risolai Musikiy”, widely covered the theoretical and practical aspects of the science of music.

Continuing the tradition of Abdurrahman Jami laid down in his essay “Treatise on music” Darvish Ali Changi dedicated the following quatrain to music in a new interpretation:

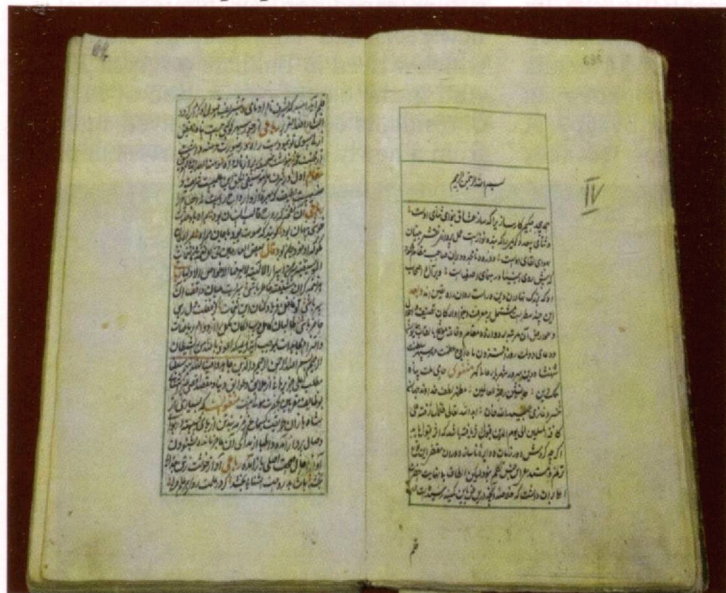
*Having heard a melody of chang-ud,
The entire being is delighted
There is nothing sweeter in the world,
Than these melodies bewitching ear.*

After this quatrain, the main text of the “Treatise on Music” begins:

“Praise to the Almighty, music appeared with his efforts, and black space became the fine Universe. He is truly the Creator. Melodists, his descendants, sing the blessed (laudatory) words with grace”.

Scientific and theoretical thinking of Dervish Ali fades into the background, giving way to religious, mythological ideology. Considering a question, he briefly explains the methodology, but prefers mythical eventfulness, however, despite this, Darvish Ali still retains the scientific and theoretical basis in his works.

In conclusion, we can say that the musical heritage of Abdurahman Jami, in particular “Risalai Musiki”, was supplemented with new ideas of his followers Najmiddin Kavkabi and Darvish Ali Changi. Subsequently, the combination of these ideas with practice led to the preparation of the ground for the emergence of a large collection of “Shashmaqom” cycles. Musical works created after Darvish Ali are characterized as more focused on practice than on theory.

МАРКАЗИЙ ОСИЁ КИНО САНЪАТИ САРЧАШМАЛАРИДА

Нигора КАРИМОВА

Ўтган асрнинг 20-йиллари ўртасига келиб, Марказий Осиё республикаларида замонавий санъат турлари, жумладан, кино санъатида кизиқиш сезиларли даражада ортди. Вазиятни инобатга олган ҳолда Бухоро Халқ Совет Республикаси (БХСР) 1924 йил 13 февралда ўзининг мустақил кино санъатини яратиш бўйича қарор қабул қилиб, Россия кино ташкилотларига ҳамкорлик қилиш борасида таклифлар билан мурожаат қилган. 1924 йил феврал ойида БХСРнинг Россиядаги элчиси Абдурахим Юсуфзода “Севзапкино” студиясининг қатор фильмарини Бухоро Республикасида намойиш этишда ташаббускор бўлди. 1924 йил 12 апрелда БХСР ҳукумати Марказий Осиёда биринчи кинокорхона – “Бухкино” рус-бухоро кино ҳамкорлик бирлашмасини таъсис этиш ҳақида “Севзапкино” кино студияси билан шартнома тузган. Бухоро мухтор вакили Бухорога ишлаб чиқариш экспедициясини юбориш хусусида “Севзапкино”га таклиф билан мурожаат қилган. Кейинчалик, Бухоро халқи тарихига оид қатор Шарқ афсоналари асосида постановкалар ишлаб буйича Бухорода доимий ишлаб чиқариш базасини ташкил этиш кўзда тутилган. Шу мақсадда “Севзапкино” Бухорога экспедиция жўнатиши белгилаб олинган.

1924 йил 27 апрелда “Севзапкино” ташкилоти Бухоро Республикасида намойиш этиш учун 10 та бадий ва 12 та хроникал фильм ажратди. Фильмлар билан бир қаторда студия ижтимоий кинохроника ва этнографик сюжетлар суратга олиш учун юборган кино экспедицияси 29 апрелдаёқ Бухорога етиб келди. Май байрами кунларида эса шаҳарнинг барча кинотеатрлари ва майдонларида “Севзапкино” сту-

У ИСТОКОВ КИНОИСКУССТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Нигора КАРИМОВА

К середине 20-х годов прошлого столетия в республиках Центральной Азии заметно возрос интерес к современным видам искусства, в том числе и кино. Учитывая ситуацию, Правительство Бухарской Народной Советской Республики (БНСР) 13 февраля 1924 г. приняло постановление о создании собственного кинопроизводства и обратилось с предложением партнерства к российским киноорганизациям. В феврале 1924 г. посол БНСР в России Абдурахим Юсуф-заде стал инициатором демонстрации фильмов студии “Севзапкино” в Бухарской республике. 12 апреля 1924 г. Правительство БНСР заключило договор с киностудией “Севзапкино” об учреждении первого в Центральной Азии кинопредприятия – русско-бухарского кинотоварищества “Бухкино”. Полпред Бухары предложил “Севзапкино” послать в Бухару производственную экспедицию. В дальнейшем предполагается организация в Бухаре постоянной производственной базы для постановки целого ряда восточных легенд из истории бухарского народа. С этой целью “Севзапкино” отправляет в Бухару экспедицию.

27 апреля 1924 года киноорганизация “Севзапкино” выделила 10 художественных и 12 хроникальных фильмов для демонстрации на территории Бухарской республики. Вместе с картинами студия направила для съемок социальной кинохроники и этнографических сюжетов киноэкспедицию, которая уже 29 апреля прибыла в Бухару. А в дни майских праздников во всех

AT THE ORIGINS OF FILM ART OF CENTRAL ASIA

Nigora KARIMOVA

By the middle of the 1920-ies among the population of the young Soviet republics of Central Asia, there was a noticeable increase in interest in contemporary forms of art, including cinema. Taking into account this situation, on February 13, 1924, the Government of the Bukhara People's Soviet Republic (BPSR) adopted a resolution on creation of its own film production and addressed partnership proposals to Russian film companies. In February 1924, after watching a number of films of “Sevzapkino” studio, the BPSR Ambassador to Russia Abdurakhim Yusuf-Zade expressed a desire to demonstrate these films in the Bukhara Republic. On April 12, 1924, the BPSR Government signed an agreement with “Sevzapkino” studio on establishment of the first film company in Central Asia - “Bukhki-no” Russian-Bukhara film partnership. “The plenipotentiary representative of Bukhara offered “Sevzapkino” to send a production expedition to Bukhara. In the future, it is planned to organize in Bukhara a permanent production base for productions of a number of Eastern legends from the history of the Bukhara people. To this end, “Sevzapkino” has recently sent an expedition to Bukhara”.

On April 27, 1924, “Sevzapkino”-film company, allocated 10 feature films and 12 newsreel films for demonstration in the Bukhara Republic. Together with the films, the studio sent a film expedition for filming social newsreels and ethnographic stories, which arrived in Bukhara on April 29. And in the day of celebration of May 1, residents of Bukhara received a gift from a newly established partnership:

● диясида ишлаб чиқарилган хроникал фильмлар бепул намойиш этилган. Киноэкспедиция аъзолари, асосан, шарқона турмуш тарзини акс эттирувчи бир қанча сюжетларни тасвирга олишган. Ишнинг бу йўсинда бошланиши ширкат фаолиятининг муваффақиятидан дарак берар эди. Бироқ экспедиция қайтиб кетгандан сўнг унинг фаолияти бирмунча муддатга тўхтаб қолган. Август охирида Бухоро ҳукуматининг Бутун Бухоро халқ вакиллари-нинг 5-Курултойини суратга олишни сўраб қилган илтимосига кўра ширкат ўз фаолиятини тиклаган. Шу мақсадда 1924 йил 6 сентябрда “Севзапкино” студияси вакили С.К.Братолюбов Бухорога йўл олади. У Бухорога келиши билан Бухоро ҳукумати янги шартнома лойиҳасини маъқуллаб, Алимбек Арабовни ширкатдаги маҳаллий вакил этиб тасдиқлаган. Маориф нозирлиги томонидан маъқулланган сценарий асосида “Ўлим минораси” ва “Гулсарик” бадий фильмларини ишлаш бўйича қарор қабул қилинган.

“Бухкино” дуч келган асосий қийинчилик маблағнинг йўқлигида эди. Фильмлар намойишидан тушган даромад жуда оз бўлган. Бироқ ҳамаси ярим йил самарали ҳамкорлик натижасида кинотармоқни мустаҳкамлаш бўйича тегишли чоралар кўрилди, “Ўрта Осиё бўйлаб” ва “Бухоро маданият тикланиш йўлида” номли хроникал фильмлар ишланди. Бир қанча хроникал сюжетлар яратилди, чунончи “Москвада Бухоро маърифат уйи”, “Бешинчи Бутунбухоро Курултойи”, “Бухорода Октябрнинг етти йиллиги”, “Шарқий Бухорода темир йўл очилиши”, “М.И.Калинин Ўрта Осиёда”, “Биринчи Ўзбекистон Партия ва Совет Курултойи” ва “Биринчи Туркменистон Партия ва Совет Курултойи” кабилар бунга мисол бўла олади.

Маҳаллий адабиёт асосида иккунча фильмларни суратга олишга тайёргарликни бошлаш, Россия ва Ўзбекистон кино ташкилотларининг ҳамкорликдаги фаолиятининг муҳим натижаси ҳисобланади.

● кинотеатрда ва на площадях города бесплатно демонстрировались хроникальные фильмы производства “Севзапкино”. Члены киноэкспедиции сняли несколько сюжетов, в основном сцены восточного быта. Такое начало предвещало успех деятельности товарищества, однако после отъезда экспедиции работа на некоторое время замерла. В конце августа товарищество возобновило свою деятельность, сняв по просьбе Бухарского правительства работу 5-го Всебухарского курултая. С этой целью 6 сентября 1924 г. в Бухару направляется представитель “Севзапкино” С. К. Братолюбов. Местным представителем в товариществе назначен Алимбек Арабов. Тогда же было принято решение о постановке художественных фильмов “Минарет смерти” и “Гюльсарык” по сценариям, одобренным назиратом просвещения.

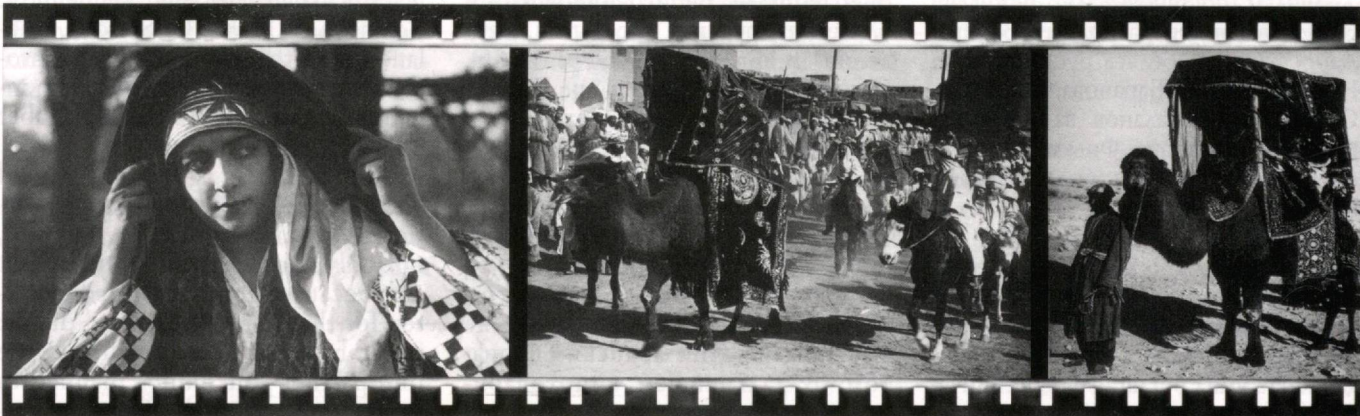
Главной трудностью, с которой столкнулось “Бухкино”, было отсутствие средств. Доход от проката был ничтожно малым. Но примерно за полгода эффективного сотрудничества были приняты меры по укреплению киносети, было выпущено два хроникальных фильма “По Средней Азии” и “Бухара на пути культурного возрождения”. Были сняты несколько сюжетов хроники – “Бухарский домпросвет в Москве”, “Пятый Всебухарский курултай”, “Седьмая годовщина Октября в Бухаре”, “Открытие железной дороги в Восточной Бухаре”, “М. И. Калинин в Средней Азии”, “Первый Узбекский Партийный и Советский курултай” и “Первый Туркменский Партийный и Советский курултай”.

Важным итогом совместной работы российских и узбекских организаций была подготовка к съемкам на местной литературной основе первых игровых фильмов. Представители “Севзапкино” привезли в Бухару два сценария из истории Бухары XVI в. (“Минарет смерти”)

● in all cinemas and squares of the city newsreel films produced by “Sevzapkino” were shown free of charge. Members of the film expedition shot several scenes, using most of the footage to display scenes of oriental life. Such a beginning foreshadowed the success of the partnership. However, after departure of the expedition, the activity stopped for a while. In late August, the partnership resumed its activities. The immediate reason was the request of the Bukhara government to shoot the work of the 5th All-Bukhara Kurultay. To this end, on September 6, 1924, a representative of “Sevzapkino”, S.K. Bratolyubov, was sent to Bukhara. After arrival of therepresentative of “Sevzapkino” in Bukhara the Bukhara government approved a draft of a new Treaty, instructed nazirsof education and tradeto sign it and approved AlimbekArabov as its representative in the partnership. At the same time, the production of “Minaret of Death” and “Gulsaryk” feature films under the scenarios considered and sanctioned by Nazirat of Enlightenment was approved.

The main difficulty that “Bukhki-no” faced was the lack of funds. The income from film distribution was negligible. But in about half a year of effective cooperation, measures to strengthen the cinema network were taken; two newsreel films “In Central Asia” and “Bukhara on the Way to Cultural Revival” were produced. Several plots of the chronicle were filmed - “Bukhara house of enlightenment in Moscow”, “The Fifth All-Bukhara Kurultay”, “The Seventh Anniversary of October in Bukhara”, “Opening of the railway in Eastern Bukhara”, “M.I. Kalinin in Central Asia”, “The First Uzbek Party and Soviet Kurultay” and “The First Turkmen Party and Soviet Kurultay”.

An important result of the joint work of Russian and Uzbek organizations was the preparation for shooting of the first feature films on the local

● “Севзапкино” вакиллари Бухорога ушбу шаҳарнинг XVI а. (“Ўлим минораси”) ва XVIII а. (“Гулсарик”) тарихига оид 2 та сценарийни олиб келишган. Ҳар иккала сценарий маҳаллий ҳокимият томонидан маъқулланиб, улар устида ишлашга руҳсат беришган.

1924 йилда Россия-Ўзбекистон ҳамкорлигидаги биринчи “Ўлим минораси” фильмини яратиб бўйича иш бошлаб юборилди. Фильм сюжети асосида қароқчиларга асир тушиб, қочишга уринган гўзал опа-сингил Жамол ва Солиҳа тақдири ётади. Ҳолдан тойган қизларни Содиқ қутқариб, эсон-омон ота уйларига етиб олишларига ёрдам беради. Аммо кўп ўтмай қизлар Хивага бостириб келган Бухоро амирининг ўлжасига айланадилар. Галаба шарафига амир “Кўк бўри” мусобақасини ўтказди ва гўзал Жамолни Содиққа инъом қилади. Амирнинг ўгли Шохрухбек қизни куч билан ўз ҳарамига олиб кетади ва отаси сўзига кирмаганлиги учун жазоланишидан кўрқиб, отасини ўлдирди, қотилликда эса Жамолни айблайди. Қизни эса Ўлим минорасига ташлайдилар. Халқ Содиқ бошчилигида саройга бостириб киради. Жамолни Ўлим минорасидан ташлаб юборишга уринган падаркушни Содиқ ўлдирди. Фильм Жамол ва севгилисининг бахтли учрашуви билан якунланади.

Ўз улушидан ҳисобда маблағи бўлмаган Бухоро ҳукумати суратга олиш учун зарурий буюмларни тақдим этади, булар: эркак ва аёллар миллий либослари, парча кўрпа-ёстиқлар, пар-жабдуқлар, турли-туман эски қурооллар ва ҳ.к. Файзулла Хўжаев ширкатга Бухоро мудофаа деворлари ташқарисида жойлашган дала ҳовлисини тортиқ қилган. Шу ерда, қалъа деворлари ортида “Ўлим минораси” фильмининг павильондан ташқари ва оммавий сахналарининг барчаси суратга олинган. Павильондаги сахналар эса Ленинграддаги “Севзапкино” га қарашли янги кинофабрикада ишланди, бу ерда амир саройининг ички қисми декорацияси қурилган эди.

Фильм постановкасида режиссёр В.Висковский, операторлар Ф.Вериго-Даровский ва С.Беляев, рус актёрлари: Н. Венделин, В. Баранова, О.Фрелих, О.Спилова, И.Таланов ва бошқалар иштирок этишган. Фильм биринчи марта, 1925 йил 8 декабрда Бухорода намойиш этилган.

Бухоро ҳукумати Шарқдаги илк мусулмон миллий киносига нафақат сюжети бўйича, балки кинофильм кадрларидаги ёзувлар биринчи марта араб имлосида маҳаллий лаҳжада бўлишига ҳам катта умид боғлаган эди. Кейинчалик “Бухкино” киноширкатини ўз кино

● и XVIII в. (“Гюльсарык”). Оба сценария были одобрены местной властью и приняты к постановке.

В 1924г. началась работа по созданию первого совместного российско-узбекского фильма “Минарет смерти”. В основе сюжета судьба двух девушек – красавицы Джемаль и ее сестры Селихи, похищенных разбойниками и совершивших побег. Обессиленных девушек спасает Садык и помогает им добраться до отчего дома. Но девушки становятся трофеями бухарского эмира, совершившего набег на Хиву. В честь победы эмир устраивает “кокбуры” и дарит красавицу Джемаль победителю Садыку. Сын эмира Шахрухбек насильно увозит девушку в свой гарем, но, боясь наказания за послушание, убивает отца, а в убийстве обвиняет Джемаль. Девушку заточают в Минарет смерти. Народ во главе с Садыком врывается во дворец. Отцеубийца, пытавшийся сбросить Джемаль с Минарета смерти, погибает от руки Садыка. Фильм заканчивается счастливой встречей Джемаль и ее возлюбленного.

Бухарское правительство, не имея средств, в счет своего пая выделило необходимый для съемок реквизит: женскую и мужскую национальную одежду, парчовые одежды и подушки, седла, разнообразное старинное оружие. Файзулла Ходжаев передал товариществу принадлежащий ему загородный дом, расположенный за крепостными стенами Бухары. Здесь же у стен крепости была осуществлена съемка всех натуральных и массовых сцен фильма “Минарет смерти”. Павильонные съемки производились уже в Ленинграде на новой кинофабрике “Севзапкино”, где были построены декорации интерьера дворца эмира.

В постановке фильма принимали участие режиссер В.Висковский, операторы Ф. Вериго-Даровский и С. Беляев, русские актеры: Н. Венделин, В. Баранова, О.Фрелих, О. Спилова, И.Таланов и др. Первая демонстрация фильма состоялась в Бухаре 8 декабря 1925 г.

Бухарское правительство возлагало большие надежды на первое национальное мусульманское кино на Востоке не только по сюжету, но и потому, что титры впервые должны были идти на местном наречии арабским шрифтом. В дальнейшем кинотоварищество “Бухкино” планировало

● literary basis. Representatives of “Sevzapkino” brought to Bukhara 2 scenarios from the history of Bukhara (“Minaret of death”) of the XVI century and (“Gulsaryk”) of the XVIII century. Both scenarios were approved by the local authorities and adopted for staging.

The work on creation of the first joint Russian-Uzbek film “Minaret of Death.” began in 1924. Events of the film were grouped around the fate of two girls - a beautiful Jemal and her sister Seliha, who became captives of escaped robbers. Sadyk rescued the exhausted girls and helped them get to their paternal home. But soon the girls become trophies of the Emir of Bukhara, who raided Khiva. In honor of the victory, the emir holds “kokbury” and gives beautiful Jemal to the winner Sadyk. The son of the emir, Shahruhbeq, forcibly takes away a girl to his harem. Being afraid of punishment for disobedience he kills his father, and accuses Jemal of murder. The girl is incarcerated in the minaret of death. The people headed by Sadyk, rush into the palace, the father-killer who was trying to throw Jemal from the minaret of death, is killed by Sadyk. The film ends with a happy meeting of Jemal and her lover.

The Government of Bukhara, having no funds for its share, allocated the requisites necessary for filming: women’s and men’s national clothing, brocade blankets and pillows, saddles, various ancient weapons, etc. Fayzulla Khadzhaev handed over to the partnership his country house, located behind the fortress walls of Bukhara. Here, at the walls of the fortress, the shooting of all natural and mass scenes of the film “Minaret of Death” was carried out. Stage shootings were made in Leningrad at a new building of “Sevzapkino”, where large scenery of the interior of the Emir’s Palace was built.

Film director V.Viskovsky, cameramen F.Verigo-Darovskiy and S.Belyaev, Russian actors: N. Vendelin, V. Baranova, O.Frelih, O. Spirova, I.Talanov and others took part in the production of the film. The first demonstration of the film was on December 8, 1925 in Bukhara.

The Bukhara government laid great hopes on the world’s first national Muslim cinema in the East, not only because of its subjects, but also because subtitles had to be written for the first time in local dialect in Arabic script. In the future, the film partner “Bukhino” planned to export its films to the Eastern coun-

МАРКАЗИЙ ОСИЁ АРХЕОЛОГИЯСИ ФИДОЙИСИ

Тамара НУРИТДИНОВА

Ўрта Осиё тадқиқотчиларидан бири бўлган таниқли археолог А.И.Тереножкин Қозоғистон, Қирғизистон, Тожикистон ва Ўзбекистондаги кўплаб археологик экспедицияларда қатнашган. Археологлар М.В.Воеводский ва А.А.Потапов билан биргаликда Хоразмдаги Ўрта аср Замахшар шаҳар харобаларини тадқиқ этди.

Қорақалпоғистоннинг Тўртқўл ва Шаббоз туманларида археологик қидирув ишлари олиб борди, бу ерда Аёзқалъа антик қалъа мажмуаси ва илк Ўрта асрга оид Бургутқалъа каби бир қанча ноёб ёдгорликларни кашф этди. Сўнги даврларга (X–XII асрлар) оид Улли ва Кичик Гудурсун қалъалари Норинжон Бобо дахмаси атрофидаги Қаватқалъа сингарии ёдгорликлар ўрганилди.

А.И.Тереножкин Россиянинг Саратов губерниясидаги Николаевск шаҳрида туғилган. 1930 йилда Москва Давлат университетининг этнология факультетининг тарих-филология бўлимини битирди. 1939 йили собиқ иттифоқ Фанлар академияси Моддий маданият тарихи институти аспирантурасини битиргач, Ўзбекистонга келган. Аспирантлик давридаёқ С.П.Толстов раҳбарлиги остидаги археологик экспедиция таркибида Амударёнинг қуйи

ЭНТУЗИАСТ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Тамара НУРИТДИНОВА

Один из исследователей Средней Азии – известный учёный А.И.Тереножкин участвовал во многих археологических экспедициях в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане. Совместно с археологами М.В.Воеводским и А.А.Потаповым исследовал руины средневекового города Замахшара в Хорезме. Проводил археологические разведки в Турткульском и Шаббозском районах Каракалпакстана, где открыл несколько уникальных памятников, таких как комплекс античной крепости Аяз-кала и замки раннесредневекового оазиса Беркут-кала. Изучал крепостные сооружения более позднего времени – Уллы и Кичик Гудурсун, развалины в окрестностях гробницы Наринджан Бобо, Кавад-кала, которые были датированы X–XII вв.

Родился А.И. Тереножкин в г. Николаевске Саратовской губернии России. В 1930 г. окончил историко-филологическое отделение этнологического факультета Московского Государственного университета, а 1939 г., после окончания аспирантуры Института истории материальной культуры Академии наук Союза, переехал в Узбекистан. Будучи аспирантом в составе археологической экспедиции под руководством С.П.Толстова участвовал в исследовании древнего Хорезма в нижнем течении Амударьи.

В августе 1940 г. А.И.Тереножкин приступил к изучению памятника Актепе в Ташкенте. Было установлено, что здесь сохранились остатки крепостного сооружения V–VIII вв., включающего замок – кешк, окруженный стеной и построенный на естественном возвышении.

Обнаружено множество предметов материальной культуры VI–XII вв., в т.ч. глазурованные и неглазурованные сосуды

ENTHUSIAST OF CENTRAL ASIAN ARCHEOLOGY

Tamara NURITDINOVA

The famous scientist, researcher of the archeology of Central Asia A.I.Terenozhkin participated in many archaeological expeditions in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan. Together with archaeologists M.V. Voevodsky and A.A. Potapov investigated the ruins of the medieval city of Zamakhshara in Khorezm. He conducted archaeological surveys in Turtkul and Shabboz districts of Karakalpak Autonomous Soviet Socialist Republic, where he discovered several unique monuments such as the complex of ancient fortress Ayaz-kala and castles of the early medieval Berkut-kala oasis. He studied such fortifications of later period as Ulla and Kichik Guldursun, the ruins in the vicinity of the tomb of Narindzhan Bobo, Kavad-kala, which were dated to the X–XII centuries.

A.I.Terenozhkin was born in Nikolaevsk (Pugachev) of Saratov province of Russia. In 1930 he graduated from the History and Philology Department of the Ethnological Faculty of the Moscow State University. In 1939, after graduating from the Institute of the History of Material Culture of the Academy of Sciences of the Soviet Union, he moved to Uzbekistan. Being a graduate student, as a part of an archaeological expedition led by S.P. Tolstov, he participated in the study of ancient Khorezm in the lower reaches of the Amu Darya River.

In August 1940, A. Terenozhkin began to study the monument Aktape in Tashkent. It was established that there were remains of a fortification of the V–VIII centuries including the castle – keshk surrounded by a wall and built on a natural eminence.

The excavations revealed a large number of items of material culture of the VI–XII centuries, including glazed and unglazed

● оқимидаги қадимги Хоразми тадқиқ этишда иштирок этади.

1940 йилнинг августида А.И.Тереножкин Тошкентдаги Оқтепа ёдгорлигини ўрганишга киришди. Бу ерда атрофи девор билан ўралган ва табиий тепалик устида қад ростлаган кўшк-қўрғондан иборат V–VIII асрларга оид қалъа қолдиқлари сақланиб қолганлиги аниқланди.

VI–XII асрларга оид моддий маданиятнинг катта миқдордаги буюмлари топилди. Булар, асосан, сирланган ва сирланмаган дастгоҳда ишланган идишлардан иборат. Қазилмалар жараёнида тепаликдаги марказий қурилма тархига оид айрим унсурлар, меъморий деталлар, қурол-аслаҳа буюмлари, сосонийлар шоҳи Феруз (459–484-й.й.) драҳмаларига монанд зарб қилинган 6 кумуш танга топилган. 1970–1980 йилларда ЎзРФА Археология институти Тошкент гуруҳи ходимлари М.И.Филанович раҳбарлиги остида бу ёдгорликни ўрганиб чиқиб, Оқтепа ўрнида Чоч ҳукмдорининг шаҳар ташқарисидаги қароргоҳи жойлашган деган хулосага келдилар. Шу тариқа А.И.Тереножкиннинг бу V асрда қурилган истехкомли кўшк-қўрғон эканлиги, бироқ у VII–VIII аср бошида гуллаб яшнаган, деб айтган тахминлари тўғри экани тасдиқланган.

А.И.Тереножкин 1946 йилнинг кузида қадимшунос олим Л.И. Альбаум билан биргаликда Амударё экспедицияси таркибида Амударё канали ишга туширилгандан сўнг суғорилиши лозим бўлган Ўзбекистоннинг гарбий қисмидаги бўш ётган ерларни текшириб ўрганишда ва Зарафшон дарёси ҳавзасида суғориш тизимини қайта ташкил этишда иштирок этади. Гуруҳ Зарафшон канали йўли бўйлаб Самарқанддан Қаршигача бўлган ерларни, Қарши воҳасини ва Бухоро вилояти шимолидаги Конимех чўлини тадқиқ қилди.

Қарши воҳасида 27 та ёдгорлик, жумладан, Қарши шаҳридаги Кофирқалъа шаҳар харобаси (мил.ав. III–II асрлар), маҳобатли иншоотлар қолдиқлари мавжуд Ерқўрғон шаҳар харобаси тадқиқ қилинган.

● станковой работы. В процессе раскопок выявлены некоторые элементы планировки центрального сооружения на бугре и особенности архитектуры, найдены предметы вооружения, 6 серебряных монет, выпущенных в подражание драхамм сасанидского царя Пероза (459–484 гг.). В 1970–1980 гг. сотрудники Ташкентского отряда института археологии АНУЗ под руководством М.И.Филанович исследовали этот памятник и пришли к выводу, что на месте Актепе располагалась загородная резиденция правителя Чача. Таким образом, подтверждалось мнение А.И.Тереножкина, что это укрепленная усадьба с замком, построенная в V веке, но пережившая наивысший расцвет в VII – начале VIII в.

Осенью 1946г. в составе Амударьинской экспедиции совместно с археологом Л.И.Альбаумом А.И.Тереножкин участвовал в рекогносцировке пустующих земель в западной части Узбекистана, которые подлежали орошению после ввода в строй канала из р. Амударьи в районе Келиста и реорганизации ирригационной системы в бассейне реки Зарафшан. Группа обследовала маршрутный участок от Самарканда до Карши по трассе Зарафшанского канала, Каршинский оазис и Кенимехскую степь на севере Бухарской области.

В Каршинском оазисе были обследованы 27 памятников, в том числе городища Кафиркала в Карши (III–II вв. до н. э.), Ер-

● vessels of easel work. During the excavation, some elements of planning of the central building on the hillock and some features of the architecture were revealed. Items of armament, spinners and 6 silver coins imitating drachmas of Sasanid king Peroz (459–484) were found in various places. In the 70–80-ies of the last century employees of the Tashkent team of the Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the Uzbek Republic, under the direction of M.I. Filanovich investigated this monument and concluded that a country residence of the ruler of Chach was located on the site of Aktepe. Thus, the conclusions of A.I. Terenozhkin were confirmed that it was a fortified manor with a castle built in the V century, which experienced the highest flowering in the VII–VIII centuries.

In the fall of 1946, as a part of the Amudarya Expedition, together with the archaeologist L. Albaum, A. Terenozhkin took part in reconnoitering works of fallow lands in the western part of Uzbekistan, which were subject to irrigation after commissioning of a canal from the river Amudarya in the Kelista region and reorganization of the irrigation system in the Zarafshan river basin. The team surveyed the route from Samarkand to Karshi along Zarafshan Canal, Karshi Oasis and Kenimekh Steppe in the north of Bukhara Region.

Totally 27 monuments, Kafirkala ancient settlement in the city of Karshi (III–II centuries BC)

● Конимех чўлидаги Женгилди давлат хўжалиги (совхоз) да мил.ав. VI–IV минг йилликка оид манзилгоҳ аниқланиб, у ердан кичик ҳажмдаги (микролит) тош қуроллар, сопол идиш парчалари ва ҳ.к. топилган.

1945 йилда А.И.Тереножкин Афросиёбда ва Хўжа Дониёр мақбарасида қазилма ишларини давом эттиради.

1959 йилда собиқ Иттифоқ ФА Тарих ва Археология институти қадимшуноси С.К. Кabanов билан биргаликда, Афросиёбнинг шимолий қисмидаги 1947 йилда А.И.Тереножкин томонидан ўрганилган қалъанинг ғарбий томонида қазилма ишлари давом эттирилади. Қазилмаларнинг илк асосий мақсади А.И.Тереножкин аниқлаган бинони очиш бўлган, бироқ иш асносида шаҳарнинг шу қисмини стратегик тадқиқ этишдек вазифа кўндаланг бўлди.

Иш жараёнида А.И.Тереножкин томонидан текислаб, кўмиб юборилган, ғарбий деворга туташган супа устида қурилган зардуштийлар меҳроби очилди. У учи думалоқланган, эни 3,5 см ва бўйи 50–52 см келадиган учта лой плиталардан териб кўтарилган. Икки плита тик қилиб ва бирин-кетин унча чуқур бўлмаган тоқчага қирғизиб терилган, учинчи гишт улардан олдин терилган бўлиб, тўғри тўртбурчак ҳосил қилган. Плиталар туташган жойда 10х6 см ҳажмда ўйик қилинган. Шу ўйик остидан куйган тупроқ кўзга ташланади: афтидан у ерда оловни сақлаш учун чўғ кўмир сақланган бўлса керак. Плиталарнинг юзаси куйдирилган ва дуд босган. Шубҳасиз, бу қурбонлик ўчоғи бўлган, хона эса уй ибодатхонаси ёки зиёратгоҳ бўлиб хизмат қилган. 1959 йилдаги қазилмалардан сўнг меҳробли хона емирилиш олдини олиш мақсадида яна кўмиб кўйилган. 1970 йилда меҳроб таъмирланган ва Самарқанд Давлат бирлашган тарихий-меъморчилик ва бадиий музей қўриқхонасига кўчирилган.

● курган с остатками монументальных сооружений.

В Кенимехской степи в совхозе Дженгильды найдена стоянка VI–IV тыс. до н. э., обнаружены микролитические каменные орудия, фрагменты керамических сосудов и др.

В 1945 г. А.И.Тереножкин продолжает раскопки на Афрасиабе и в мавзолее Ходжа Данияр.

В 1959 г. совместно с С. К. Кabanовым – археологом Института истории и археологии АН Союза были продолжены раскопки в северной части Афрасиаба, западнее цитадели, которые в 1947 г. уже проводил А.И.Тереножкин. Первоначальной задачей раскопок было вскрытие здания, обнаруженного А.И.Тереножкиным, но в ходе работ было принято решение стратегического изучения данного участка городища.

В ходе работ был расчищен закопанный А.И.Тереножкиным алтарь зороастрийцев, устроенный на суфе, примыкающей к западной стене. Он был сложен из трех глиняных плит с закругленными вершинами: толщина плит 3,5 см, высота и ширина 50–52 см. Две плиты поставлены вертикально и вмазаны одна за другой в неглубокую нишу, третья положена перед ними, образуя прямой угол. На месте смыкания плит сделан вырез – углубление размером 10х6 см., под ним обожженная земля: видимо, там хранился горячий уголь для сохранения огня. Поверхность плит обожжена и закопчена. Несомненно, это был культовый очаг, а помещение использовалось как домашняя молельня или святилище. После раскопок в 1959 г. помещение с алтарем для сохранности опять было закопано. В 1970 году алтарь был реставрирован и перенесен в Самаркандский Государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей – запovedник.

● and the settlement of Erkurgan with remains of monumental construction were inspected in Karshi oasis.

A site of the VI–IV centuries BC was found in Dzhengildy state farm in Kenimekh steppe. Micro-lithic stone tools, fragments of ceramic vessels and others were also found there.

In 1945, A. Terenozhkin continued excavations in Afrasiab and Khoja Daniyar mausoleum.

In 1959, S. Kabanov, an archaeologist of the Institute of Archeology of the Academy of Science of the USSR, continued excavations in the northern part of Afrasiab, to the west of the citadel, which had already carried out by A. Terenozhkin in 1947. The initial task of the excavation was opening of the building discovered by A. Terenozhkin, but in the course of the work a more general task - strategic study of this site of the ancient settlement arose.

In the result of the works, the altar of the Zoroastrians, located on a sufa, adjoining the western wall, buried by A. Terenozhkin, was cleaned. It was constructed using three earthen slabs with rounded peaks: the thickness of the slabs was 3.5 cm, and the height and width were 50–52 cm. Two plates were placed vertically and plastered one after another into a shallow niche; the third was laid in front of them, forming a right angle. In the junction of the slabs, a cut-groove with a size of 10х6 cm was made. Under the cutout of the slabs there is burnt earth: probably it was used to store hot coal for preservation of fire. The surface of the slabs is burned and smoked. Undoubtedly, it was a cult hearth, and the room was used as a home chapel or sanctuary. After the excavation in 1959, the room with the altar was again buried for protection against destruction. In 1970, the altar was restored and moved to the Samarkand State joint historical, architectural and art museum reserve.

Литература:

1. А.И. Тереножкин. Археологическая рекогносцировка и раскопки западной части Узбекистана. Вестник древней истории, №2.1947.
2. Б.В. Лунин. Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. Т., 1977.

ТАСВИРИЙ САНЪАТДА АМИР ТЕМУР ОБРАЗИ

Самандар ЭГАМБЕРДИЕВ

Моҳир саркарда ва сиёсатчи, савдо-сотик, ҳунармандчилик, илм-фан ва маданият ҳомийси бўлган Амир Темур ҳақида кўплаб ёзма манбалар мавжуд бўлиб, улар ҳукмдорнинг давлат бошқаруви ва шахсияти ҳақида маълумот беради. Хусусан, Соҳибқирон хизматида бўлган тарихчи Ибн Арабшоҳ ўзининг “Ажойиб ал-мақдур фи тарихи Таймур” (Темур тарихида тақдир ажойиботлари) китобида Темур жуда келишган, бўйи баланд, боши катта, кучи ва жасурлиги билан ажралиб туриши қайд этилган.

Тасвирий санъатда дастлаб Темур сиймоси Шарафиддин Али Яздийнинг “Зафарнома” асарига Ўрта асрлар шарқининг моҳир миниатюрачи рассоми Камоллиддин Бехзод ва унинг шогирдлари томонидан ишланган миниатюра асарларида намоён бўлади. Шу ва бошқа миниатюра асарларида Амир Темурнинг ғалабали юришлари, олим, уламолар билан суҳбатлари акс этган.

1941 йилда антрополог М.Герасимов Самарқанддаги Темур қабрининг очилиши жараёнида ҳукмдорнинг қиёфасини унинг бош суяги асосида қайта тиклайди. 1946 йилда эса ёш, маҳоратли рассом Чингиз Аҳмаров ҳозирда Татаристондаги Маржони фондида сақланаётган “Темур. Самарқанд. Бибиҳоним” картинасини яратади. Ушбу кўп фигурали композицияда Амир Темурнинг Бибиҳонимга атаб мақбара қуришга фармон бераётган саҳнаси маҳорат билан тасвирланган.

45 йилдан сўнг Чингиз Аҳмаров “Кексалик. Темур ва Бибиҳоним” асарини ишлашга киришади. Бу вақтга келиб, илм-фан ва жамиятда Амир Темур образига бўлган қараш ўз-

ОБРАЗ АМИРА ТЕМУРА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Самандар ЭГАМБЕРДИЕВ

Немало исторических хроник, посвященных Амиру Темуру, талантливому полководцу и политику, покровителю торговли, ремесел, науки и искусства, которые дают представление о правлении и личности правителя. Историк Ибн Арабшах, служивший при Сохибкиране, в своей книге “Аджайиб ал-мақдур фи тарихи Таймур” (“Чудеса судьбы истории Темура”) свидетельствует, в частности, что Темур был высок и крепкого телосложения, с крупной головой, отличался силой и отвагой.

Образ Темура в изобразительном искусстве отражен в миниатюрах выдающегося художника-миниатюриста средневекового Востока Камалиддина Бехзода и его учеников, выполненных в произведении “Зафарнома” Шарафиддина Али Язди. Эти и другие произведения, миниатюры свидетельствуют о победоносных походах Амира Темура и его встречах с учеными и богословами.

В 1941 году антрополог М. Герасимов при вскрытии гробницы Амира Темура в Самарканде по черепу восстановил облик правителя. А в 1946 году молодой художник Чингиз Ахмаров создал картину “Темур. Самарканд. Бибиханум”, которая в настоящее время хранится в Фонде Марджани в Татарстане. В этой мастерски выполненной многофигурной композиции изображена сцена, где Амир Темур дает распоряжение о строительстве мечети Бибиханум.

Спустя 45 лет, Чингиз Ахмаров приступает к работе над полотном “Старость. Темур и Бибиханум”. К тому времени отношение к образу Амира Темура в науке и обществе изменилось, сейчас он трактуется как национальный герой независимого Узбекистана.

Работа выполнена в сочетании синих и зеленых тонов. Сидящий у огня постаревший Сахибкиран, а на заднем плане назидания Те-

AMIR TEMUR'S IMAGE IN FINE ARTS

Samandar EGAMBERDIEV

There are many historical chronicles devoted to Amir Temur, a talented commander and politician, patron of trade, crafts, science and art, which give an idea of board and personality of the ruler. The historian Ibn Arabshah, who served with Sohobkaran, testifies in his book “Ajayib al-Makdur fi tarihi Taymur” (“Miracles of Destiny of the History of Temur”), in particular, that Temur was tall and strong built, with a large head, distinguished by the strength and courage.

Temur's image in fine art is reflected in the miniatures of the prominent miniaturist of the medieval East Kamoliddin Behzod and his students, painted in the work “Zafarnoma” by Sharafiddin Ali Yazdi. These miniatures and other works confirm Amir Temur's victorious campaigns and reflect his meetings with scholars and theologians.

In 1941, anthropologist M. Gerasimov, after opening Amir Temur's tomb in Samarkand, restored the face of the ruler by his skull. And in 1946, a young artist Chingiz Akhmarov created a painting “Temur. Samarkand. Bibi Khanum”, which is currently stored in the Mardzhani Foundation in Tatarstan. This masterfully executed multi-figure composition depicts a scene where Amir Temur orders to construct Bibi Khanum mosque.

After 45 years, Chingiz Akhmarov began to work on the canvas “Old Age. Temur and Bibikhanum”. By that time, the relation to the image of Amir Temur in science and society changed, now he is treated as the national hero of independent Uzbekistan.

The work is done in a combination of blue and green tones. Aged sahibkiran sits by the fire against the background of his edification “Rosti and Rusti” and “Strength is in justice”. On the right of the ruler there is a crown, and on the left - a salla (turban) symbols of the unity of the power and religion of Islam in the state of Amir Temur.

In this work, Bibikhanum is de-

● гарган, у мустақил Ўзбекистоннинг миллий қахрамонига айланган эди.

Асар кўк-яшил ранглар уйғунлигида ишланган. Олд планда Соҳибқироннинг кексайган ҳолатда олов ёқиб ўтиргани, орқа фонда эса Темурнинг ўгити “Рости-Русти” “Куч-адолатдадир” сатрлари битилган. Ҳукмдорнинг ўнг қўл тарафида олтин тож, чап тарафида эса салла тасвирланган. Бу рамзлар Амир Темур ҳукмронлиги тамойилида ҳокимият ва ислом динининг уйғунлигини ифода этади.

Асарда Бибиҳоним анча ёшроқ тасвирланган, ваҳоланки, у Амир Темурдан унчалик ёш бўлмаган, яъни улар орасидаги фарқ 5 ёш эди. Образнинг ушбу талқини тарихий ҳақиқатдан узоқлашган, аммо академик А.Ҳакимов Чингиз Аҳмаров ҳаёти ва ижодига бағишланган “Мангу ёғду” китобида шундай фикрлар келтиради: “Балки бунда Ч.Аҳмаровнинг ўз автобиографик хотиралари акс этгандир. Бу ҳолда ёш Бибиҳоним образи расом хотирасида у бир неча йил аввал йўқотган абадий ёш ва гўзал Шамсруйи каби тасаввур уйғотилади...”

1994 йилда Ўзбекистон халқ расоми Малик Набиев “Амир Темур портрети” асарини яратди ва ушбу асар миллий рангтасвирда Амир Темур сиймосига нисбатан (эталон) намуна сифатида қабул қилинади. 1996 йилда ташкил этилган Темурийлар тарихи Давлат музейида сақланаётган (“Саной нафиса” гуруҳи: Ф.Камолов, Т.Болтабоев, С.Қорабоев, Х.Назирова) “Буюк Соҳибқирон – Буюк бунёдкор” деворий сурати Шарафиддин Али Яздийнинг “Зафарнома” асарига ишланган миниатюра асарлари асосида яратилган.

Мустақиллик йилларида кўпчилик расомлар ижодига Соҳибқирон образига мурожаат кузатилади. Булар ичида А. Алиқуловнинг “Элчилар қабули” (2004 йил) “Қўрғоннинг

● мура “Рости-Русти”, “Сила в справедливости”. По правую руку правителя корона, а слева салла (чалма) - символы единства власти и религии ислама в государстве Амира Темура.

В данной работе Бибиханум изображена юной, хотя разница в их возрасте всего составляла 5 лет. Данная трактовка образа Бибиханум далека от исторической истины, но академик А.Хакимов, комментируя в своей книге “Вечный свет”, посвященной жизни и творчеству Чингиза Ахмарова, пишет: “Возможно, здесь отражены и некие автобиографические воспоминания самого Ч.Ахмарова. В этом случае образ юной девушки Бибиханум мог ассоциироваться у художника с утерянной многие годы назад его Шамсрой..., оставшейся в памяти художника навсегда юной и романтической девушкой...”

В 1994 году народный художник Узбекистана Малик Набиев создал портрет Амира Темура, который в национальном изобразительном искусстве признан эталонным образцом. В Государственном музее истории Темуридов находится настенная роспись (группа “Саной нафиса” Ф.Камолова, Т.Болтабоева, С.Карабоева) “Великий Сахибқирон - Великий Созидатель” созданная на основе миниатюр к книге “За-

● pictured young, although the difference in age was only 5 years. This interpretation of Bibikhanum's image is far from historical truth, but academician A. Khakimov, commenting in his book “Eternal Light”, which is devoted to the life and work of Chingiz Akhmarov, writes: “Perhaps some autobiographical memoirs of Ch. Akhmarov himself are reflected here. In this case, the image of the young girl Bibikhanum could be associated by the artist with his Shamsira lost many years ago ..., who remained in the artist's memory forever the young and romantic girl...”

In 1994, the national artist of Uzbekistan Malik Nabiev created a portrait of Amir Temur, which is recognized as a reference sample in the national fine arts. In the State Museum of the History of Temurids, there is a wall painting (“Sanoy nafisa” group by F. Kamolov, T. Boltaboeva, S. Karaboev) “The Great Sahibkaran - The Great Creator” painted on the basis of miniatures to the book “Zafarnoma” by Sharofiddin Ali Yazdi.

In the years of Independence of the country, many artists in their work refer to the image of Sohibkiran. Among them such works by A. Alikulov as “Reception of Ambassadors” (2004), “Siege of a Fortress” (1999), “Samarkand Bazaar” (1996), “Amir Temur's battle with Tokhtomishkan”. Besides, this list

М.Нуриддинов. Амир Темурнинг давлат рамзларини қабул қилиши. 1996.
М.Нуриддинов. Принятие Амиром Темуrom государственных символов. 1996.
M.Nuriddinov. Adoption of state symbols by Amir Temur. 1996.

● ишғол қилиниши” (1999 йил), “Самарқанд бозори” (1996 йил). “Амир Темурнинг Тўхтамишхон билан жанги” каби асарлари алоҳида ўрин тутди. Шу билан бир қаторда М.Нуриддиновнинг “Амир Темурнинг дават рамзларини қабул қилиши” (1996 йил), Б.Айтмуратовнинг “Амир Темур жанг олдида” (1996 йил), О.Мўминовнинг “Амир Темур отаси билан” (1996 йил), З.Фахриддиновнинг “Амир Темур машварати” (1996 йил), “Олимлар баҳси”, “Амир Темурнинг шаҳарга кириб келиши” (1996 йил), Д.Имомов “Амир Темур ҳарбий кўриқда” (1996 йил), Ч.Бекмиров “Амир Темур машқда” (1996 йил), И.Алибековнинг “Амир Темур Устюртда” (1996 йил) каби асарларини санаб ўтишимиз мумкин.

Ушбу дастгоҳли рангтаъсир асарларда Амир Темур нафақат бунёдкор ва адолатпарвар ҳукмдор, балки миллат қаҳрамони сифатида гавдаланади.

2001 йилда рассомлар А. Алиқулов, А. Агаханян, З. Гулметовлар ҳозирда Ўзбекистон тарихи Давлат музейида сақланувчи Амир Темур ва темурийлар даврига бағишланган деворий суратни яратдилар. 1993 йил 31 августда мустақиллик байрами арафасида Тошкентнинг марказий майдонига “Амир Темур хиёбони” номи берилди ва хиёбон марказига (ҳайкалтарош Илҳом Жабборов) Амир Темурнинг бронзадан ишланган ҳайкали ўрнатилди. Ҳайкал ўрнатилган такурсида эса, Буюк Соҳибқироннинг “Куч – адолатдадир” шиори тўрт тилда битилган.

Амир Темурнинг 660 йиллик юбилейи муносабати билан 1996 йилда Соҳибқирон туғилган Шаҳрисабз шаҳрининг муҳташам Оқсарой майдонига ҳукмдорнинг монументи ҳамда Самарқанд шаҳрининг Кўксарой майдонига қудратли мамлакат шоҳининг тахтада ўтирган маҳобатли ҳайкали ўрнатилди.

● фарнома”и Шарофиддина Али Язди.

В годы независимости страны многие художники в своем творчестве обращаются к образу Соҳибкирана. В числе их выделяются произведения А.Аликулова “Приём послов” (2004 год) “Осада крепости” (1999 год), “Самаркандский базар” (1996 год), “Битва Амира Темура с Тохтамишаном”. Кроме того, сюда можно включить работы М. Нуриддинова “Принятие Амиром Темуром государственных символов” (1996 год), Б. Айтмуратова “Амир Темур перед сражением” (1996 год), О. Муминов “Амир Темур с отцом” (1996 год), З.Фахриддинова “Советование Амира Темура” (1996 год), “Дискуссия ученых”, “Въезд в город Амира Темура” (1996 год), Д. Имомова “Амир Темур на военном смотре” (1996 год), Ч. Бекмирова “Амир Темур на занятиях” (1996 год), И. Алибекова “Амир Темур в Устюрте” (1996 год).

В этих станковых картинах Амир Темур раскрывается не только как создатель, но и как национальный герой.

В 2001 г. художники А.Аликулов, А.Агаханян З, Гулметов выполнили настенную роспись, посвященную эпохе Амира Темура и Темуридов, которая хранится в Государственном музее истории Узбекистана. Накануне Дня независимости, 31 августа 1993 года, центральная площадь в Ташкенте была названа именем Амира Темура и установлена его бронзовая статуя (скульптор И. Джахбаров). На пьедестале скульптуры на четырех языках выведен девиз великого Саҳибкирана “Сила в справедливости”.

К 660-летию юбилею Амира Темура, в 1996 году, сооружены памятники на площади Аксарай в Шаҳрисабзе – величественный монумент на родине Саҳибкирана, и на площади Куксарай в Самарканде, где глава могущественного государства изображен восседающим на троне.

● can be added by such works as “Adoption of state symbols by Amir Temur” by M. Nuriddinov (1996), “Amir Temur before the battle” by B. Aytmuratov (1996), “Amir Temur with father” by O. Muminov (1996), “Meeting of Amir Temur” (1996), “Discussion of Scientists” and “Entrance to Amir Temur’s

Ч.Ахмаров. “Кексалик. Темур ва Бибихоним” 1991.
Ч.Ахмаров. “Старость. Темур и Бибиханум”. 1991.
Ch.Akhmarov. “Old Age. Temur and Bibikhanum”, 1991.

City” (1996) by Z.Fakhriddinov, “Amir Temur at a Military Review” (1996) by D. Imomov, “Amir Temur at a training” (1996) by C.Bekmirov and “Amir Temur in Ustyurt” (1996) by I.Alibekov. In these easel paintings, Amir Temur is revealed not only as a creator, but also as a national hero. In 2017, artists A.Alikulov A. Agahanyan and Z. Gulmetov made a wall painting dedicated to the era of Amir Temur and the Temurids, which is stored in the State Museum of History of Uzbekistan. On the eve of Independence Day, August 31, 1993, the central square in Tashkent was named after Amir Temur, where his bronze statue was installed (sculptor - I.Dzhabbarov). On the podium of the sculpture, the motto of the great Sahibkiran “Power is in Justice” is written in four languages.

To the 660th anniversary of Amir Temur, in 1996, two more monuments were erected, a majestic monument on Aksaray Square in the homeland of Sohibkiran in Shakhrisabz, and on Kuksaray Square in Samarqand, where the ruler of the powerful state is represented sitting on the throne.

ТРАДИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ТАШКЕНТСКОЙ ШКОЛЫ РЕЗЬБЫ ПО ДЕРЕВУ

Хуришда ХАЙИТБАБАЕВА

Резьба по дереву является одним из самых распространенных видов народного декоративного искусства Узбекистана. С 40-х–50-х гг. XX столетия начали формироваться и развиваться школы резьбы по дереву Коканда, Хивы, Самарканда и Ташкента. Среди них Ташкентская школа отличается самобытной техникой резьбы и орнаментом. Декоративные узоры выполнены двух-трехслойно, а поверхность узора обладает средней глубиной. Широко используются растительные и геометрические узоры, разнообразные способы резьбы, что, в свою очередь, создает художественную целостность произведений искусства. В частности, Сулейман Ходжаев, Максуд Касимов, ОртикФайзуллаев, а позднее Акмал Азларов сыграли большую роль в развитии самобытных традиций.

Акмал Азларов, мастер своего дела, на протяжении многих лет осваивал секреты резьбы по дереву у своих учителей Сайдазима Касимова и Артика Файзуллаева. Мастер использует безфоновый и глубоко-фоновые растительные узоры. В частности, выполненные растительными узорами лауи отличаются изящным рисунком и совершенством техники исполнения. В его орнаментальных мотивах прослеживается как растительные, геометрические узоры, “цветочный гирих”, так и символические темы.

В работах А.Азларова 1990–2000 гг. мы видим проявление сложных и тонких узоров, собственных мастеру. Однако во второй половине 2000 года произошли частичные изменения в творчестве А.Азларова. То есть, в работах, выполненных на заказ, в основном встречаются надписи и миниатюрные сюжеты.

Одной из наиболее важных граней творчества Акмала Азларова является использование узоров в качестве арабской каллиграфии на блюдах и панно, в которых отражаются традиции и современность.

Мастер создает образцы резьбы по дереву, содержащие арабские надписи, совместно с каллиграфами. Первоначально каллиграф переносит на белую бумагу контуры письма. Мастер создает соразмером предмета композицию и затем переносит ее на дерево для дальнейшей резьбы. Азларов главным образом работает с художником-миниатюристом Гайратом Рахматуллаевым. Композиция миниатюры конкретного предмета подбирается в соответствии с орнаментальной композицией резьбы. В подобных произведениях в основном используются темы: пиршество в саду, караван, охота и игра в нарды.

Сочетание миниатюры, резного орнамента и арабской каллиграфии встречается не только в произведениях А.Азларова, но и в работах таких мастеров как Зухриддин Нуриддинов, Миргиёс Пулатов. Арабская каллиграфия применялась в целом на предметах декоративно-прикладного искусства исламского периода, наряду с орнаментом. Возможно, современные мастера резьбы по дереву копируют в своих изделиях образцы ремесленников того периода.

Однако использование таких нововведений может повлечь утерю фактуры, снижение места и значимости резьбы. Возможно, синтезация разных видов искусства в одной работе является новаторством, но не следует игнорировать и традиционные особенности каждого из них.

Этот процесс как одно целое направление оказывает влияние практически на все области декоративно-прикладного искусства.

ЗАМОНАВИЙ ТОШКЕНТ ЁҒОЧ ЎЙМАКОРЛИГИ МАКТАБИ АНЪАНАЛАРИ

Хуришда ХАЙИТБОБОВА

Ёғоч ўймакорлик ўзбек халқ амалий безак санъатининг кенг тарқалган турларидан биридир. XX асрнинг 40–50-йилларидан бошлаб Қўқон, Хива, Самарқанд ва Тошкент ёғоч ўймакорлиги мактаблари шаклланиб, фаолият юритган. Булар орасида Тошкент ёғоч ўймакорлиги мактаби талқин услуби ва нақшлари билан ажралиб туради. Нақшли безаклар икки, уч қаватли қилиб ўйилиб, нақш сатҳи ўртача чуқурликда ажратилади. Ўсимликсимон ҳамда ҳандасавий нақш турларидан кенг фойдаланилиб, пардознинг турли усуллари қўлланилади, бу эса ўз ўрнида бадиий жиҳатдан мукамал санъат асарларининг юзага келишига замин яратади. Хусусан, Сулаймон Хўжаев, Мақсуд Қосимов, Ортиқ Файзуллаев кейинчалик Акмал Азларовнинг ёғоч ўймакорлигининг ўзига хос анъаналарининг ривожига ўрни бекиёсдир.

Ўз ишининг моҳир устаси Акмал Азларов узок йиллар давомида устозлари Саидазим Қосимов ҳамда Ортиқ Файзуллаевлардан ёғоч ўймакорлик сир-асрорларини ўрганган. Уста фонсиз ва чуқур фонли, ўсимлик гулларини эслатувчи ўйма нақшлардан фойдаланади. Унинг гулли нақшлар билан безатилган лавҳлари бошқалардан фарқли ўлароқ нозик чизгилари, техник мукамаллиги билан ажралиб туради. Унинг наққошлик мотивларида ислимий, геометрик, “гулли гирих” ва тимсолий мавзуларни ҳам кўриш мумкин.

А. Азларовнинг 1990–2000 йиллардаги ишларида ижодкорга хос бўлган мураккаб ва нозик нақшлар ифодасини кўрамиз. Аммо, 2000 йилларнинг иккинчи ярмига келиб А.Азларов ижодида қисман ўзгаришлар кузатилади. Яъни, буюртма асосида ишланган асарларда, асосан, ёзувлар ва миниатюрага оид сюжетлар кўпроқ учрайди.

● Анъана ва замонавийлик акс этган лаган ва панноларга араб ёзувларининг безак сифатида акс этирилиши Акмал Азларов ижодининг муҳим қирраларидан яна бири саналади.

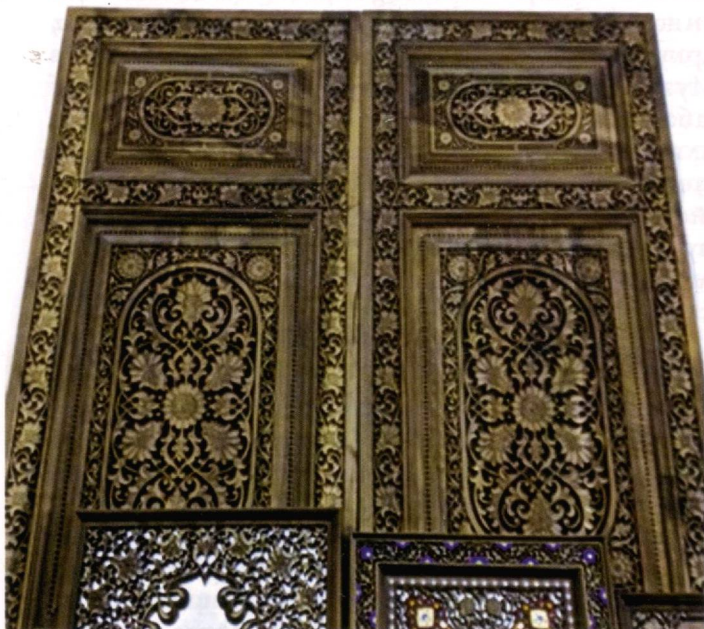
Уста араб ёзувлари акс этган ёғоч ўймакорлик намуналарини бевосита хаттотлар билан биргаликда яратади.

Дастлаб хаттот оқ қоғозга ёзув шаклини тушириб беради. Хунарманд эса шу асосда буюм ўлчамларига мослаб композиция чизади ва шу композицияни ёғочга тушириб ўяди. Уста миниатюрочи рассом Ғайрат Раҳматуллаев билан биргаликда ишлайди. Буюмдаги миниатюра композицияси ундаги ўймакорлик композициясига мослаб танланади. А.Азларовнинг ижодидаги бу каби асарларида, асосан, боғдаги базм, карвон, ов, нарда ўйини каби мавзулардаги тасвирларни кўришимиз мумкин.

Миниатюра, ўйма наққошлик ҳамда араб ёзувларини уйғунлаштириб ишлаш нафақат А.Азларов ижодида, балки, Зухриддин Нуриддинов, Мирғиёс Пўлатов каби усталарнинг ишларида ҳам намоён бўлмоқда. Бевосита айтиш керакки, Ислом даври амалий безак санъати буюмларида араб ёзуви нақшлар билан бирга чизилган. Балки, замонавий ёғоч ўймакор усталари ўша давр наққош усталари санъатидан андоза олиб, ўз буюмларида акс эттиришаётгандир.

Бироқ бу турдаги ёндашувни қўллаш, яратиладиган буюмларда ёғоч ўймакорликнинг фактурасини билинтирмаслик, ўрни ва аҳамиятини сусайтиришга олиб келиши мумкин. Бир буюмда турли хил санъат турларининг қоришувини кўриш янгилик бўлиши мумкин, аммо ҳар бир санъат турининг анъанавий ўзига хос жиҳатларини назардан қочирмаслик керак.

Бу жараён катта бир йўналиш сифатида амалий санъатнинг деярли барча соҳаларига ўз таъсирини кўрсатмоқда.

TRADITIONS OF MODERN TASHKENT SCHOOL OF WOODCARVING

Khurshida KHAITBABAEVA

Woodcarving is one of the most common types of decorative arts of Uzbekistan. Since the 40-50ies of the XX century woodcarving schools began to be formed and developed in Kokand, Khiva, Samarkand and Tashkent. Among them, the Tashkent school of woodcarving is distinguished by original carving techniques and ornaments. Decorative patterns are made of two or three layers, and the surface of the pattern has an average depth. Vegetable and geometric patterns are widely used and various ways of carving are applied, which, in turn, creates the artistic integrity of works of art. In particular, Suleyman Khodzhaev, Maksud Kasimov, Ortik Fayzullaev, and later Akmal Azlarov played a big role in the development of original traditions.

In Akmal Azlarov, the master of the craft, for many years mastered the secrets of woodcarving with his teachers Saidazim Kasimov and Artik Fayzullaev. He uses no-background and deep background vegetative patterns. In particular, laukhi executed by vegetable patterns are distinguished by the graceful tracery and perfect technique of execution. In his ornamental motifs one can see both floral, geometric, "flower girih", and symbolic themes.

When we consider A. Azlarov's works made in 1990-2000 we see manifestation of complex and subtle patterns peculiar to the master. However, in the second half of 2000 there were partial changes in his creativity. That is, in the works made to order, mostly there are inscriptions and miniature plots.

One of the most important facets of Akmal Azlarov's creativity is the use of Arabic calligraphy on dishes and panels, which reflect traditions and modernity.

The master creates woodcarving samples containing Arabic inscriptions together with calligraphers. Initially, the calligrapher draws contours of the writing on white paper. Azlarov creates a composition in the proportional size of the object and then transfers it to a wood plate for further carving. The master mainly works with the miniaturist Gayrat Rakhmatullaev. The composition of the miniature of a particular object is selected in accordance with the ornamental composition of the carving. In these works, such themes as garden feast, caravan, hunting and playing backgammon are mainly used.

The combination of miniature, carved ornament and Arabic calligraphy is met not only in the works of A. Azlarov, but also in the works of such masters as Zuhriddin Nuriddinov and Mirgiyos Pulatov. Arabic calligraphy was applied as a whole on objects of decorative and applied art of the Islamic period, along with ornaments. Perhaps modern masters of woodcarving copy in their products the samples of craftsmen of that period.

However, the use of such innovations can entail the loss of texture, and reduce the place and significance of carving. Perhaps the synthesis of different types of art in one work is a novelty, but the traditional features of each of them should not be ignored.

This process as a single direction has an impact practically on all areas of decorative and applied art.

СУРХОНДАРЁ ХААҚ МЕЪМОРЧИЛИГИ

Нурулло ТУРСУНОВ

Бойсун ва Шеробод воҳаси қишлоқларида ўзбек халқи таркибидаги турк, қўнғирот, қатагон, ҳўжа каби этник ғуруҳлар ва тожиклар узоқ давр мобайнида биргаликда яшаб келганлар. Узоқ муддатли ушбу алоқа уларнинг тили, кийим-кечаклари, ҳаёт тарзи ва анъанавий меъморчилигида умумий муштаракликни юзага келтирди.

Жумладан, Сурхондарё ҳудудида кўпроқ деҳқончилик билан шуғулланиб келган ўтроқ аҳолининг ҳовлиси “ичкари” ва “ташқари”га бўлинган. Ташқари ҳовлида меҳмонхона, ошхона ва бир неча хонали турар жойлар бўлиб, унда, асосан, ёш ўспиринлар ва ундан катта ёшдаги эркаклар яшаган. Уйларнинг олдида тупроқдан кўтариб супа қилишган, бу қиш ва кўклам ойлари қор ва ёмғир сувларининг уйнинг олдида тўпланмаслигини таъминлаган. Ҳовли деворлари лой сувоқ қилинган бўлиб, ғишт, гувала, пахсадан қурилган.

Воҳанинг шаҳар аҳолиси уй-жойлар қуришда қадимий анъаналарга таянишган. Жарқўрғон, Ангор, Музробод туманлари ва Шеробод воҳасида уйлар пахсадан, тархи тўғри тўртбурчак шаклида бўлган. Бойсунда эса тош, лой ҳамда ёғоч билан маҳкамланган усулда қурилган ва ўзига хос тоғ меъморчилиги мактаби шаклланган.

XIX асрнинг охири – XX асрнинг бошларида Сурхон воҳасида яшовчи ярим ўтроқ чорвадор аҳоли ўз маконларини барпо қилишда ҳудуднинг табиий-географик иқлим шароити, анъанавий турмуш тарзи ва машғулотларини инобатга олишган. Минтақа аҳолиси доимий турар жойлар “уйтом”лар билан бирга

НАРОДНОЕ ЗОДЧЕСТВО СУРХАНДАРЬИ

Нурулло ТУРСУНОВ

В селениях Байсунского и Шерабадского оазисов Сурхандарьи в составе узбекского населения длительное время проживали этнические группы турков, кунгратов, катаганов, хужа и таджиков. Длительные контакты сказались не только на общности в языке, стиле одежды, образе жизни, но и в традиционном зодчестве Сурхандарьи.

Оседлое – земледельческое население, особенно зажиточные семьи, обустроивали свои дворы из двух частей – “ичкари” (внутренний) и “ташқари” (внешний). Во внешнем дворе были гостиная, кухня, несколько комнат, для подростков и взрослых мужчин. Перед жилым помещением возводили супы из глины (глиняное возвышение), благодаря которым в зимние и весенние месяцы перед домом не скапливались осадки. Стены двора возводили из кирпича, пахсы, гувалы (высушенные на солнце глиняные катыши круглой или овальной формы), сверху покрывали глиняной штукатуркой.

Городское население оазиса при строительстве жилья ориентировалось на древние традиции. В Джаркурганском, Ангорском, Музрабадском районах и Шерабадском оазисе дома строили из пахсы в плане правильного прямоугольника. А в Байсуне применяли камень, глину, деревянный каркас, где и была сформирована локальная школа горного зодчества.

В кон. XIX – нач. XX в.в. полуседлое население Сурхандарьинского оазиса, занимавшееся, в основном, животноводством при строительстве домов учитывало природно-географические условия, традиции и сферу деятельности. В этом регионе рядом с домом для постоянно-

FOLK ARCHITECTURE OF SURKHANDARYA

Nurullo TURSUNOV

Such ethnic groups as Turks, Kungrats, Katagans, Khuzha and Tajiks lived for a long time as a part of the Uzbek population in the villages of Baysun and Sherabad oases of Surkhandarya. Long-term contacts affected not only the community in language, style of clothes and lifestyle, but also in the traditional architecture of Surkhandarya.

Settled-agricultural population, especially prosperous families divided their courtyards in two parts – ichkari (internal) and tashkari (external). In the external courtyard there were a living room, kitchen, several rooms in which teenagers and adult men lived. In front of living premises they built clay soupas (clay eminence), thanks to which rainfalls did not accumulate in front of the house in the winter and spring months. The walls of the courtyard were built of brick, pakhsa and guala (sun-dried clay pellets of round or oval shape), and covered them with clay plaster.

Urban population of the oasis during construction of housing focused on ancient traditions. In Djarkurgan, Angor, Muzrabad districts and Sherabad oasis, houses were built of pakhsa in the shape of a regular rectangle. And in Baysun they used stone, clay, wooden framework, where a local school of mountain architecture was formed.

In the late XIX – early XX centuries, semi-settled population of the Surkhan oasis, mainly engaged in animal husbandry, during construction of houses took into account the natural-geographical conditions, traditions and fields of activities. In this region, next to the house for permanent residence – “uytom”, there was also

● мавсумий ва вақтинчалик турар жойлар (оқ, қизил, қора ўтов, лочиқ, қапа, чум, чайла, чодир, хаванди, бошпана, тўла, ур том, боғ том, қушхона ва чўпон тўла кабилар) га ҳам эга бўлганлар. “Улахат” деб аталувчи турар жойлардан тоғ яйловлари, боғлар ва баҳорикор ерларда, асосан, воҳа ва тоғ қишлоқларида ўтроқ ва ярим ўтроқ аҳоли орасида кенг фойдаланилган.

Жанубий Ўзбекистон ўтроқ ва ярим ўтроқ аҳолиси орасида мавсумий ва вақтинчалик турар жойлар ичида чайлалар, чумлар, лочиқлар, капалар ва қора уйлар турлари сақланиб қолинган.

Мавсумий турар жойлар ичида ўтов алоҳида ажралиб турган. Ўтовнинг ёғоч асосини қўнғиротлар бошқа ярим кўчманчи ўзбеклар сингари сара тол ёки теракдан ясайдилар. Ўтовнинг деворлари йиғма ёғоч деворлар – “керага”лардан иборат, “увук” (“уук”) деб аталувчи бир учи эгик узун-узун ходалар ўтов томини ташкил этган. “Чангароқ” деб аталувчи чархпалакни увукларнинг тик учига қўндирганлар ва эгик томони керагаларга маҳкам боғланган. Чангароқнинг увук учлари кийдириладиган тешикчалар “кўз” деб аталган. Янада маҳкамроқ бўлиши учун чангароқ билан увуклар “чанбоғ” деб аталувчи тахталар билан айлантириб қоплаб чиқилган.

Керага панжаралари (асосан, тўртта) ўтов деворини ҳосил қилган, улар “кўк” деб аталувчи туя ёки ҳўкиз терисидан қилинган тасма иплар ёрдамида бир-бирига хочсимон кўринишда маҳкамланган. Ҳар бир деворнинг алоҳида бўлаги “қанот” деб аталган.

Ўтовнинг тепа қисми увуклар ва чангароқдан иборат. Чангароқ иккита ёйсимон новдалар бирлаштирилган айлана ёғоч чамбардан иборат. У айни вақтда ҳам дераза, ҳам мўри хизматини ўтаб, “туйнук” деб аталади.

● го проживания – “уйтом” ом – было и сезонное, временное жильё (юрта белая, красная, черная, лочиқ, қапа (шалаш), чум, чайла (тип шалаша), чодир (палатка), хаванди, бошпана, тўла, ур том, боғ том, қушхона и чўпон тўла). Такой тип жилья – “Улахат” использовали на пастбищах, в садах, на полях особенно широко в горных кишлаках среди оседлого и полуседлого населения.

На юге Узбекистана среди сезонного жилья оседлого и полуседлого сельского населения сохранились чайла, чумы, лочики, қапа и черные юрты.

Среди типов сезонного жилья были в основном юрты. Деревянную основу юрты кунграты, как и полукочевые узбеки, строили из ивы или тополя. Стены возводили при помощи сборных планок – “керага”, а из так называемых “увук” (“уук”), длинных жердей с загнутым концом, собирали крышу. “Чангароқ” – деревянный обод устанавливали на прямой конец увуков, а загнутый конец крепили с керага. Отверстия на деревянном ободе, в которые вдевались концы увуков, назывались “куз” (глаз). Для большей прочности обод и увуки вкруговую крепились досками, называемыми “чанбоғ”.

Решетки из керага (в основном четыре) составляли раздвижные стены юрты, они прочно крепились крест на-

● seasonal, temporary housing (white, red, or black yurt, kapa (shelter), skin tent, chayla (a type of tent), chodir (tent), havandi, boshpana, tula, ur tom, bogh tom, kushkhona and chopon tula). This type of housing – “Ulakhat” was used on pastures, in gardens, on fields especially in mountain villages among settled and semi-settled people.

From the seasonal housings of settled and semi-settled rural population only chayla, skin tent, lochiks, kapa and black yurts have still remained in the South of Uzbekistan.

Among the types of seasonal housing, a special place was occupied by yurts. The Kungrats, like the semi-nomadic Uzbeks, built wooden base of the yurt from willow or poplar. The walls were erected with the help of prefabricated laths – “keraga”, and so-called “uvuk” (“uuk”), long poles with a bent end were used for a roof. “Changarok” – a wooden rim was installed on the straight end of the uvuks, and the bent end of uvuk was fixed to keraga. Holes on the wooden rim, which were threaded into the ends of the uvuks, were called “kuz” (eyes). For greater strength, the rim and uvuks were fixed round by boards called “chanbog”.

Keraga grids (mainly four) were used as sliding walls of the yurt; they were firmly fastened

● Аҳоли кигиз қопланган ўтовни “уй”, эскирганини “қора уй”, янгисини “тўй ўтовни” ёки “оқ ўтов” деб аташган. Кўпчилик ўзига тўқ оилалар ўғил уйлантириш муносабати билан ўтов харид қилган. Тўй (оқ) ўтовни ўрнатиш катта оилавий тантана ҳисобланган. Уйнинг қопламаси (кигиз ва бошқа материаллар) мустақамлаш воситалари (боғлағичлар), ички ҳамда ташқи безакларини оиланинг моҳир кўлли аёллари бажарганлар. Ўтов жун ва ип газламалар билан безатилган, четларига махсус тўқилган попукли гиламлар осилган. Ўтовларни Шеробод, Бойсун чорвачилик яйловларида ҳозир ҳам учратиш мумкин, шунингдек, халқ сайилларида ўтов тикиш бугунги кунда яхши бир анъанага айланган.

Ўтроқ ва ярим ўтроқ аҳолида чайла (капа, лочик) шаклидаги турар жойлар ҳам бўлган. XX асрнинг ўрталаригача улар бу турар жой турларидан вақтинчалик бошпана сифатида фойдаланганлар.

Ўзбек ва қозоқларда чўпонларнинг конуссимон, бошлари бириктириб боғланган турар жойлари қадимги скиф турар жойларига маълум маънода ўхшаб кетади. Содда тузилиши ва тезда йиғиб олишга қулайлиги билан мавсумий ва вақтинчалик бундай турар жойлар олдинга ҳашак, қамиш билан ва кейинчалик, кигизлар билан ёпилиб, қозоқларда “курке” деб номланган. “Чўпон чайласи” номли бундай конуссимон чайлалар кейинги даврларгача етиб келган.

Қора уйлардан Кубодиён, Кофирниҳон ва Боботоғэтакларида, Қашқадарё ва Сурхондарё воҳаларида яшовчи қорлуқлар, дўрмонлар, барлослар кенг фойдаланганлар. Шунингдек, жанубий тоғли Тожикистон ва Ўзбекистон халқларида лочик кенг тарқалган.

● крест лентами “кук”, изготволенными из верблюжьей или бычьей кожи. Каждая часть стены называлась “канот”.

Верхняя часть юрты состояла из увуков и обода. Обод представлял собой деревянный круг, составленный из двух лукообразных жердей. Центр обода – “туйнук” служил и окном, и дымоходом.

Юрты, покрытые старым войлоком, назывались “қора уй”, новым – “туй утови” или “оқ утов”. Многие богатые семьи к свадьбе сына покупали юрту, установка которой считалась большим семейным торжеством. Женщины вручную заготавливали войлок и другие материалы для покрытия юрты, а также предметы для скрепления (ленты “кук”), для внутреннего и внешнего декора. Юрту украшали шерстяными и хлопчатобумажными тканями, по краям вешали специально сотканые ковры с кистями. На пастбищах Шерабада и Байсуна и в наше время можно видеть юрты. Сохраняется и традиция установки юрт на народных сайилях.

У оседлого и полuosедлого населения были и такие типы жилья, как чайла, капа, лочик, до середины XX века использовались в качестве временного пристанища.

Жилище узбекских и казахских чабанов было конусообразной формы с завязанным концом, подобно жилью древних скифов. Такое жилье, простое по строению и удобное для сбора, сначала покрывали соломой, позднее стали применять камыш, войлок. У казахов оно называлось – “курке”. Конусообразные чайла “Чупон чайласи” и черные юрты сохранялись довольно долго.

Черные юрты широко использовали карлуки, дурмены и барлосы, проживавшие в предгорьях Кубодиёна, Кофирниҳона и Бабатага, в Кашқадарьинском и Сурхандарьинском оазисах. Лочки были широко распространены среди народов южного Таджикистана и Узбекистана.

● crosswise by ribbons – kuk made of camel or bovine leather. Each part of the wall was called “kanot”.

The upper part of the yurt consisted of uvuks and a rim. The rim was a wooden circle composed of two bow-shaped poles. The center of the rim – “Tuynuk” – served as a window and chimney.

Yurts, covered with old felt, were called “kora uy”, and with a new felt – “tuy utovi” or “ok utov”. Many rich families bought a yurt for the wedding of their son, the installation of which was considered a great family celebration. Women manually prepared felt and other materials to cover the yurt, as well as items for fastening (ribbons “kuk”) and for internal and external decor. The yurt was decorated with woolen and cotton fabrics; specially woven carpets with tassels were hung around the edges. On pastures of Sherabad and Baysun even in the present time, one can see such yurts. The tradition of installing yurts on folk sayils is still preserved.

The settled and semi-settled population also had such types of housing as chayla, kapa, lochik, which were used as a temporary shelter until the mid-twentieth century.

The dwelling of the Uzbek and Kazakh shepherds was cone-shaped with a knotted end, like the dwellings of ancient Scythians. Such housing, simple in structure and convenient for construction, initially was covered with straw; later reed and felt were used. The Kazakhs called this housing – “kurke”. Cone-shaped chayla “Chupon chaylasi” and black yurts remained for quite a long time.

Black yurts widely used by the Karluks, Durmens and Barloses, who lived in the foothills of the Kubodiyon, Kofirnikhon and Babatag, in Kashkadarya and Surkhandarya oases. Lochiks were widespread among the peoples of southern Tajikistan and Uzbekistan.

ТОШКЕНТ – АДАБИЙ-МАДАНИЙ ТУРИЗМ МАРКАЗИ

Омон МУҲАММАДЖОНОВ,
Дилдорхон ҲОШИМОВА

Ўзбекистонда 7,3 мингдан ортиқ маданий мерос объектлари мавжуд бўлиб, улардан айримлари ЮНЕСКОнинг бутунжаҳон мероси рўйхатига киритилган. Республикадаги тарихий ёдгорликлар ва музейларнинг катта қисми хорижий ва маҳаллий туризм объектлари ҳисобланади.

Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2016 йил 2 декабрдаги “Ўзбекистон Республикасининг туризм соҳасини жадал ривожлантиришни таъминлаш чора-тадбирлари тўғрисида”ги Фармони туризм соҳасида дастурий лойиҳаларни амалга оширишга туртки бўлди, соҳани бундан кейин ҳам жадал ривожлантиришга, унинг иқтисодий ва маданий муҳим йўналишларидан бирига айланишига асос бўлади.

Ўзбекистон ноёб, кўп асрли маданият марказлари саналмиш шаҳарларга эга. Уларда асрлар давомида кўплаб сиёсий, ижтимоий-иқтисодий, жамоатчилик ва коммуникатив омилларни

ТАШКЕНТ – ЦЕНТР ЛИТЕРАТУРНО- КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

Омон МУҲАММАДЖОНОВ,
Дилдорхон ҲАШИМОВА

В Узбекистане насчитывается более 7,3 тысяч объектов культурного наследия, некоторые из которых включены в список всемирного наследия ЮНЕСКО. Большая часть исторических памятников и музеев республики является объектами зарубежного и местного туризма.

Новый импульс реализации программных проектов в сфере туризма придал Указ Президента Республики Узбекистан от 2 декабря 2016 г. “О мерах по обеспечению ускоренного развития туристской отрасли Республики Узбекистан”, который стал основополагающим, направленным на обеспечение дальнейшего, ускоренного развития туристской отрасли, превращение его в одну из важных отраслей экономики.

Многовековая культура Узбекистана, центрами средоточия которой являются города, формировалась и развивалась из множества факторов – политических, социально – экономических, общественных и коммуникативных. Среди городов особым статусом

TASHKENT – CENTER OF LITERARY AND CULTURAL TOURISM

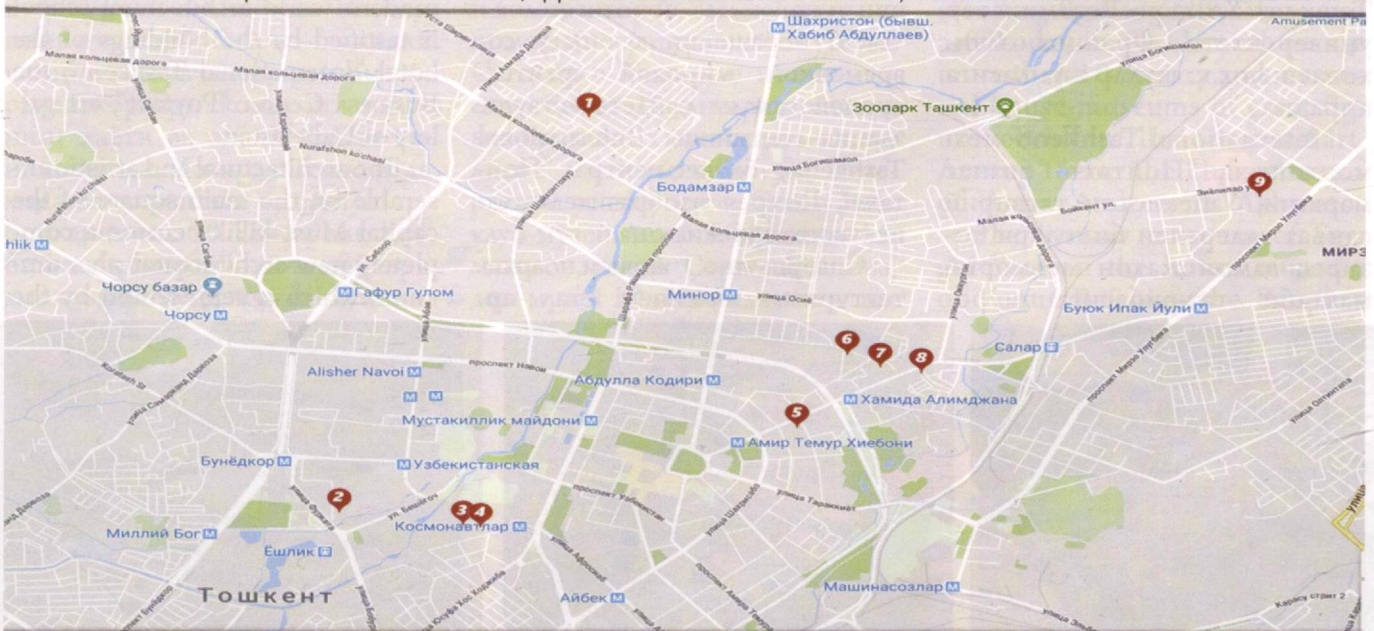
Omon MUKHAMEDZHANOV,
Dildarhon KHASHIMOVA

In Uzbekistan, there are more than 7,300 objects of cultural heritage, some of which are included in the UNESCO World Heritage List. Most of the historical monuments and museums of the republic are the objects of foreign and local tourism.

The decree of the President of the Republic of Uzbekistan “On Measures to Ensure Accelerated Development of Tourism Industry of the Republic of Uzbekistan” dated on December 2, 2016 gave a new impetus to the implementation of tourism projects and became a fundamental part in this sphere, which aimed at providing its further accelerated development and turning it into one of important sectors of the economy.

Uzbekistan has a unique, centuries-old culture, which centers of concentration are cities. During the course of history they formed and developed the peculiar urban culture, consisting of many factors such as political, socio-economic, social and communicative. Among the cities

ТОШКЕНТ ШАҲАР УЙ-МУЗЕЙЛАРИ / ДОМА-МУЗЕИ ТАШКЕНТА / HOME-MUSEUMS OF TASHKENT

1 – Ойбек уй-музейи,
2 – Гафур Ғулум уй-музейи,
3 – Абдулла Қаҳҳор уй-музейи,

4 – Юнус Ражабий уй-музейи,
5 – Мухтор Ашрафий уй-музейи,
6 – Сергей Бородин уй-музейи,

7 – Сергей Есенин музейи,
8 – Тамарахоним уй-музейи,
9 – Ҳурол Тансиқбоев уй-музейи.

● қамраб олган ўзига хос шаҳар маданияти юзага келган ва ривожланган. Шаҳарлар орасида икки минг йилдан зиёд тарихга эга Ўзбекистон пойтахти Тошкент шаҳри алоҳида мақомга эга. Бу ерда қадимги тамаддунларнинг ўтган асрларга оид қайта тикланган меъморий ёдгорликлар қолдиқлари билан бир қаторда нисбатан замонавий меъморий ёдгорликлар, моддий ва номоддий маданий меросга катта эътибор қаратилмоқда.

Тарихий-меъморий ечимга мурожаат қилишга уриниш сўнгги йилларда қад ростлаган кўплаб биноларнинг меъморий қиёфасида ўз аксини топди. Улар орасида Темурийлар тарихи Давлат музейи, Олий Мажлис Қонунчилик палатаси, Ўзбекистон Давлат консерваторияси, Ёшлар ижодиёт саройи, Тошкент ислом университети, Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамаси ҳузуридаги Қатагон қурбонлари хотираси Давлат музейи бинолари алоҳида ажралиб туради.

Шаҳар қиёфаси тарихий меъморчиликнинг элементларини сақлаб қолишга интилиш баробарида соф европача намуналарни ўзига синдириб бормоқда. Князь Н.Романовнинг собиқ саройи, Тошкент Давлат Юридик университети, Тошкент Халқаро Вестминстер университети, Франция элчихонаси ва ҳ.к. шулар жумласига қиради.

“International Tashkent” меҳмонхонаси, “Пойтахт” бизнес маркази, Ўзбекистон тасвирий санъат галереяси бинолари ҳозирги замон жаҳон меъморий мактаби тажрибасига муро-

● наделен Ташкент – столица Узбекистана, с более чем двухтысячелетней историей. Здесь наряду с сохранившимися архитектурными сооружениями древних цивилизаций, восстановленными памятниками прошлых веков, большое внимание уделяется и относительно современным архитектурным памятникам, материальным и нематериальным культурным ценностям.

Попытка обращения к историческим архитектурным формам нашла свое воплощение в архитектурном облике многих зданий, возведенных в последние годы. В их числе Государственный музей истории Темуридов, Законодательная палата Олий Мажлиса, Государственная консерватория Узбекистана, Дворец творчества молодежи, Ташкентский исламский университет, Государственный музей памяти жертв репрессий при Кабинете Министров Республики Узбекистан

Наряду со стремлением сохранить элементы исторической архитектуры, философия города включает в себя и чисто европейские образцы, которые не выглядят чем-то инородным в общем облике Ташкента. Это бывший дворец князя Н.Романова, Ташкентский Государственный юридический университет, Международный Вестминстерский университет, Посольство Франции, и др.

Об обращении к опыту современной мировой архитектурной школы свидетельствуют здания гостиницы “International Tashkent”, бизнес-центра “Пойтахт”, Галерея изобразительного искусства Узбекистана.

Совершенно новым архитектурным явлением стал ар-

● Tashkent – the capital of Uzbekistan, which has more than two thousand years of history, has a special status. Here, along with the preserved remains of architectural structures of ancient civilizations and restored monuments of past centuries, grate attention is paid to relatively modern architectural monuments, tangible and intangible cultural values.

Attempt to appeal to historical architectural forms has found its embodiment in architectural appearance of many buildings erected in recent years. Among them are such buildings as the Museum of History of the Temurids, Legislative Chamber of Oliy Majlis, Uzbekistan State conservatory, Palace of youth creativity, Islamic University, and the Museum of Memory of Victims of Repressions under the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan.

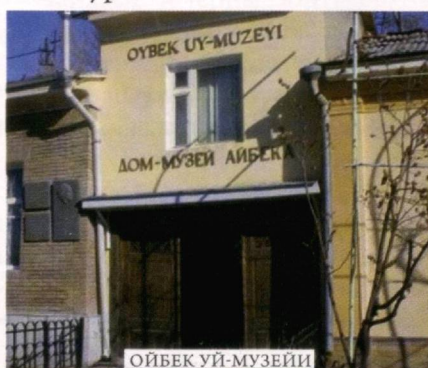
Along with the desire to preserve elements of historical architecture, the philosophy of the city includes purely European models that do not seem to be something alien in the general appearance of Tashkent. This is the former palace of Prince N.Romanov the buildings of Tashkent State Law University, the Westminster University, the Embassy of France.

The appeal to the experience of modern world architectural school is testified by the buildings of the hotel “International Tashkent”, the Business Center “Poytaxt”, art gallery of Uzbekistan.

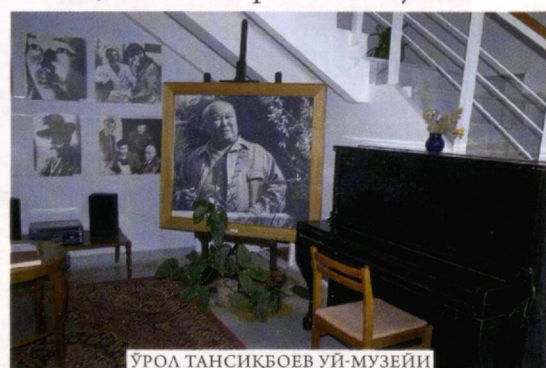
The architectural and artistic ensemble on the main square of the capital Mustakillik became a completely new architectural phenomenon, which is represented by the

ГАФУР ГУЛОМ УЙ-МУЗЕЙИ

ОЙБЕК УЙ-МУЗЕЙИ

ЎРОЛ ТАНСИҚБОВ УЙ-МУЗЕЙИ

● жаат қилишдан дарак беради. Пойтахтнинг Мустақиллик майдонидаги меъморий бадий мажмуа мутлақо янги меъморий ҳодиса бўлиб қолди, ундаги Мустақиллик ва эзгулик монументи, эзгулик аркаси – ўтмиш, ҳозир ва келажак ўртасидаги муносабат мужассамлашган ёдгорлик мажмуасидир.

Тарихий-меъморий ёдгорликларни сақлаш ва қайта тиклашга катта эътибор қаратилмоқда. XVI асрга оид Кўкалдош мадрасаси, XIII аср дурдонаси Шайх Зайниддин бобо мақбараси, XIX асрга оид Хўжа Алабардор мақбараси, Шайх Хованди Тоҳур мақбараси, Шайх Абулқосим мадрасаси, Ҳазрати Имом (Ҳаси Имом) ёдгорлик мажмуи янги таъмирдан чиқарилди.

Жаҳон адабиёти ва сиёсатининг буюк арбоблари ҳайкалларининг пойтахт маданий қиёфасида алоҳида ўрни бор. Жумладан, Александр Пушкин, Алишер Навоий, Низомий Ганжавий, Абай, Шастри, Т. Шевченко, Ш. Руставели ҳайкаллари катта маданий ва тарбиявий аҳамият касб этиб, ўзбек халқининг байналмилаллик моҳиятини ифода этади.

Тошкент неча асрларки, Ўзбекистоннинг адабий марказларидан бири ҳисобланади. Шу муносабат билан адабий-маданий туризм адабиёт ва санъатининг етук арбоблари – таниқли шоир ва ёзувчилар, рассомлар, санъаткорлар, композиторларнинг ҳаёти ва ижоди билан таништиради. Ҳозирда Тошкентда маданият, адабиёт ва санъат арбобларининг 10 дан ортиқ адабий ва мемориал уй-музейлари мавжуд. Шулар ичида қуйида-

● хитектурно-художественный ансамбль на главной площади столицы Мустақиллик, представленный Монументом независимости и гуманизма, Аркой добрых и благородных устремлений и Мемориальным комплексом, олицетворяющими связь между прошлым, настоящим и будущим.

Большое внимание уделяется сохранению и восстановлению исторических архитектурных памятников. Проведен комплекс реставрационно-восстановительных работ медресе Кукельдаш XVI в., Мавзолея Шейх Зайнидина бобо XIII в., Ходжи Алабардора XIX в., Шайх Хованди Тоҳура, медресе Шайх Абулкасыма, мемориального комплекса Хазрати Имам и др.

Немаловажное место в культурном облике столицы занимают памятники великим деятелям мировой литературы и политики: А. Пушкину, А. Навои, Н. Гянджеви, Абаю, Л. Шастри, Т. Шевченко, Ш. Руставели и другим, имеющим большое культурное и воспитательное значение, выражающие интернациональную сущность узбекского народа.

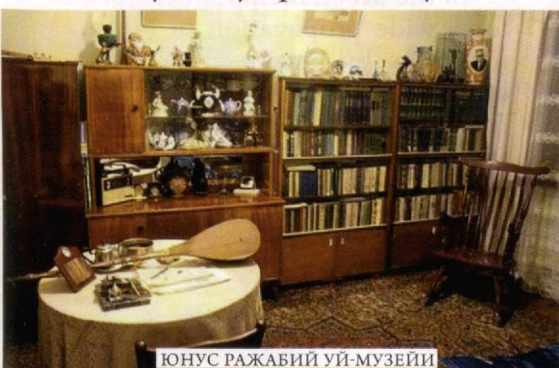
Тошкент на протяжении столетий является и литературной столицей Узбекистана. В этой связи литературно – культурный туризм знакомит с жизнью и творчеством знаменитых поэтов и писателей, художников, артистов и композиторов, выдающихся деятелей литературы и искусства. Сегодня в Тошкенте насчитывается более 10 литературных и мемориальных домов-музеев великих деятелей культуры, литературы и искусства. Среди них: клуб-музей Анны Андреевны Ахматовой, музей Сергея Есенина, дом-музей Юнуса Раджаби – на-

● Monument of Independence and Humanism, the Arch of Good and Noble Aspirations and the Memorial Complex, embodying the connection between the past, present and future.

Great attention is paid to preservation and restoration of historical architectural monuments. The complex of restoration-recovery works were carried out in Kukeldash madrasah (XVI century), the mausoleums of Sheikh Zayniddin bobo (XIII century), Khodzhi Alambardor (XIX century), Yunus Khan (XV century), Shaykh Khovandi Tohur, Shaykh Abulkasym madrasah, Khazrati Imam Memorial Complex and others.

An important place in cultural appearance of the capital is occupied by the monuments to such great figures of world literature and politics as A. Pushkin, A. Navoi, N. Ganjavi, Abay, L. Shastri, T. Shevchenko, Sh. Rustaveli and others, who have great cultural and educational significance, expressing the international essence of the Uzbek people.

Throughout centuries Tashkent is also the literary capital of Uzbekistan. In this regard, we would like to focus on literary and cultural tourism, which familiarizing with the life and work of famous poets and writers, artists, actors and composers, outstanding figures of literature and art. Today in Tashkent there are more than 10 literary and memorial house-museums of great figures of culture, literature and art. Among them: the club-museum of Anna Andreevna Akhmatova the literary museum of Sergei Yesenin the house museum of Yunus Rajabi – the People's

ЮНУС РАЖАБИЙ УЙ-МУЗЕЙИ

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН МУЗЕЙИ

АННА АХМАТОВА КЛУБ-МУЗЕЙИ

● гиларни алоҳида тилга олмоқ жоиз: Анна Ахматова клуб-музейи, Сергей Есенин музейи, Ўзбекистон халқ артисти, таниқли хонанда, бастакор ва халқ мусиқасини йиғувчи Юнус Ражабий уй-музейи, Ўзбекистон халқ рассоми Урол Тансиқбоевнинг уй-музейи, Халқ артисти, бастакор, дирижёр, ўзбек миллий операси асосчиларидан бири Мухтор Ашрафийнинг уй-музейи, Ўзбекистон Халқ ёзувчиси Ойбекнинг уй-музейи, Ўзбекистон Халқ ёзувчиси Абдулла Қаҳҳорнинг уй-музейи, Халқ артисти Тамарахоним уй-музейи ва ҳоказо.

Миллий иқтисодий тизимнинг таркибий қисми бўлган адабий туризм соҳаси ўз фаолиятини кенг қамровда режалаштирмоғи, йўналтирмоғи ва уйғунлаштирмоғи лозим. У тараққиётнинг барча – ҳуқуқий, иқтисодий, ташкилий, ижтимоий, тарихий-маданий, илмий-маърифий, экологик жиҳатларига дахлдор бўлмоғи керак. Адабий туризмни туристик ресурсларидан фойдаланиш соҳаси сифатида креатив иқтисодиётнинг шўбаларидан бири деб қараш мумкин. Адабий туризм асосида маданий меросни билвосита тақдим этиш орқали туристик маҳсулотни сотишдан тушадиган фойда ётади.

Адабий туризм соҳанинг ёш турларидан бири ҳисобланиб, унинг асосий мақсади адабиёт ва санъат арбобларининг ҳаёти ва ижоди, яратган асарлари воситасида диққатга сазовор жойлар, табиий ва этник хусусиятлар, тарихий, меъморий ёдгорликлар билан таништиришдан иборат.

Шаҳар медиа (ахборот) майдонида уй-музейларни ижтимоий реклама, хусусан, маҳсул қурилмаларда – шчитлар, призматронлар ва видео экранларда, турфа кўрсаткичлар ва проспект буклетлар воситасида кенг тарғиб қилиш зарурати гоят муҳим бўлиб қолмоқда.

● родного артиста Узбекистана, известного певца, композитора и собирателя народной узбекской музыки, дом-музей Народного художника Узбекистана Урала Тансыкбаева, дом-музей Мухтара Ашрафи – композитора, дирижера Народного артиста, одного из основоположников узбекской национальной оперы, дом-музей Айбека – Народного писателя Узбекистана, дом-музей Абдуллы Каххара – Народного писателя Узбекистана, дом-музей Тамарыханум – Народной артистки и др.

Деятельность в области литературного туризма, являющаяся интеграционной составной частью национальной экономической системы, должна планироваться, направляться и координироваться комплексно, затрагивать все аспекты его развития – правовые, экономические, организационные, социальные, историко – культурные, научно-образовательные, экологические. В данном контексте рассмотрения туризма, как сферы использования туристических ресурсов, литературный туризм может рассматриваться как один из секторов креативной экономики. В основе литературного туризма лежат репрезентация культурного наследия, извлечение прибыли от реализации туристского продукта.

Литературный туризм является одним из самых молодых видов туризма, основной целью которого ознакомление с жизнью и творчеством деятелей литературы и искусства в аспекте их произведений с достопримечательностями, природными и этническими особенностями, памятниками истории, архитектуры.

В городском медиапространстве важна широкая пропаганда домов-музеев посредством наружной социальной рекламы, размещенной на специальных конструкциях – щитах, призматронах и видеоэкранах, растяжках, указателях, штендерах и др., а также посредством проспектов и буклетов.

● Artist of Uzbekistan, the famous singer, composer and collector of Uzbek folk music, the house-museum of the People's Artist of Uzbekistan Ural Tansykbayev, the house-museum of Mukhtar Ashrafi – the People's Artist of the USSR, composer, conductor and one of the founders of the Uzbek national opera, the house-museum of Aybek – the People's Writer of Uzbekistan, the House-museum of Gafur Gulyam – the People's Poet of Uzbekistan, the house-museum of Abdullah Kahhar – the People's Writer of Uzbekistan, Memorial Museum of Tamara Khanum – the People's Artist of the USSR.

The activity in the field of literary tourism, which is an integral part of the national economic system, should be planned, directed and coordinated in a comprehensive manner and affect all aspects of its development – legal, economic, organizational, social, historical, cultural, scientific, educational and environmental. In this context, the consideration of tourism as a sphere of use of tourism resources, the literary tourism can be considered as one of the sectors of the creative economy. The basis of literary tourism is the representation of cultural heritage, and generation of profits from sale of a tourist product.

Literary tourism is one of the youngest types of tourism, the main purpose of which is to familiarize with the life and work of writers and artists, and in the aspect of their works, with sights, natural and ethnic features, monuments of history and architecture.

In the urban media space need for a wide propagation of house museums by means of outdoor social advertising placed on special structures – boards, prisms and video screens, banners, guide-boards, pillars, etc., as well as by means of brochures and booklets.

Литература:

1. Мудай.уз. Музеи. Дом-музей Юнуса Ражаби.
2. Uzenru. O.txt. Музеи и галереи Ташкента. Дом-музей Айбека.

1999 йилдан чоп этила бошлади.
Уч ойда бир марта ўзбек-рус-инглиз
тилларида чиқади

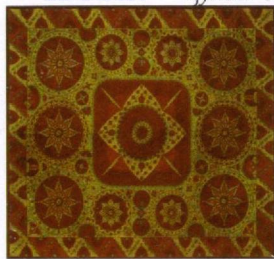
МАДАНИЯТ АЛИФБОСИ

КАШТАДЎЗЛИК, каштачилик – кашта тикиш касби, амалий

санъатнинг қадимий соҳаларидан бири. Археологик топилмалар каштадўзликнинг ҳар бир халқнинг маданияти, санъати, касб-ҳунар турлари билан бирга, уларнинг таъсирида ривож топганини кўрсатади. Нурота, Бухоро, Самарқанд каштадўзлик маҳсулотлари кўпроқ йўрма чок билан, Шаҳрисабзда йўрма, кандахаёл, ироқи, Тошкентда эса кўпроқ босма чок билан тикилган.

ПАЛАК – қўлда ёки машинада кашта тикиб тайёрланадиган бадий

буюм. Ип-газлама (ўтмишида оқ ёки малла бўз)га босма ва бошқа чокда кашта тикилади. Тўлин ойли осмон акс эттириладиган нақш мужассамоти осмон, ой ва юлдузларни ифодаловчи размий шакллар (доира ва юлдузлар)дан иборат. Гулларининг йириклиги ва замини ҳам кашта билан қуюқ қоплаб тикилишига кўра сўзанадан фарқ қилади. Тасвирдаги ой сонига қараб 6 ойли,

12 ойли ва бошқа палак хиллари мавжуд.

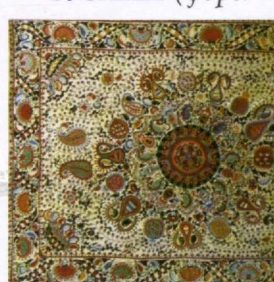
ГУЛКЎРПА – сўзана тури; матога кашта тикиб тайёрланадиган

бадий буюм. Гулкўрпанинг безак мужассамоти, асосан, ислимий нақшлардан иборат, марказида йирик ва бурчакларига кичик доирасимон ёки юлдузсимон гуллар, ҳошияси майда гул (шоҳча) лар тикиладиган мужассамот кенг тарқалган. Гулкўрпада нақш гулнинг ўзи кашта билан тикилиб кўп жойи (замини) очиқ қолдирилади, шуниси

билан у палакдан фарқ қилади.

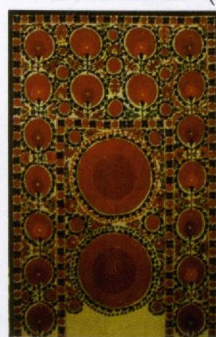
СЎЗАНА (форс. – игна билан тикилган) – машина ёки қўлда матога

кашта тикиб тайёрланадиган бадий буюм. Ип-газлама, шойи, бахмал каби сидирга матоларга турли чоклар (босма, йўрма, попоп) да кашта тикилади. Кашта замини сифатида мато ранги сўзана колоритини ҳосил қилишида муҳим роль ўйнаши билан палакдан фарқ қилади. Нақш мужассамоти марказий майдон ва ҳошиядан тузилган тўртбурчак,

мурабба шаклга эга бўлиб, асосан, ўсимликсимон нақш гуллардан иборат.

ЧОЙШАБ (форс. – тун чодир, рўйжо) – рўзгор буюми. Тахмонга туттиш, тўшак устидан тўшак қўйиш,

ётганда ёпиниш учун ишлатилади. Чойшабнинг тўшак устига ёзиладигани оқ сурп ва оқ малла бўздан каштасиз, баъзан кам каштали қилиб, тахмонга тутиладигани эса сатин, шойи, бахмал ва бошқа матолардан кашта билан безаб тикилади. Кейинги вақтларда баъзан рўзгорда безакли чойшаблардан сўзана каби бадий буюм сифатида ҳам фойдаланилмоқда.

БОШ МУҲАРРИР

Зафар Ҳақимов

ТАҲРИР ҲАЙЪАТИ:

Камола Акилова
Муҳаммад Аҳмедов
Бахтиёр Бобожонов
Додо Нозилов
Акмал Нуриддинов
Шокир Пидаев
Акмал Саидов
Шамсиддин Камолiddин
Акбар Ҳақимов

ЖАМОАТЧИЛИК КЕНГАШИ:

Зебунисо Алимардонова
Абдурашид Зикриллаев
Гулбахор Изентаева
Жаннат Исмоилова
Хўжақул Муҳаммадиев
Васила Файзиева
Наби Хушвақов
Инглиз тили муҳаррири
Раъно Холматова
Нашр учун масъул
Гули Имомова

Главный редактор

Зафар Хақимов

Editor in chief

Zafar Khakimov

Редакционная коллегия:

К. Акилова
М. Аҳмедов
Б. Бабаджанов
Ш. Камолiddин
Д. Назылов
А. Нуриддинов
Ш. Пидаев
А. Саидов
А. Хақимов

Editorial board:

K. Akilova
M. Akhmedov
B. Babajanov
A. Khakimov
Sh. Kamoliddin
D. Nazilov
A. Nuriddinov
Sh. Pidayev
A. Saidov

Общественный совет:

З. Алимарданова
А. Зикриллаев
Г. Изентаева
Ж. Исмоилова
Х. Муҳаммадиев
В. Файзиева
Н. Хушвақов

Community council:

Z. Alimardanova
V. Fayziyeva
G. Izentayeva
Zh. Ismailova
N. Khushvaqov
Kh. Muhammadiyev
A. Zikrillayev

Редактор английского языка

Р. Холматова

Editor of the english language

R. Kholmatova

Ответственный за выпуск

Г. Имомова

Responsible for the edition

G. Imomova

ТАҲРИРИЯТ МАНЗИЛИ:

100129. Тошкент ш., Навоий кўчаси, 30.
Тел.: 244-34-65, 244-74-19. Факс: 244-74-19

E-mail: moziydansado@mail.ru

Индекс: 1047-шахсий обуначилар,
1048-ташкilotлар учун.

Журнал Ўзбекистон матбуот ва ахборот агентлиги томонидан 10.03.2017 йилда №10-3721 рақам билан рўйхатга олинган.

ISSN 2010-5258

“SILVER STAR PRINT” МЖЧ

босмаҳонасида чоп этилди.

Босма табағи: 6.

Буюртма рақами 1

Босишга рухсат этилди 24.01.2019

Адади 1000. Босмаҳона манзили: Учтепа тумани 22-даха, 17-уй.

Баҳоси келишилган ҳолда

ЎЗБЕКИСТОН МУЗЕЙЛАРИ ДУРДОНАЛАРИ
ШЕДЕВРЫ МУЗЕЕВ УЗБЕКИСТАНА
MATERPIECES OF MUSEUMS OF UZBEKISTAN

ЎЗБЕКИСТОН ДАВЛАТ САҢЪАТ МУЗЕЙИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВ УЗБЕКИСТАНА
THE STATE MUSEUM OF ARTS OF UZBEKISTAN

Баҳодир Жалолов. Малик Қайумов портрети. 1984 й. мато, мойбўёқ, 120x120

Баходир Джалалов. Портрет Малика Каюмова. 1984 г. холст, масло. 120x120

Bakhodir Jalalov. Portrait of Malik Kayumov. 1984 oil, canvas. 120x120